

Гусейнов Чингиз Магомед, Мамед, Мамиш

Чингиз Гусейнов

МАГОМЕД, МАМЕД, МАМИШ

Роман со сновидениями, их разгадкой, с наивными символами, сказочным гротеском, сентиментальными отступлениями, с эпилогом, похожим на пролог, - в собственном переводе автора с родного азербайджанского на родной русский.

Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ - рассказ об угловом доме на нашей улице, который похож на старый, но еще крепкий ко-рабль. Нос его остро выдается вперед, мгновение - и корабль пустится в путь. А когда низко бегут гонимые северным ветром тучи, задевая отвисшими ключьями телевизионные антенны всевозможных конструкций или печные трубы, которые уже не дымят, а ты, заки-нув голову, неотрывно смотришь на небо и случайная крупная капля вдруг ударяет по щеке - впечатление такое, что угловой дом стремительно уносит тебя в от-крытый океан и, уж во всяком случае, несется по вспльчивому Каспию. На Каспии - полуостров, похо-жий, как это видится с космической высоты, на чуть загнутый клюв диковинной морской птицы. На полу-острове - угловой дом, в угловом доме - Мамиш. И не найдешь человека на нашей улице, который бы не знал его, а если кто и отыщется, то из новых жильцов, но та-ковых у нас почти нет: улица стара, редко кто сюда переедет, разве что по обмену в связи с разводом или молодожены снимут комнату. Чаще переезжают отсю-да, в новые микрорайоны *с номерами, пугающими ста-рожилов и радующими новоселов,- Седьмой микрорай-он, Девятый... Всем не терпится в отдельную квар-тиру с собственной ванной, пусть даже сидячей, и со всеми прочими удобствами. Случается, правда, и так, что живет человек в микрорайоне, а сам по привычке ходит в старые бани - то в "Фантазию", а то и в баню, за которой сохранилось имя ее бывшего владельца, "Хаджи хамамы", то есть "Баня Гаджи", что непода-леку от памятника Освобожденной женщине Востока, сбрасывающей чадру. О том, что Мамиш - личность, известная на нашей улице, судите по двум бейтам, не-ведомо кем сложенным. Не каждому такая честь. Стихи с каламбуром, увы, не передаваемым ни на каком ином языке. По одному бейту получается, что "Мамиш, Мамиш, ай Мамиш" - парень что надо, гордый, справедливый, неуступчивый, а по другому - что он как зеленая завязь на инжировом дереве: то ли нальет-ся медовым соком, если выращивать с умом, то ли сморщится, засохнет, если забросишь дерево. И не пой-мешь, какой раньше сочинен. Что означает первый, это всякому ясно, а каков смысл второго, тут как с голо-вой дракона - одну снесешь, а на ее месте три новые огнем на тебя полыхают. Настоящее его имя - Мухам-мед, так и записано в документах: метрике и паспорте на двух языках, азербайджанском (Мухаммед) и рус-ском (Магомед), студенческой зачетной книжке, слу-жебном удостоверении, военном билете, еще в каких-то книжках по охране памятников старины, озелене-нию, спасанию утопающих и так далее. Но никто его Мухаммедом, или, на русский лад, Магомедом не на-зывает - длинно и старомодно, сократили до Мамеда, а чаще - Мамиш. "Свет моих очей Мамиш!" - обраца-ется к сыну Тукезбан в своих письмах, написанных размашисто на листе из школьной тетради или чистой стороне телеграфного бланка. Вот она, Тукезбан-ханум, на любительской фотокарточке, ее окликнули, она ос-тановилась, повернула к нам лицо, улыбается. Одета в телогрейку и шаровары, голова закутана в платок, приглядишься - вся телогрейка облеплена крупными комарами и над головой облако

мошкары. Голо кру-гом, знобко, похоже на нашу апшеронскую зиму, но та-ково северное лето.

улыбаешься, конечно, не мне, а тому, кто щелк - и пошел дальше; нечего тогда и посылать мне!

Мамиш смотрит и смотрит на нее и, удивительное дело, каждый раз отыскивает в ее взгляде что-то новое. А случается, взглянешь сбоку, и не улыбается она во-все, а иронизирует: что, мол, вы понимаете в жизни и что вы видели; или упрекает: "А вы поездите по миру, посмотрите да поучитесь..."; будто только она и ездит; и Мамиша судьба носила по белу свету; а жалко, что мотается, немолода уже, хотя по карточке и не ска-жешь. Фотография эта вложена меж двух стекол, за-жатых проволокой, и стоит на комод, а рядом белый с желтыми прожилками кусок отпиленного бивня ма-монта, привезенного как-то матерью в дар Мамишу. Кусок тяжелый и холодный, с шероховатой, в шипах поверхностью. Семьи, как чего-то оседлого, с постоянной крышей над головой, в сущности, и не было; много-опытный золотоискатель Кязым, приезжавший перед самой войной в Баку на геологическое совещание, увлек студентку-первокурсницу Тукезбан рассказами о белых ночах и полярном сиянии, и та, бросив инсти-тут, пустилась с Кязымом в дальний путь. Рожать Ма-миша приехала в Баку, здесь ее дом, здесь мать; потом отняла ребенка от груди, оставив на попечение матери, которую сразу одарили двумя внуками - старший сын и она, Тукезбан,- и снова к мужу. "У Кязыма была бронь",- часто говорила бабушка.

- У меня была бронь, мы привезли тебя к бабушке, а сами улетели в Магадан,- рассказывает отец, сидя на корточках в тени навеса и нарезая большим, с толстой деревянной рукояткой ножом огромную продолговатую дыню с зеленоватой кожицей.

при чем тут бронь?! объяснил бы лучше, по-чему мы не вместе?

Бабушка, мать Тукезбан, неожиданно умерла. Приеха-ли оба в Баку, но вскоре Кязым настоял, и они перебра-лись в Ашхабад, в Туркмению, куда Тукезбан ехать не хотела, и Мамиш стал жить у второй бабушки, матери Кязыма, в доме, где он сейчас сидит и отец угощает его дыней. Раньше дом был глинобитный, низкий, и стоило бабушке начать рассказывать: "Жил-был плешивый, и влюбился он в шахскую дочь и возмечтал на ней же-ниться",- как на стене появлялась ящерица. На стене и не падает, подняла голову, видно, как дышит. "Кыш!" А она ни с места. "Безобидная она,- бабушка машет рукой, юрк - и вмиг нет ее,- только змее яд носит". А теперь чужой двухэтажный каменный дом.

нет в нем места ни для меня, ни для мамы.

- Да ты ешь дыню! - На отце майка-сетка, седые во-лосы курчавятся на груди, и шея мокрая. Августовская ашхабадская жара похлеще бакинской.

- В такую духоту.- говорит отец,- только холодная дыня и спасает.- А Мамиш слышит бабушку, надо же, так похожи голоса, с хрипотцой, низкие. "Это чал, вер-блужье молоко, холодное, выпей",- говорит бабушка, дорассказав сказку о плешивом, который женился-та-ки на шахской дочке; а потом за забором показались два горба и голова верблюда; вышли за ворота. "Поса-дите моего внука!" - будто рухнуло что-то: это верб-люод сел сначала на передние ноги, потом на задние; посадили Мамиша меж двух горбов. "Крепко держись!"

Верблюод покачнулся, назад кинуло, потом вперед, воз-несся Мамиш высоко, взлетел, видит свой двор, дом, другие дома далеко... "Снимите! Снимите меня!.." - пищит... Соскользнул на чьи-то руки. Дыня приторно-сладкая, и Мамиш ест через силу.

- Хорошая дыня,- говорит Мамиш.

- А я сладкое не очень люблю,- это Кязым.

только в этом мы и схожи с тобой, только в этом, и ни в чем другом.

- Давай с солью попробуем, очень вкусно... Эй, кто там есть? - И тотчас из дверей, тяжело ступая, осто-рожно неся большой живот, вышла к ним чужая жен-щина, новая жена Кязыма, и поставила перед Мамишем солонку.

А ночью постелили ему на веранде и Мамиш не мог уснуть. С детства в дороге, и нет ей конца. В Ашхабад, а после землетрясения - в Баку. Как надеялась тогда Тукезбан - навсегда. Мамишу надо в школу. И непременно в бакинскую!.. Ой как спорили Кязым и Тукезбан!.. "Не могу, задыхаюсь! - стонал он.- Твои братья!.." - и рукой, как ножом, по горлу проводит. И впрямь перережет. "А что братья? При чем братья?" Сама в душе не то чтобы очень, но еще слово - и согласится; но ей слышится нечто иное, а туда - ни за что! Тут дороги у них: по вербовке, в Ашхабад, в Баку. У Кязыма свои "или-или", у Тукезбан свои; но одно "или" (это кочевая жизнь) пока устраивает обоих. И Тукезбан уступила, они завербовались. Согласись Кязым жить в угловом доме, это Кязыму так кажется, и семья была бы, и разговору никакого.. Ах какая упрямая Тукезбан!.. И даже упрек в ее взгляде!.. Это будет, правда, потом, много лет спустя, а пока бабушка в Ашхабаде говорит вслух сама с собой: "Куда иголка - ту-да и нитка!" Чтобы другие слышали, а другие - это только Мамиш, он гостит у бабушки. Но почти каждое лето два каникулярных месяца Мамиш плавает по широким рекам со своими родителями. И у костра от гну-са спасается, и болотным запахом дышит. Именно в эти годы к Тукезбан в ее бакинской семье прилипла кличка: Кочевница. И однажды Кязым сказал: "Все! Кончаем скитаться! Пусть поищут счастья другие!" А тут еще письмо от Мамиша: его берут в армию. "Уже?!" - словно очнулась Тукезбан. "А ты как думала! - и в голосе злорадство.- Сына провожаем в армию и сами оседаем. Все!" А она слышит: "И не смей возражать!" И, конечно, думает Тукезбан: туда к тебе, да? Нет, нет, ни за что! И так упрямо, так несговорчиво, что Кязым злится. "Сам виноват,- Тукезбан Кязыму.- Не надо было приучать меня к кочевью". Он устал, а она, оказывается, только во вкус вошла. Говорил Кязым - сам себя слушал, говорила Тукезбан сама себе слушала. Было общее "или", и его не стало. А следом за письмом Мамиша телеграмма от соседей: "Мать при смерти". Приехал Кязым, а ее уже в живых нет.. Не пустовать же отцовскому дому! А какой сад фруктовый! Пора босиком по теплomu песку походить, в своем саду свой урюк срывать. Отслужил Мамиш положенную службу. Как вспомнит, в глазах чуть ли не слезы. Сначала на севере, где дюны, как горы, и лес - коса, как меч, и точит, точит ее с одного края море, а с другого залив; и каждое дерево посажено человеком, каждый куст, чтоб сберечь косу; были и ветры ураганные, как бакинский норд, валило сосны, хлестало, грохотало, море швыряло валы - вот-вот опрокинет выш-ку.. А потом на западе служил в долине с холмами, похожими на кавказские, откуда открывались зеленые дали, а рядом город - дома и вымытые улицы глядят-ся в свои отражения в зеркальных стеклах. Отслужил Мамиш и, как джигит в восточных сказках, оказался на перепутье трех дорог; в их семье всегда это перепутье. На север к матери? На юг к отцу? В город, который значится в документах как место рождения? Кстати, туда, чтобы работать на знаменитых нефтяных островах в Морском, где, неплохо себя показав, можно и неплохо заработать, год назад, демобилизовавшись, уехал его земляк - бакинец Сергей; туда же собирает-ся товарищ Мамиша по армии лезгин Расим. "Женись, пишет мне брат из Дагестана, говорит Расим, в больших глазах его постоянное удивление,- на дочке гене-рала, и чтобы она была у них одна-единственная..." - "Но при чем тут Морское?" - "Большой город близко, люблю Баку!" Все связывается воедино, коротко и ясно. Отец звал Мамиша в Ашхабад, но не очень настойчиво, мать советовала ехать в Баку, где у нее пустует комната в угловом доме. Это только мальчишкой боишься, что послушаешься и прилипнет к тебе обидное прозвище "маменькин сыночек". Но Мамиш все же, как послушный сын, поехал к отцу. И не услышал от новой жены его ни слова. "Вот, знакомься",- сказал Кязым, поглаживая бритую голову. Мамиш шагнул навстречу женщине, по пояс ему, протянул руку. Горе-ли ноги в сапогах, душила гимнастерка, давил ремень.

- С солью вкуснее, чуть смажешь дыньку, всю при-торность снимает.

что же посоветуешь сыну ты, умудренный опытом?

- Я советовать не люблю, не привык,

а ты поинтересуйся хоть, что я буду делать.

но скажу: если у тебя есть что-то вот здесь,- потрогал наголо бритую голову,- или здесь,- приложил руку к груди,- ты не заблудишься, или, как покойная бабуш-ка твоя говорила, звезду свою найдешь. И она тоже: "У каждого на лбу процарапана его судь-ба". И вспоминает сказку: "Жил-был плешивый, и влюбился он в шахскую дочь..."

- А советовать я не люблю. Кому что уготовано... Ты не ухмыляйся, старики это знали!.. матери скитаться, тебе - Ашхабад, мне - Баку.

И новый ломтик отрезает, мягко и плавно. "А он хит-рый, плешивый. Шах послал его на верную смерть, чтоб от дочери отвадить, а ему дракон и не страшен: взял меч, спрятался у арыка, ночью появится дракон и плешивый его перехитрит; дракон учуял человека, раскрыл пасть, чтоб сожрать плешивого, а тот взял меч руками за оба конца, выставил его вперед, дракон ду-мает, что ест плешивого, и ему невдомек, что располо-совал его меч, до самого кончика хвоста рассек плешивый дракона, вышел и обмыл свой меч в арыке"; Плешивому что, ему было легко! Захотел - и сам шах принял его. Пришел и сел на большой камень у шах-ского дворца. "Что тебе надобно, плешивый?" - "А я к шаху на прием". "Проходи, плешивый, шах ждет". И выслушал шах. И, верный своему слову, выдал за него дочь. А какой наивный дракон!.. Ест и ест, и боли никакой. "Пусть,думает дракон,- плешивый утешится, что меня надвое перерезал".

- Суетиться только не надо, и все образуется,- гово-рит Кязым. Ночью Мамишу постелили на веранде, и он никак не мог уснуть, глядел на яркие крупные звезды над головой. Что же случилось? Мамиш отчетливо помнит - стояли они втроем под большим, с широкими ветвями тутовником, отец осторожно срывал черные ягодки и протягивал Мамишу, иногда клал ему прямо в рот, чтобы сок не брызнул и не оставил малиноватобагровый след на рубашке. Даже здесь, в густой тени, ощущался летний зной, песок дышал сухим пламенем. И вдруг мать тронула рукой красноватое от загара пле-чо отца в белой майке-сетке, и у нее в глазах появился блеск какой-то непонятный. "Помнишь?" - показала она отцу на высокий дом, белевший вдаль, точно са-харный. Мамиш ничего удивительного в том доме не увидел: глухая стена с одним черным окошком в верх-нем углу; на слепящем белом фоне стены окошко бы-ло как черная дыра. Этот дом был неприятен Мамишу, он не любил ходить туда, потому что боялся, знал - в глубине сада, у дальнего забора похоронен дед мате-ри Агабек, так он завещал тогда, когда полсела принадлежало ему. Могильная плита искривилась, напо-ловину увязла в песке, каждое лето ее заново откапы-вали, но с осенними ветрами могилу снова заносило песком, он ложился плотно, прибываясь к каменному забору, и ветер рисовал на нем волнистые узоры, по-хожие на след змеи... Отец обнял мать. В руке у него была ягодка, которую не успел протянуть Мамишу, и Мамиш почувствовал, что и мать, и отец обо всем забы-ли, и о нем, Мамише, тоже. От обиды Мамиш чуть не расплакался. Мать прикрыла глаза, а потом странно так посмотрела на него. "Тебя еще не было, Мамиш, но ты должен был появиться",- сказала она, бросив взгляд - все такой же, почему-то неприятный Мами-шу - на отца. "Да,- вздохнул отец.- Даже не верит-ся, что все это было". Ягода в пальцах его смялась, сок потек, сворачиваясь на песке в черные шарики. И Ма-миш только потом, когда повзрослел, понял смысл ма-миных слов. Он больше не ездил на ту дачу, потом она отошла к чужим людям. Могилу занесло песком, ее уже не откапашь. И никому не ведомо, что там, в углу, у забора, есть плита, а под плитой останки прадеда Мамиша. Да и сохранился ли забор, остался ли вообще тот старый дом, в одной из комнат которого с черным окошком зародилось нечто, ставшее потом Мамишем?.. Все-таки жаль, далековато стало отсюда до моря; то-гда скалы на берегу примыкали к самому морю, песок в их тени был прохладный, а за четкой чертой тени раскаленный под солнцем белесый песок слепил глаза и жег ступни. От скал теперь надо идти и идти еще час, чтобы достичь моря, идти под открытым солнцем, злющим, испепеляющим. А утром Мамиш уехал поез-

дом до Красноводска и оттуда пароходом в Баку.

Мамиш написал сразу два письма, так у него заведено давно, еще с армии: в Ашхабад, где у него уже три се-стры, родные лишь по отцу, и в поселок Кулар, откуда мать прислала фотографию, в Якутию. И отцу и мате-ри он сообщил, что перешел - а вдруг забыли? - на четвертый, сдав последний экзамен по "Бурению неф-тяных скважин"; был вопрос: "Сущность вращатель-ного бурения"; по книжке это очень просто: в скважину опускается долото, оно крепится на бурильной тру-бе верхней рабочей трубой квадратной формы снару-жи, передается вращение от двигателя к бурильным трубам, через них же в скважину закачивается глини-стый раствор; Мамиш видит это с закрытыми глазами: а его и слушать не хотят, ясно, студент ведь особый, практик, на Морском работает; а Мамиш свое: вглубь и вглубь. А расскажи как не по книжке. "А вы видели горящее море? Нет?.." Комиссия думает, что Мамиш расскажет им, а Мамиш руками разводит: "Я тоже, увы, не видел; вернее, к счастью!" А было накануне приезда Мамиша в Морское - рядом со дна стала бить нефть, смешанная с газом и водой; Сергей рассказывал; и тут же частицы грунта, ударя-ясь о стальную арматуру, высекли искры, мгновенно возник пожар. Горящий фонтан выбросил арматуру в море как щепку, тяжелые рваные осколки, как снаря-ды, полетели на сотни метров по эстакаде. "Вот, смот-ри!" - показал ему Сергей тяжелый осколок: металл был отполирован бившим со дна песком до блеска... Пожар полыхал свыше двух недель, его удалось сбить взрывной волной. Когда Мамиш приехал сюда рабо-тать, фонтан еще бил. "А вы слышали, как ревет фон-тан? Сверлящий уши гул!.." Мамиш видел этот фон-тан: в небо бьет гигантский коричневый столб, море под эстакадой бурлит и кипит, лавина нефти, смешан-ная с землей, ударяясь об установленный над основа-нием заградительный щит из тяжелых толстых бре-вен, с шипением разбрызгивается по сторонам; на бу-ровой площадке стоят несколько тягачей и пожарных машин; и вокруг далеко-далеко тянется, расплзается нефтяной покров, похожий на крокодиловую кожу; и каждую минуту может вспыхнуть новый пожар; бранд-спойты с семи точек бьют и бьют по фонтану; загорись он - и будет гореть море; единоборство человека и стихии. И люди победили. Вот как не по книжке!.. Письма, похожие, как два инжировых листочка, сложил, заклеил Мамиш. Вышел на балкон, взглянул на двор, узкий и полутемный, как колодец. Однажды Ма-миш поймал редкого здесь, в их доме, гостя - солнце, с помощью увеличительного стекла оставил на перилах балкона свой вензель, а рядом - Р, ясное дело - ее имя. От балконных перил шел легкий тонкий дымок, пахло сухой горелой доской. Первая стрела, как у мно-гих, ударилась о камень, но другие уже стерли с губ под усиками горечь несбывшейся любви, обрели ее пусть не первый, но не менее сладкий вкус у иных по-друг, а М по-прежнему предан только Р, хотя от нее остался лишь обожженный кругляшок на кривой па-лочке.

Мамиш ехал домой после демобилизации и ранним ут-ром в Бресте в ожидании состава, который переводили с узкой колеи на широкую, вдруг услышал родную речь. "Из Баку?" - спросил он. "Да",- ответила одна, недовольно повернув к нему голову. Но Мамиша так обрадовало это давно не слышанное "да", что он тут же спросил снова: "Студенты?" Та собралась было об-резать его и прекратить все разговоры, но осеклась: ее поразила по-детски наивная улыбка рослого парня в солдатских сапогах и гимнастерке с широким ремнем. "И студенты есть... Будущие!" - и даже улыбнулась. Ясные, чистые голубые глаза, волосы медные горят и пе-реливаются под солнцем. И с такой нежностью и ме-лодичностью произносит азербайджанские слова, что Мамиш готов слушать и слушать всю дорогу, что он, кстати, и делал, весь день проведя в их купе. Она с золотой медалью окончила школу, почти студентка ту-рецкого отделения восточного факультета! Год удачный, интересная поездка в Брест с одноклас-сниками, и даже поклонник со странным именем Ма-миш. "Можете звать меня Мамиш".- "Что это Мамед?" - "А вы зовите Мамиш". В Москве Мамиш спе-циально пришел проводить их на Курский вокзал, и она помахала ему из открытого окна вагона, и

Мамиш уже жалел, что взял билет в Ашхабад и не едет с нею в Баку.

Он дважды приходил в университет и на турецком от-делении среди первокурсников ее не нашел. А потом случайно встретил. "Я вас искал". А она возьми да уколи: "Еще скажете, что из-за меня уехали из Ашха-бада!" Куда девалась ее уверенность? "Поступите на будущий год... А я вас действительно искал".

В саду Революции, за филармонией, как-то повстре-чался им Хасай, дядя Мамиша. "Непременно поезжай в Баку, сделай, как мама велит. Хасай тебе во всем поможет. Там моя комната есть". И тут на глазах рас-терянного племянника его дядя изменился: в голосе появилась вкрадчивость, в глазах ласкающая, притя-гивающая теплота. Мамишу даже страшно стало за Р, и он мгновенно понял, что может потерять ее. Она то-же почему-то растерялась, но быстро справилась с собой и, аллах знает, как ей это удалось, сразу же уло-вила избранный Хасаем тон, подстроилась под него. Ха-сай говорил о сущих пустяках, но с такой доверитель-ностью и проникновением. Холодный озноб прошиб спину Мамиша. У Хасая умелая хватка. Он обволакивал, будил в девушке непонятные ей самой чувства. То, что Р понравилась, было приятно Мамишу только в первое мгновение. Но тревога не! покидала его все последующие минуты, пока они стояли в тени деревь-ев сада Революции. Приятно, что выбор был одобрен, но страшно, что ты ее, оказывается, не знаешь, что ее могут на твоих глазах в ясный день при людях сму-тить, взбаламутить. Мамиш думал, что за месяц-дру-гой узнал ее, а тут на лице растерянность, робость, ка-кое-то оцепенение сковало, и она долго потом t оставалась рассеянной. Хасай, говоря с нею, отключил Мамиша, как-то изолировал Р, погрузил в свой, только для них двоих созданный микромир. А через несколько месяцев Хасай спросил:

- Чего не женишься, Мамиш?.. Да, кстати, я тогда те-бя в саду Революции встретил, видитесь? И прежняя тревога зашевелилась в Мамише. Ему вспо-мнились и взгляд Хасая, и бархатистые нотки в голосе. Мужественное, властное лицо, руки, знающие нечто интимное и запретное. Да, это он, Хасай, разбудил в ней такое (значит, было что будить, а Мамиш не сооб-разил), что она не захотела больше видеть Мамиша. Открыв ее для себя, Хасай закрыл ее для Мамиша. Может быть, он и преувеличивает, но именно это стало ему отчетливо ясно в тот момент, когда дядя вдруг невзначай вспомнил:

- Да, кстати, где она?
у тебя!..

Они и не ссорились вовсе - разошлись, забыв назна-чить день следующей встречи. И все. Просто и ясно, как с тем закрывающимся с последним лучом солнца листком странного дерева, под которым они потом си-дели. Хасай закрыл Р на ключ и ключ в карман. Ищи-свищи теперь тот ключик.

- Жаль, жаль,- задумчиво произнес Хасай, видя, что племянник молчит. Хорошая девушка, по-моему.

тебе лучше знать!..

"А я тебя искал". Неужели и с нею - как со всеми? На-до было как со всеми?

- Что с тобой?

- Ничего.- А сама как в лихорадке.

- Малярия у тебя?

- Какая малярия?! - И злость в голосе.

- Может, обнять тебя?

- Попробуй.- Взял за руки, а она дрожит. Прижать к груди? Но такая хрупкая. Руки никак не решались. Еще обидится.

- Не простудилась?

- Нет! - резко ответила и встала.- И провожать не надо! - Осунулась, бледная. А матери, как только дочь придет домой, и спрашивать не надо: "Уж не влюби-лась?" Она и не

спрашивает, только советует: "Тебя каждый полюбит, а ты не увлекайся!" Встала и ушла, а Мамиш сидит ошарашенный: "И провожать не надо!" А потом: "Иди же, что ты стоишь?" - крикнула она ему. Он к ней, а она как увидела его рядом, снова раз-дражение в ней поднялось. "Не провожай!" Договори-лись идти на пляж. "А как же завтра?" Он прождет ее, позвонит без толку домой к ней, простоит у ее дома до полуночи, недоумевая, где же она, и уйдет, отойдет, отдалится от него Р. На террасе над садом прохажива-ется милиционер. Остановился, смотрит сверху на оди-ноко сидящего человека, а ну как спросит: "Эй, молодой человек, что вы там делаете?" Когда сидели вдво-ем, и милиционера не было. В поезде кто-то на нижней полке рассказывает, а Мамиш лежит на верхней, смот-рит на пробегающие чахлые деревца, а поезд мчится все дальше и дальше на запад, к границе. "Они и сами не любят, когда церемонятся",- назойливо говорит тот, внизу. И Мамиш вспоминает, как в первый раз, во тьме, ни лица не запомнил, ни глаз. Только голос: "Ну?!" Ни волнения в голосе, ни нетерпения. "Иди же!" И по-том: "А ты очень впечатлительный". "Хасай тебе во всем поможет,- писала Тукезбан Ма-мишу по адресу "полевая почта".- Возвращайся непременно в Баку". Путь домой был кружной, через Ашхабад. И Хасай помог. Очень хорошо помог. И встре-тили его, и на работу он устроился, а еще через неде-лю Хасай пир закатил в честь Мамиша: "Всех друзей позови!.." А потом позлорадствовал, но безобидно:

- Это тебе не кызымовское угощение! - Хасай еще в первый раз, как встретился с Кызымом, невзлюбил его. А теперь тем более - родную его сестру, Тукезбан, оставил, хотя не поймешь, кто кого оставил, Тукезбан такая упрямая, не договоришься с нею.

отца моего не трогай, не надо!

- Ну что,- улыбается Хасай,- верно я говорю? Это тебе не кызымовское угощение: мясная тушенка в ржа-вой банке и походный котелок!..- Чего спорить с Хасаем? И младший дядя, Гейбат, вслед за Хасаем:

- Ко мне давайте, у меня двор большой, на всех места хватит, всех друзей своих позови! Хасай прослезился - какие у него братья! И сын кра-савец, и племянник - их стать, их кровь! Сегодня Гей-бат угостит, завтра Ага, средний брат, а над всеми над ними - он, Хасай, всем за отца. Мамиш пригласил свою бригаду.

- И это все?! - на лице Гейбата, всегда таком непо-движном, застывшем, изумление. Мамиш растерялся.

- А что? Мало?

- Да нет,- пожал плечами Гейбат.- Я думал, дю-жины две пригласишь... Но лучше меньше, зато на-стоящие друзья! Ничего,- успокаивает Мамиша Гей-бат,располагайтесь как дома, гость - самое дорогое для меня!...

И уже отброшен нож с темным сгустком. Даже издали чувствуется липкость крови, и шкурка барашка беле-ет, красная полоска на шерсти.

- Ну как, сын Кочевницы, доволен? - Хасай кладет руку на плечо племянника.- Пировать так пировать. Это тебе не кызымовское угощение! при чем тут отец?!

И Мамиш вспоминает, как мать упрекает Кызыма: "Да разве так мясо режут?! Ты бы у Хасая или Гейбата по-учился!" - "У Хасая! У Гейбата!" - передразнивает Кызым... Это Кызым и Тукезбан в честь сбора семьи решили в Ашхабаде приготовить шашлык. "Кто же так режет мясо? А ну-ка отойди!" И ловко, быстро раз, раз, раз и куски мяса не крупные, но и не мелкие. А потом в Якутии пировали в честь Мамиша. "Эх, в Баку бы сейчас!.." - размечталась тогда Тукезбан. Но Кызыма на сей раз не ругала, потому что один запах шашлыка чего стоит!.. И дым ест глаза, но комары не кусают.

- За великий народ в лице Сергея! - говорит Хасай.

- Я только верховой! - щеки у Сергея красные, уши горят (станет его слушать Хасай, сказал - выпили).

- За мудрый народ в лице Арама! - Это Ага.
- Он у нас моторист.- Мамиш доволен, что вся бри-гада здесь и угощает их его родной дядя.

- Тем более за него, раз моторист!
- И корреспондент,- тихо добавил Гая, их мастер.
- Тем лучше, поможет когда надо! - Тоже Хасай.
- Пропагандист Морского! О винограде на привозном песке, о выставке роз на нашем нефтяном острове и так далее! - Это Мамиш, а потом шепчет Хасаю: - Надо бы и за мастера, за Гая!

- Знаем, знаем, но Гая подождет, он наш! - У Хасая свои соображения, тем более что людей - раз-два и вся компания, он и не такие застолья вел.

- За наш Дагестан!
- Ваш, да наш! - вставил Расим, и в больших глазах у него и удивление, и вызов, и ожидание ответного удара, и готовность спорить. А Хасай уже забыл о Расиме.

- И за мастера Гая!
- Это мы его так прозвали. А зовут его Дашдемир Гамбар-оглы Камень-Железо, сын Бульжника.

- Гая - это скала, и к имени идет, и облику под стать!
- Почитатель ансамбля "Гая", поэтому.
- Не только! Скальной породы ваш мастер!
- И за Селима, бурильщика, чтоб до самого дна бурил. И за Мамиша, конечно.
- Нет, такого я еще не ел! - отвалился от стола Ра-сим. А уж он в армии съедал двойную норму и все рав-но голодный ходил. Последний шампур тому, кто жарил,- Гейбату.

- Ну, кто следующий пир закатит? - спрашивает Ха-сай и смотрит на Агу. А сам уже решил кто.- Ну уж Ага нам что-нибудь придумает без крови и кинжала, дикость какая-то... Да вымыл бы кто-нибудь этот кин-жал, черт возьми! крикнул Хасай. И тут же из дому выбежала Гумру, жена Гейбата, и нет уже кинжала со сгустком темной массы, скрылась в доме, откуда доно-сится звон посуды.

- А я и не знал, что она у тебя такая быстрая!
- Это не она быстрая, а твой голос прозвучал! - ска-зал Гейбат.
- Ты нам как отец родной! - Это Ага.
- Ладно, ладно, не хвалите, перед ребятами неловко.
- А пусть ребята слышат, какой у Мамиша дядя родной! - Как не гордиться Мамишу? Крепко прижал Хасай к груди Мамиша. Прикоснулся, и сразу будто та же кровь слилась воедино, до того физически ощутимо родство. И Гюльбала тут же, рядом с Мамишем, двою-родный брат его. И течет, соединяя их всех, кровь.

- Ну так кто же? Ты?
И Ага на балконе у себя шашлык выдал. И правда, без крови.
- Отличные у тебя дяди, Мамиш!.. Особенно Хасай.- Это Арам еще у Гейбата сказал. Два сына Гейбата песком очищали шампуры, отгоняя от себя самого млад-шего брата. На нем юбка вместо брюк. До приезда Ма-миша, в начале лета, самому младшему обрезание сде-лали, и он обвязан цветастым полотном, пока не зажи-вет ранка.

- У нас скоро свадьбы одна за другой пойдут! Сначала Гюльбала, потом Мамиш. Или ты раньше Гюльбалы? Что ж, и это можно, уже подрастают сыновья у Аги. И Гейбата. Шутка ли - если каждый год по свадьбе,- двое у Аги, плюс четверо у Гейбата!

и первый в этой цепочке ты сам, с тебя и начнем!
- Ну да ладно!.. За вашу интернациональную бригаду!
Так грохочет мотор и вращаются трубы, что буровая дрожит под ногами. Шум, лязг металла, надо кри-чать.

- Опять идут! - в ухо Гая кричит Машиш.

- А ты не смотри, делай свое дело! - спускаясь по на-клонному деревянному настилу, Гая идет навстречу гостям.

не поскользнься, а то опозоришься!

Начальник промысла размахивает рукой, что-то объ-ясняет гостям, приехавшим издалека, показывает на буровую, а потом и дальше, в открытое море, на остро-ва-основания. Смуглые худощавые гости в перламут-ровых зеркальных очках, кубинцы, наверно. И Гая стоит поодаль, руки в карманах куртки. Вся группа направляется к ним, поднимается по липкому на-стилу.

- Это у нас интернациональная бригада! - кричит начальник.

- А ну-ка отойди! - это из сопровождающих. Он снял свой светлый пиджак, отдал начальнику промысла, чтобы подержал, а сам Машиша теребит, мол, снимай робу, отойди. И гаечный ключ у него берет.

- Что вы, Джафар-муэллим, ну зачем? - останав-ливает его начальник.

- Нет, я должен! - И Машишу: - Дай закреплю! - и крепит трубу. Пыхтит, но получается. - Эх, силы уже не те!.. - Машиш слышал от Хасая это имя. Неужели он, тот самый, высокое начальство Хасая? Джафар-муэллим пожимает руку Машиша, возвращает ему ключ и робу. Сели в две машины, уехали.

- О тебе спрашивал,- говорит Гая Машишу.

- Кто?

- Наш начальник.

- С чего это?"

- Как же, друг Хасая, о его племяннике печется.

- А насчет труб ты сказал ему?

- Даст взбучку, чтоб не задерживали. При Джафаре-муэллиме сказал. И переводчику: "Вы им не перево-дите!"

В машине начальник повернулся к Джафару-муэллиму: "Знаешь, чью куртку ты надевал? Племянника Ха-сая!" - "Что ты говоришь?! Широкие брови, как у Ха-сая".

Машиш недоверчиво смотрит на Гая - когда он успел сказать?

- Буровая не может ждать!

- А почему ты молчал, когда робу свою давал? Ска-зал бы!
и скажу!..

А когда ехали в машине, в грузовике, в общежитие, Расим покачал головой:

- Красавец наш начальник!

- С лауреатским значком!

- Ишь ты, сверху углядел? - Селим у Сергея спра-шивает.- И я сразу увидел, на солнце горит. Массивное кресло оскалило свои львиные пасти-ручки. Старинное, высокая спинка с резным гербом, как трон. Парчовая обивка золотыми нитями прошита, позолота в углублениях деревянной резьбы тоже кое-где сохранилась, а на сиденье обивка стерлась, дыры, никто уже не садится, больно потому что. (А сядешь - пружина-ми ржавыми покряхтит и ждет, когда встанешь, чтоб крякнуть еще.) Стоит, никак не развалится.

- Машиш, ай Машиш, а тебя Гюльбала ждал, ждал...- Это мать Гюльбалы, Хуснийэ-ханум... Тихо, двор будто вымер, а голос в ушах. не дадут даже переодеться!

- Задержались, работа была тяжелая.

- Знаю, а как же?.. Но ты пойди, он очень просил,- повторяет она,- долго ждал тебя Гюльбала, очень долго.

дай хоть чаю попить!

Как ей рассказать? Болят мышцы, ноги гудят, спать, спать... Буровая барахла, тяжелый пласт, давление росло и росло; потом бур заклинило, пока они раствор вкачивали;

опасно, когда давление растёт, очень опас-но; может, как на соседней буровой... Море от толстого нефтяного слоя как в крокодиловой коже. Заклинило бур, схватило, Мамиш и так и сяк, на ручку тормоза всей силой давит - никак не высвободить бур, будто пригвоздили ко дну. Что там, в глубине? Час бились. А как удачно провели первое наклонное бурение!.. Писали газеты, передавали по радио, телевидению, пока-зывали в киножурнале... Мамиш на фотографиях вы-шел плохо, если бы не перечислили имена, доказывать пришлось бы, что это, мол, я за Гая стою. Смещенное лицо, будто одно наложено на другое, и оттого нет четкости во взгляде, весь облик расплывчат и неясен. Даже "Правда" о Гая рассказала, а тут... Хитрый же Гая! И везучий. Нефть под глубокой водой - до нее не до-берешься, если бурить прямо, сверху, потому что нет еще оснований для глубоководного бурения. Вот и со-образил Гая, хотя наклонное бурение до него придума-ли, но то на суше, а здесь море; да еще с таким откло-нением! Впервые в мире! Раньше американцев! Прямо не доберешься, а мы наклонно, сбоку, неожиданно для пласта. Он же дикарь, этот пласт. К нему надо умеючи подойти, стратегия ясна, а тактика - это талант, интуи-ция; и не каждому это дано; если напрямую не возь-мешь, схитри, придумай, черт бы тебя побрал, посиди, мозгам дай пошевелиться, если, конечно... И наклоняет, наклоняет он трубы... Первое бурение прошло успешно, и Гая взялся за второе; пусть бы другой, хватит судьбу испытывать - и слава есть, и уважают, и деньги большие всей бригаде выпали,- так нет, взялся Гая еще бурить с наклоном, правда, чуть меньшим. А тут за-клинило! Скандала не оберешься!.. Но главное спо-койно, без паники. Как это не слушаются недра? А мы этот бур сейчас... "Отойди-ка, Мамиш!" Гая отодвинул Мамиша, и сам не знает, как ему удалось высвободить бур, чутье какое или что еще? Много времени потеряли, но обошлось, и давление стало нормальным. - Ладно, пойду.

Кресло сначала было в большой комнате, где Хасай жил, перекочевало потом в среднюю, комнату Аги и Гейбата, потом в комнату Теймура, еще в одну и - в самую маленькую, ту, о которой Тукезбан Мамишу пи-сала ("Там у меня комната есть, живи в ней, она теперь твоя"). Мамиш вынес кресло на балкон: и место зани-мает, и толку никакого. Любил в нем сидеть Гюльбала. Кресло это - их прадеда Агабека, отца их бабушки Мелёкханум. Сидя в кресле, Гюльбала сказал очень обидное Мамишу. Весь утонул в нем, голова чуть ли не на уровне ручек, в выпуклые гладкие глаза львов пальцами тычет. "Мой отец лучше твоего". Мамишу Обидно, но он молчит. Гюльбала у них на улице самый сильный, заводила. "А ну за мной!" - и все бегут за ним на соседнюю улицу, где драка с "чужими", и те, конечно, по дворам разбегаются, станут они связывать-ся с Гюльбалой!.. Стоит он, ребята вокруг столпились, и Гюльбала рассказывает, как мушкетеры дерутся... Потом Мамиш прочел, видит, многое он присочинил, не так было. Расскажет, потом плюхнет в кресло, будто он и есть мушкетер, к ним в Баку приехал, устал после боя, сел отдохнуть. Сидит, сидит, вдруг вскакивает, уходит в комнату и зовет Мамиша: "Иди сюда! - До-стает из буфета высокую бутылку вина. Никого нет.- Хочешь? Это моему папе привезли. Давай..." Накло-няет бутылку, и густое вино льется в кружку. К ним без конца несут и несут, по коридору топают и топают люди в сапогах, чарыках, галошах, кепках, па-пахих каракулевых, шляпах. "На, пей". "Ты сначала".

"Боишься? - и одним махом полкружки.- Теперь ты",- говорит хрипло уже. И Мамиш пьет. Сладкое и обжигает. И снова Гюльбала в кресле сидит. Многое от него впервые Мамиш услышал. И не только про муш-кетеров. Гипнозом увлекся. Вольф Мессинг и Кио.

Однажды даже пытался Мамиша усыпить. Усадил в кресло и давай ему в глаза впиваться взглядом, и паль-цы - будто лапа коршуна. "Спи!.. Спи!.. Ты хочешь спать!.. У тебя тяжелеют веки, ты закрыл глаза!.." Мамиш закрыл глаза, но спать ему не хочется, и он, конечно же, сколько бы Гюльбала ни долбил "Спи!..", не уснет. Только бы не расхохотаться, а то обидится. Приятно даже сидишь в мягком кресле, отдыхаешь. "Уф, жарко! - говорит Гюльбала, видя, что "опыт" не удался.- Толстокожий ты, тебя не берет",- "Не уме-ешь, вот и

валишь на меня". - "Это я не умею?" - вскипает Гюльбала. Но "опыт" не повторяет. А потом стоят они, Мамиш рядом, и Гюльбала, их жоак, жоака другого квартала "разоблачает". Это Се-лим из Крепости, как его называют, гроза города. Но откуда Гюльбала знает, удивляется Мамиш, что Селим в милиции дал "твердое слово"? Исчез, будто лечился в больнице от ножевой раны, а сам трусливо прятался... И Гюльбала, доказав, что Селим вовсе не жоак и не человек даже, может делать с ним - это неписанный закон блатного мира - все, что захочет. И Гюльбала не спеша достает бритву ("Неужели?.." -у Мамиша за-хватило дыхание) и полосами разрезает шелковую ру-башку "врага"; лезвие иногда касается тела, и Селим вздрагивает, но молчит. Одна полоска, другая, много полос уже, и тот уходит посрамленный, и ленты ру-башки развеваются, треплются на ветру.

- Ты зачем его так? - Гюльбала недоуменно смотрит на Мамиша.- Зачем?

- А ты бы тогда, когда я бритвой... Вышел бы и за-щитил!

- И ты бы перестал?

- Я нет, но чего держать слово за пазухой? "За-чем"! - передразнил. Другой бы на моем месте кровью его лицо залил, а я только царапины на спине! Видел, как вздрагивал? Больше не сунется! Когда Мамиша определили в бригаду, где уже были его друзья, почти братья, Сергей и Расим, вместе ведь слу-жили, вдруг он Селима встретил, того самого, из Кре-пости. Мамиш Селима на всю жизнь запомнил, а Се-лим нет, он тогда, кроме Гюльбалы, никого не видел и не слышал. Селим казался Мамишу страшным и же-стоким, от него можно ждать всего. И очень за жизнь Гюльбалы опасался: Селим ведь прирезать может!.. Мамиш разволновался, жарко ему сразу стало... Долго не решался рассказать, а потом не выдержал, когда ему показалось, у Селима хорошее настроение было. Селим никак не мог поверить, что Мамиш - двоюрод-ный брат Гюльбалы. В эту минуту Мамиш заново пе-режил то старое чувство страха, когда взгляд Селима на миг помрачнел и бледность придала смуглому лицу серый оттенок. Но неожиданно для Мамиша Селим от-резал от себя старое, поморщился. "Спасибо ему, на всю жизнь отучил!.. И сам, по-моему, бросил!.. Обидно только, сколько времени и сил ушло!.. Дикие мы, Ма-миш, ой какие дикие!"

...Тихо, двор будто вымер. Блеяли овцы, кудахтали ку-ры, и шли, и шли мимо окна Мамиша люди к Хасаю. И чаще всех хромою один. Идет, палкой стучит по де-ревянному полу балкона. Тук-тук, тук-тук... И во всю мощь звучал огромный, как сундук, приемник, тро-фейный. Лилась и лилась музыка. "На дереве яблоко созрело, спелое, сорву и любимой в дар понесу..." Раз-рывались стены, дрожали окна.

- Я сам женю вас! И Гюльбалу, и тебя, и всех своих племянников.- Хасай обнял Мамиша за плечи.- Кста-ти, где та, я как-то вас видел, Мамиш!..

тебе виднее, где она!.., сам знаешь!..

И Гюльбала здесь, он о чем-то задумался. "У тебя уже седые волосы, Гюльбала! - вздыхает Хуснийэ, и глаза у нее слезятся. Она прижимает голову сына к высокой груди и будто убаюкивает его.- Мой Гюльбала, отчего у тебя так рано поседели волосы?! Да умереть мне, чем видеть эти седые волосы!"

Двор будто вымер. Мамишу надо спешить, уже ждут его. Быстро сошел по каменным ступеням, прошел ми-мо низких полуподвальных комнат, откуда часто висо-вывался Гейбат и кричал Хуснийэ: "Какого? Рога-ча?" - "Нет, пока не надо, это к празднику", - звонко отвечала молодая Хуснийэ. И выволакивал Гейбат в се-редину двора другого безрогого барана, тяжелого, с отвисшим курдюком. И уже отброшен нож и полоски красные на шерсти.

С улицы еще не убрали чан. Чуть ли не каждое лето приглашаются кирчики, латают давшую течь плоскую крышу, покрытую вечно трескающимся киром. На ули-це устанавливается громадный чугунный чан, в него валят старый кир, разводят костер, и черный дым с хлопьями копоти, и едким запахом гари несется и сте-лется по всему кварталу. Растопленный кир ведро за ведром втаскивается с помощью веревки и блока на крышу,

заливается в щели, и так до следующего раза, пока крыша в скором времени от ветров, влаги и солнца снова не начнет трескаться и течь. А как потечет да еще заждит - хоть переезжай отсюда; ступить некуда, пол заставлен медными кувшинами и тазами: где струей льется, где капли падают. В комнате Мамиша нет даже окна на улицу, единственное окно смотрит на балкон, да еще дверь наполовину застеклили, может сойти за окно. Света на балконе мало... Строили в старину, скупались, что ли? Те, конечно, у которых фон-ганировали скважины, приглашали кто итальянских, кто французских или немецких зодчих, и те возводили дома с тончайшими высокими колоннами - эти дома неподалеку от углового, в одном Дворце бракосочетаний, где толком еще ни один из Бахтияровых не справлял свадьбу, а в другом резиденция Президента, с которым Мамиш лично не знаком. Бакинская бабушка Мамиша Мелек-ханум была дочерью именитого, но обедневшего бека, а бедный бек, известно, живет хуже нищего, потому что ни к чему не пригоден и носится с родовым своим именем, как с ссохшимся бурдюком, пока не придет голодная смерть или не спасет чудо. Чудо пришло к Мелек, об этом - в свое время. Куда же спешит Мамиш? Будто сбросил он с плеч давящий груз и надел, сняв с вешалки, крылья, помахал ими, и не угонишься теперь за ним. Завернул за угол, широко шагает... А о тяжести груза я вспомнил не зря: бакинский дед Мамиша исходил город вдоль и поперек, сколько грузов на горбу перетащил; кто скажет "амбал" - носильщик, а кто "пехлеван", богатырь. Когда он, усталый, шел домой, люди, глядя на его могучую спину и большие руки, языком цокали и головами качали... Порой так крутанет штурвал корабля, с которым схож угловой дом, аж мачта затрещит, и, смотришь, бекскую дочь-красотку бросило в объятия обыкновенного амбала. Но Мамишу некогда. Он вмиг перепрыгнул через ступени, сотрясая дом. Давно оставлены кованые железные ворота. Мамиш спешит. Он как вихрь, как выпущенная стрела, как пуля, и не догонишь его.

ГЛАВА ВТОРАЯ - рассказ о пире мужчин в микро-районе и о том, что, если бы чудо - быстроходные чарыки - лапти были с нестирающейся подошвой, которые носили в старину влюбленные ашуги, можно было бы переломить хребет дороги. Надежные ослы и быстрые кони. Телеги, которые тащат быки, волы, буйволы. Фаэтоны с тонкими спицами колес... Промчалось такси, но Мамиш не остановил его. Сел как-то, на свидание с Р торопился. Шофер небритый, с круглым упитанным лицом, будто сливы за обе щеки заложил. "Не выключаете?" Шофер наращивает на уже полученные. "Лишнего не возьму",- буркнул с обидой. "Сколько же?" Шоферу будто фокус показали, сонливость как рукой сняло. "Считай, что даром!" Беден, мол, нечего садиться. А Мамиш только недавно демо-билизировался.

Проехали от Касум-Измайлова - угол Ефима Саратовца до парашютной вышки на бульваре. Опустил ему в карман распахнутой рубашки металлический рубль, и машина рванулась, обдав Мамиша облаком выхлопного газа. Это тебе не тот город, где он служил!.. А вот и автобус. Кружным путем, но надежно. Долго ждали и на других остановках, так что, когда автобус дотащился, он был набит до отказа. Задняя дверь закрыта, все сходят с передней и, спеша выскочить из духоты, бросают пятаки в плоскую широкую кепку водителя. Она и касса-автомат, который то ли заколочен, то ли сломан, она и кассир-кондуктор, которого сократили в связи с автоматизацией. Моток висит над головой водителя, хвост билетов нехотя колышет от дуновения, и до него не дотянуться. Жмут, торопят, жарко и душно. И сыплются пятаки в кепку. Все выйдут, и откроются задние створки, уставшие ждать штурмуют автобус. Попробуй упрекни! "Хо! Напугал! А я и другого твоего дядю знаю, Гейбата! Люблю при- вокзальный его ресторан". Гейбат крупный мужчина, рука - что труба на буровой, и шея бычья. Одну ногу до колена миной оторвало, вся сила потерянной ноги передалась плечам и шее. И левая рука, держащая палку, раздалась, кулак величиной со спелый арбуз. А как справляется с круторогим бараном: повалил, стоя на одной ноге, свернул ему шею, и уже баранья голова на земле, смотрит удивленно и не поймет, куда тело девалось. А потом глядит, не мигая, на шкуру, и дым щекочет ноздри; но зато какой хаш получится, с

золо-тистым бульоном да с чесночком из этой бараньей голо-вы!.. "Тоже мне законник! Напугал! Ему просто пятака жаль! А водителя не жалко?! Ему тоже иногда хаш поесть хочется!.." Привычные к вместительным кеп-кам водителей, люди не замечают и действующие кас-сы-автоматы. Потому что некогда. И строчит контор-ский служащий из ведомства Хасая: "На данный маршрут согласно проданным билетам выпустить столько-то автобусов". Иначе не пришлось бы Мамишу так долго ждать и он поспел бы в микрорайон на мужской пир вовремя, а не тогда, когда веселье разго-релось уже вовсю. Сначала трудно было войти в авто-бус, а потом еще труднее выйти. И каждый раз - сколько лет уже прошло! перед тем как позвонить в дверь, Мамиш собирается с силами: кто ему откроет? Он не хотел бы, чтоб Р. "А, это ты..." Неужели и та и эта - Р?

Именно с того застолья, собравшего всех Бахтияровых и полу-Бахтиярова Мамиша, и началось. Получилось так, что Хасай вспомнил брата, погибшего на войне, Теймура. Кто-то, кажется, Гейбат, сказал, что Октай, сын Хасая и Рены, вылитый Теймур; было помянуто и яблоко, разрезанное пополам.

- Ах, Теймур!..- вздохнул Хасай.- Вчера, вижу во сне, идет он, а я еле поспеваю за ним. "Куда ты, вер-нись!" - кричу ему. "Не могу! - он мне отвечает.- Дорога моя длинная, и нет ей конца!" А я за ним, за ним, еле поспеваю. "Что это за одежда на тебе? Солдат-ские сапоги в пыли, шинель в дырах, за спиной тощий вещмешок..." - "Солдату - солдатское!" - он мне с вызовом. "А где твоё ружье?" - спрашиваю. "Вот оно,- отвечает,- разве не видишь?!" Смотрю, палку он мне показывает. "Но это не ружье, Теймур, тебя обманули! Это же посох, обыкновенная кривая палка!" А он смотрит на меня долго-долго, а потом говорит: "Вот когда выстрелит, узнаешь, палка это или винтов-ка!" Я не могу поспеть за ним, останавливаюсь, чтоб отдышаться, а он идет, идет, не оборачиваясь, я ему кричу вслед, молю - вернись, а он уходит и уходит, все дальше и дальше... Всю ночь проплакал.

- Слезы к радости! - говорит Ага.

- А разговор с умершим к долгой жизни! - в тон ему Гейбат.

У Хасая густые седые волосы, а над энергичными гла-зами черные лохматые брови, весь, говорят, в Гюльбалу-пехлевана. А у Рены ясные чистые голубые глаза и волосы золотисто-медные, горят и переливаются под лучами солнца, которое вот-вот закатится. Мамиш на Октая смотрит, чтоб Теймура увидеть, да что толку? Тот мужчина, а этот дитя. И вспомнить не может Ма-миш, мал был.

- Ах, Теймур! Если бы ушел в сорок первом, что ж, все мы ушли, как говорится, защищать Родину, отда-вать свой долг. И отдали!

- перед кем красуешься?

- а хоть бы перед Реной!

"Ну да, просвистели над тобой пули! - кричит Хуснийэ Хасаю; крик по коридору бежит, заворачивает ра-за два и - в окно к Мамишу.- Да! - она не в духе, очередной скандал.- Слышала, как свистят пули в темную ночь!.." А разве нет? Это когда батальон Ха-сая перешел границу на Араксе, как писали тогда га-зеты, "в целях самообороны"; отдельные отрывочные ружейные выстрелы на Араксе стали с годами шкваль-ным, орудийным огнем. Бывает же такое, Джафар-муэллим был таким же командиром, как и Хасай, а теперь вот куда его занесло, непосредственное его начальство. Хасай рассказывает, а Джафар-муэллим молчит. "Пусть, кому это теперь важно?" И Джафар-муэллим вспоминает. "Помнишь, Хасай,- это они при Мамише вспоминали, а Мамиш слушал и молчал,- по-мнишь, как в деревне Келла тебя дети виноградом угостили?" - "А как ты, Джафар-муэллим, уплетал,- позволяет себе напомнить Хасай, забыв на минуту, что перед ним начальство,- холодную довгу (кислый мо-лочный суп с рисом, горохом и зеленью) в жару, когда песок плавился?" - "Где это было? Ах да, в поселке Алучжучи! вспоминает Джафар-муэллим.- Но, как ты помнишь, мы только помечтали о довге и отказа-лись есть".- "Как можно забыть?" - "Я без тебя тогда ни шагу!"

"Хорошо бы и теперь так", - думает Хасай.

- Да,- говорит он и гонит, гонит коня по дорогам воспоминаний,- все мы в сорок первом году воевали! Гейбат потерял ногу, Ага, вы знаете, испытал немало бед: плен, болезни всякие. Да пошлет аллах долгую жизнь его брату Хасаю, с его помощью вернулся с не-запятнанным именем в родные края, а я хоть и посе-дел, но все тот же Хасай, рука крепкая, вот она,- под-нял кулак,- а в душе,ладонью ударил по груди,- сколько хотите огня!

Но бывает и по-другому, когда взмыленный конь еле-еле на ногах стоит, сердце вот-вот выскочит из груди.

"Нет, что ни говорите, а обидно: желаний много, а силы уже не те!.." Хасай стоит перед большим зеркалом на стене, в резной раме оно, с золочеными фигурками, уцелело с бекских времен и привезено сюда недавно из отчего дома, и смотрит на свое отражение, сокрушается, что непомерно потолстел - до пупа и не доберешься,- заплыл. Попадет в гости к Аге, где шафранно-золотой плов, приготовленный искусной мастерицей, женой Аги, или к Гейбату, где осетрина на вертеле, попробуй удержишься!.. "Раз уж пришли, пусть насла-дится плоть!" И с усердием наваливается и на плов, и на эту самую осетрину, и на люля-кебаб, завернутый в нежный лаваш и такой сочный, что не успеешь взять в рот, как надо брать новый, потому что прежний уже растаял. "А что в этом дурного? Кто устоит? Француз? Американец? Видал я их!" Хасай группу сенаторов принимал из Америки, люля-кебабом их угощал; ему перевели: "Мы такого чуда еще не пробовали! Самое яркое впечатление из нашей поездки!" Да, годы уже не те!.. А недавно вдруг - что это за шишка в боку?! И страх пробежал по лицу. И болит немножко, когда надавишь. Но страх появился и ушел. Рена однажды видела - взял Хасай ее настольное зеркало, встал так, чтобы макушку разглядеть, и такая печаль (ну просто ребенок!) на лице!.. К седине, которая красила Хасая, оттеняла его смуглость, придавала облику благородст-во, изысканность, стала прибавляться (вот горе-то!) лысина, а это уже ни к чему; и она катастрофически росла; только недавно, он смотрел, была с пятак, а вот уже с розетку для варенья, с блюдечко. "Какая до-сада!"

На Хасае туго облегающая светлая батистовая рубаш-ка с жестким, накрахмаленным воротником, который впился в шею, потом останется от него розовый след; Мамишу очень хотелось да никак не удавалось встать и подойти к дяде, сорвать-отстегнуть верхнюю пугови-цу, чтобы воротник не жал. Будь они с дядей одни, Мамиш встал бы, подошел бы, как тогда у Аги, вскоре после приезда Мамиша. Они были одни, дяди и Мамиш с Гюльбалой, да еще ребята из бригады; Хасай его об-нял: "Красавец мой!" И уколел: "Ну что у тебя общего с Кязымом? Ты - наш, наша плоть! Тукезбан хоть и Кочевница, но осуждать ее не стану, такого богатыря нашему роду дала!.. Всем, всем свадьбы сыграю!.. Всех на ноги подниму!.."

Мамиш сидит; никто, видите ли, не замечает, что во-ротник врезался, а Мамиш, ай да молодец, всех опере-дил!.. Вот-вот затрещит на Хасае рубашка - от силы, от слов, от гордости, которая распирала:

- Если бы встал из могилы мой отец-амбал, который всю жизнь таскал чужие грузы, носил полные ящики, хурджины, мешки, разгружал корабли, ни разу вдо-сталь не отоспался и не насытился, если бы...

- да вот же он, отец твой, смотри - вошел!

- где?!

- не видишь разве? вот же он!

"Салам-алейкум!" - говорит. Усы торчком, лицо ще-тиной обросло. Папаху пыльную, мохнатую, с мель-ницы, что ли, на хрустальную вазу надел. "Ой!" ски-нул спинную подушку носильщика, а там, на спине, где подушка была, большое черное пятно от пота, чарыками на ковер ступает - отваливаются, остаются на вор-се комья грязи. Хасай побледнел. "Сбегай на кладбище!" - успевает шепнуть Аге. "Зря посылаешь,- отец ему,- нет там моей могилы, вот же я, пришел". Все видят деда, но не узнают. Только Хасай отца узнал, помнил ведь, а братья

его, те ма-ленькие были... А вот как Мамиш узнал, это загадка! "Ну, что вы тут без меня?! - спрашивает грозно.- За-врались, расхвастались? Покажи-ка мне лживую свою морду, посмотрю, как ты лихо на коне скачешь, кости мои топчешь, имя мое на выгоду себе склоняешь!.."

- не встанет и не войдет, валяй бахвалься!

- уфф, отлегло!..

- Если бы хоть одним глазом увидел, как высоко воз-несся его сын Хасай, решил бы наверняка, что это все-го лишь сон! Спасибо нашему веку! Да и как поверить? Когда мой покойный отец в свои неполные сорок лет ушел из жизни, кем я был? Подростком лет тринадцати! И все заботы о семье пали на мои плечи. Аге было десять, Тукезбан восемь, Гейбату и того меньше, а у Теймура только-только зубки прорезались. Стал я кон-дуктором-билетером, вы знаете. На нашей улице про-ложили трамвайную линию, и новенький красный трамвай проходил мимо наших окон. Изменили и облик улицы, и ее название, и всех нас вывели в светлую жизнь в этом новом мире! Да, обыкновенный кондук-тор! Знали бы вы, как сегодня я горжусь этим! Нет, вам этого не понять! И не спорьте! А когда приходит-ся писать автобиографию, а я это делаю нередко - поездки, то да се, всякие передвижки, представления,- то четко, так, чтобы все, кто читает, обратили внима-ние, вывожу и еле удерживаюсь, чтоб не подчеркнуть: в таком-то году я, сын амбала, работал кондуктором в трамвае, а в таком-то - водителем!.. Если бы можно бы-ло красным карандашом, под линейку, подчеркнул бы, да неловко!.. Часто говорил, скажу и теперь: именно трамвай стремительно вытолкнул вперед вашего Хасая, уютный, быстрый, полный света и тепла, звон-кий трамвай! Сначала кондуктор, потом водитель, курсы, общественная работа, снова курсы, профсою-зы, то да се, война и так далее! И, как говорят братья, за которых умру и не пикну, острый нож в дурной глаз, и да не сглазить аксакала нашего рода Хасая! ...Год, месяц и даже день рождения каждого из Бахтияровых знает лишь Тукезбан; у нее специально заведе-на была простая ученическая тетрадь, которую, уез-жая из Ашхабада, взял с собой Мамиш, вернее, она каким-то образом оказалась у него в чемодане и выплы-ла наружу в Баку. И Мамиш рад ей, хранит на па-мять.

В голодную зиму шестнадцатого года амбал Гюльбала-киши спас от гибели бекскую дочь Мелек. У нее нико-го не оставалось, весь род вымер, только угловой дом, да и тот почти развалился. Родичи Гюльбалы всей апшеронской деревней служили беку, и Гюльбала, пере-ехав в город и став амбалом, продолжал, по обычаю, гнуть шею перед бекским родом. Но деревня еще раньше, чем бек, обнищала, и Гюльбала в последние годы, пытаюсь отдалить от бека голодную смерть, по просьбе старика сбывал одну за другой фамильные ценности, перламутровый поднос или герб с изумру-дом на полумесяце и бриллиантом на звездочке, до-машнюю утварь. Носил больного, худого, как щепочка, на руках к доктору, отправлял в Петербург царю пись-ма с напоминанием о былых заслугах родичей бека "перед царем и отечеством". И отец и дед Агабека бы-ли офицерами царской армии, отец участвовал в рус-ско-турецкой войне, а дед в "победоносной", как писал Агабек в своем прошении, войне с "персидским ша-хом", которая завершилась "избавлением Азербайджана от азиатчины и дикости". Но надеждам Агабека не суждено было сбыться: началась мировая война, бека разбил паралич, затем пришла смерть. Мелек и не по-мнит, как стала женой Гюльбалы. Первенца он назвал именем своего отца, Хасаем, потом родился Ага, по паспорту Агабек, унаследовавший имя покойного отца Мелек. А дальше пошли Тукезбан (это имя матери Гюльбалы, таков обычай), Гейбат (в честь близкого друга Гюльбалы, погибшего при разгрузке английского судна) и последний Теймур.

Хасай не любил вспоминать отца-амбала и вообще отцовскую родословную, а тут вдруг понесло его... Ча-ще и охотнее рассказывал о матери и ее бекском роде. "Ты же,- кричит, задыхаясь, Хуснийэ и ищет слова похлеще, чтоб больше было,- ты же полураб! Отец твой

был рабом, и в тебе течет эта рабская кровь!..- Очередная вспышка ревности.- Ни чести в тебе, ни гордости! Какая женщина поманит, за той ты и бе-жишь! Был холопом и остался им!" А сегодня Хасай вдруг отца вспомнил. Служили всей деревней Агабеку, а почему, и сами не знали. Испокон веков, и праде-ды, и деды, и сам амбал Гюльбала. Под балкой бекского дома и погиб: решил подправить балкон, подгнив-шие балки сменить, уже почти все сменил, а одна по голове его - насмерть.

- Вот я буду считать, а вы загибайте пальцы, и пусть Гейбат произносит свое "не глазить". Первым де-лом - крепость моей души Рена-ханум, затем свет мо-их очей Октай, семьи моих братьев-богатырей, могу-чая армия Бахтияровых! У Аги трое сыновей, у Гейбата четверо!

- Пятеро! - поправил Гейбат.

- Да, пятеро, конечно же... Так плодишься, что не уследишь!.. Затем, скажу я вам, старший мой сын, вот он, посмотрите на него!.. И гордость моя, и боль моя, и величие мое, и позор мой!.. Ай какой сын! Гляну на него, и один глаз радуется, а другой наливается кровью!.. Чем же знаменит мой Гюльбала? Вы думаете, только тем, что он любитель отборных французских коньяков? Или шотландского виски? Или тем, что щедр на отцовские деньги? Или тем, что испробовал на собственной шкуре все профессии, которыми горди-лись в прошлом великие художники? Только что шпа-ги не плотал, укулов боится да змей не укрощал, брез-гует. Это же феномен! Уникум! Он мог бы стать мил-лионером, имея такого отца и такого тестя. И что же? Где его миллионы, чтоб отцу не думать о своей старо-сти, а жене о черном дне? В голове его ветры дуют, а карманы легки как пух! Он, как Каракумы, никак жажду не утолит! Но Хасай еще жив! Хасай не позво-лит, чтобы его Гюльбала был лишен тех маленьких удовольствий, которых алчет его душа!..

бис!

браво!

ай да Хасай!

Гюльбала молчит. Сидит рядом с Мамишем и ни зву-ка. Будто не о нем Хасай. А что сказать? Возразить не-чем. То ли тоска в глазах, то ли презрение. Гюльбала курит, он затягивается с такой жадностью, будто це-лый век дожидался этой сигареты и только что дотя-нулся до нее дрожащей рукой после долгого блужда-ния по выжженной степи, где и кустика нет, чтоб су-хие листики растереть.

- Дорогая родительница Рены-ханум, уважаемая Варвара-ханум...- Переход от непутевого Гюльбалы к поч-тенной Варваре-ханум был рискованным, Рена могла бы обидеться, но у Хасая мир разделен на две части: одна - это те, кто связан с ним кровно, и конечно же здесь и Рена-ханум, а другая - это, к примеру, Кязым или Варвара-ханум. Но Кязым сам себе пропитание нашел, а Варвару-ханум кормит и поит он, Хасай. И нече-го обижаться, что названа она именно после Гюльба-лы.- Тому помощь, другому поддержка, третьему уча-стие, но непременно материально выраженное, это то-же, сами понимаете, крайне важно. Тут и дни рождения, и праздники обрезания, и всякие годовщины, юбилеи, новруз-байрам и прочее и прочее!

Да, много мужчин собралось здесь - и уса-тых, и без-усых, и остриженных наголо, и убеленных сединой... Сыновья, сыновья, у всех Бахтияровых сыновья, сидят они за столом и слушают; кто понимает - тому пони-мать, а кто не понимает - тому дорасти. Братья стар-шие за столом, все на одно лицо, высится, как гора, лишь Хасай, а Гейбат и Ага стараются во всем похо-дить на Хасая. Но дети, какие они разные, хотя здесь, за столом у дяди, все схожи в одном: сидят и молчат. Хасай мог бы о каждом из них сказать, не помнил толь-ко, кто когда родился и кому сколько лет, тем более что годы мчатся стремительно, и вчерашний малец, который имя свое толком назвать не мог, уже усики теревит. Ну, хотя бы о сыновьях Гейбата. Женил Гейбата Хасай, когда тому было уже тридцать: ждал, когда Ага женится, так

положено, чтобы не опережать старшего. Гейбат специально ездил в деревню выбирать жену. И выбрал покладистую, краснощекую и полненькую. Звали ее Гумру, а Гейбат переименовал на свой лад Юмру, то есть округлая. И в точно отсчитанное время, минута в минуту, родился первенец. Ребенок был круглый, здоровый, и Хасай сказал: "Машаллах!" - "Да не сглазить!" Так и прозвали - Машаллах, ему почти двадцать уже, правая рука отца, здорова, хотя от армии уберег его Гейбат: временно прописал в район, где сам работал и где с ним дружен был председатель медицинской комиссии при военкомате - и Машаллаху приписали порок сердца. "Я отвоевался, ногу потерял, мне теперь помощник требуется", - сказал Хасая Гейбату; честно говоря, в этом деле Хасай палец о палец не ударил, Гейбат сам сумел. Через год новый ребенок, но Гумру не уследила за ним и мальчик умер. Мелает, жена Аги, их дальняя родственница, научила Гумру кое-каким хитростям: "А то каждый год рожать будешь!.." Прошло время, и жены братьев почти одновременно родили сыновей; Ага называл своего сына Асланом, "львом", а Гейбат, у него, оказывается, дальний прицел был, на много лет вперед, Ширасланом, "львом-тигром"; третьему имя тоже было заготовлено еще до того, как родился: Ширали, "тигр Али". Шираслан в отличие от своего двоюродного брата Аслана - прекрасных математических способностей парень, блестяще кончает среднюю школу. Его собираются послать в Москву учиться на астронома, как будто мало было звездочетов на Востоке; насчет звездочетов говорит Гейбат, чтобы как-то пригасить восторги окружающих: попадет дурной глаз и сглазит еще парня; лет пять-шесть назад Шираслана закидывали вопросами, и больше всех гордился Хасай: "Сколько будет 33 на 33?" Ответ следовал тут же. "А три палочки на три палочки? - спрашивал Ага и, довольный ответом, просил: - Ты бы помог Аслану, а?" Недавно кто-то из дядей, кажется Хасай, вспомнил о "трех палочках" и о том, как быстро Шираслан перемножил их на другие "три палочки", но тут же заговорил Ширали, третий сын Гейбата, и слова его прозвучали для Хасая как гром в ясный день. "Это и я могу!" - сказал Ширали, и Хасая удивило, как быстро и незаметно вырос Ширали.

И сыновья-первоклассники, почти одногодки, у каждого из братьев: у Хасая Октай, у Аги - по созвучию с сыном старшего брата - Алтай, а у Гейбата Ширмамед, "тигр Мамед", нелюдимый какой-то, если что не так, сразу же заплачет или огрызнется. Шираслан, всезнайка этот, прозвал своего младшего брата "вещью в себе", но его понимает лишь Ширали, во всем подражающий Шираслану.

Пятый сын у Гейбата родился много лет спустя, только недавно, и о нем, перечисляя свой род, забывает иногда Хасай.

И на пятого было запасено имя у Гейбата; для Гумру он Ширинбала - "сладкое дитя", а для Гейбата, верного традиции, Ширбала - "тигр-дитя", хотя имени такого вообще нет.

- Кого я еще не назвал? - спрашивает Хасай, обводя глазами Бахтияровых, и не успевает остановиться на Мамише, как тот его опережает:

- Меня!

- Да, упустил из виду!.. Но...- и на сей раз Хасай не завершил свою мысль. Глядя на Мамиша, он вспомнил старый дом, где родился, а в том доме единственную освященную законом жену Хуснийэ-ханум, сокращенно Х.-х. Ай-ай-ай! Говорю же, кого-то забыл! И кого! Хуснийэ-ханум и ее сестер и братьев в прекрасном краю - в Закаталах! - Рена демонстративно выскочила из комнаты, все недоуменно переглянулись. И не потому, что имя это было произнесено при Рене - она к тому привычна, - а потому, что, произнесенное вслух, оно всегда вызывает оцепенение у братьев Бахтияровых. Ага поперхнулся, Гейбат разинул рот и уставился глазами на дверь, куда ушла Рена, будто вот-вот в ней появится Х.-х. О!.. Это женщина!.. Не каждому да-но найти к ней ключ! Лишь Мамишу это пока удастся, но вот-вот от нечаянного слова или какой другой неведомой причины она взорвется, вспылит; чуткость в ней развита "оптимально", как сказал бы тот, что приходил к ним на буровую, новый

лауреат, автоматику испробовать; чуткость и к взгляду, который Х.-х. ловит ментально и тотчас "обрабатывает", как сверхчуткий аппарат (такой бы тому лауреату!), и к произнесенному слову: каков его оттенок, как оно произнесено, что при этом выражало лицо собеседника?.. Не успеешь и рта раскрыть, как она тут же улавливает, с какой вестью к ней пришли, и если весть ей на пользу, даст договорить, найдет веское слово, чтобы сразу и наверняка опечатать уста пришельца. "Хуснийэ-ханум, а я видела Хасая!" - скажет ей соседка, и Х.-х. вся тотчас соберется, как пружина, готовая к отпору: злорадство ("А я вот видела!")? просто информация (мол, видела и сообщая)? готовность выполнять обязанности добровольного сыщика (спроси, и я все-все выложу тебе!)? проверка на восприятие? розыгрыш? подкупили и подослали (а ну, как ты среагируешь?!)? психическое воздействие? издевка (не с тобой ведь видела, вот и гори, сгорай на медленном огне!)? намек (видела его, а спросишь с кем, еще подумая, сказать или нет)?

- Хорошо, что не слышит она! - сказал Хасай (но Машиш в этом не уверен). Такой бы тарарам устроила здесь, хоть переезжай! - (это правда). - ...А что? И право на то имеет, и положение обязывает! - Казалось, стены имеют уши, и Хасай на всякий случай пытается уластить речь: кто знает, а может, во время недавнего ремонта Х.-х. уговорила рабочих вмонтировать в стену передатчик и теперь настроилась на нужную волну, пилкой ногти подтачивает и разговор подслушивает?

- Хуснийэ-ханум по высокому ее положению и расходы требуются высокие, и они составляют... нет-нет, я не жалею... почти половину моих доходов. Если не верите, пойдите и у нее самой спросите. Как же - немедленно побегут и спросят!.. Нередкие стычки между Хасаем и Х.-х. в угловом доме, переходящие затем в семейные скандалы, обычно вспыхивали и протекали однотипно. Спектакль. Место действия - угловой дом, время действия - наши дни. В первом действии Х.-х. стоит на балконе и во все глаза смотрит в ворота, ждет появления Хасая. Хасай переступает порог дома и входит во двор. Х.-х., будто выдернули кольцо из гранаты, взрывается и обрушивается на Хасая осколками.

Фразы обдуманы заранее, и в них вложены вся злость, гнев и презрение к нему. Причина - женщина. Кто-то застукал Хасая. Сначала достается "нищему амбалу Гюльбале", затем матери - "буржуйке", их духу и памяти о них; далее следуют братья его; речь смешанная, русско-азербайджанская; от этого слова приобретают особый колорит.

Хасай, сжав губы, молча и не спеша, потому что спешка унижает человека, а солидного и подавно, поднимается по лестнице, будто ругань адресована не ему, а кому-то третьему, хотя никого вокруг вроде бы и нет. Хасай уже на втором этаже.

На лице полнейший покой. Сейчас даже зевнет от скуки.

Пока Хасай доходит до своей квартиры, расходуется и энергия Х.-х., горло ее не выдерживает нагрузки, голос слабеет.

Хасай хватается Х.-х. за руку и втаскивает в комнату. Во втором действии дверь и окна затворены наглухо. Закрыты даже плотные, из сплошного дерева ставни за оконными рамами и застекленной дверью. Из комнаты, погруженной в полутьму, рвется наружу ругань, как язычки пламени из горящего дома. Иногда Х.-х. хрипит, будто душат ее. Крики перемежаются звуками разбиваемой посуды. Схватка достигает апогея.

И вдруг, как на Каспии и нигде более, наступает штиль. Такая тишина, что и словами не выразить. Непосвященный может подумать, что Хасай задушил Х.-х. или в его грудь вонзен по рукоять нож. На самом деле развивается своим ходом третье действие: ругаясь и толкая друг друга, Хасай и Хуснийэ переходят во внутреннюю комнату, именуемую спальней.

Дается воля рукам: она больно щиплет его, он пытается зажать ей рот (хотя она уже и не кричит), хватается за руки, чтоб не щипалась, не больно, но чувствительно бьет по лицу. Х.-х., спотыкаясь, грохается на кровать, и шлепанцы удачно минуют люстру, ударяясь о потолок. Хасай, не удержав равновесия, падает на Х.-х. Кровать просторная и мягкая, покрыта

дорогим парчо-вым покрывалом; оно сминается, съеживается, шуршит, трещит, дыбится, об него вытираются туфли Хасая, но оно терпит, сносит унижения, в обиде отворачивается и прощает им, вздрагивая, как только капают на него горючие слезы Хуснийэ-ханум.

Искра здесь, искра там - и вспыхивает пламя, на сей раз пламя любви.

И заключительная сценка: дверь и окна настежь. Х.-х. взлохмаченная, она поправляет рассыпавшиеся волосы. У нее очень красивое румяное лицо, глаза светятся. Ха-сай устало зевает, садится за стол на балконе и ждет, когда Хуснийэ-ханум, его незаменимая ласковая жена, подаст ему терпкий чай в грушевидном стаканчике, снимающий усталость и гасящий жажду. Самый крупный скандал разыгрался в связи с Реной. Хватилась Х.-х., а паспорта ее нет. Тогда Хасай часто уезжал в командировки. Вот и сейчас он в Москве, а паспорта ее, который хранился в ящике письменного стола, на месте не оказалось. Исчез паспорт. А полезла она в ящик, чтобы взять облигации, вернее, тетрадь со списком-колонкой номеров. Дом - стог, паспорт - иг-ла; весь дом перерыла - нет и нет. Когда Хасай позвонил из Москвы, она спросила, где ее паспорт.

Хасай замаялся, а потом сказал, что случайно захватил с собой, когда брал свой. Это забылось.

Спустя некоторое время он снова уехал, на сей раз в Киев.

И, как назло, снова Х.-х. понадобилось влезть в ящик стола все за той же тетрадью. "А ну-ка, где мой паспорт?.." Глядит, нету! Решила не спрашивать, а когда муж вернулся, обыскала его пиджак - и вот он, ее паспорт! У него в кармане!

Долго ломала Х.-х. голову над тем, зачем Хасаю понадобился ее паспорт. Перед очередной поездкой его решила спрятать свой паспорт.

Хасай собирал чемодан, был хмур и рассеян. Чего-то ему явно не хватало. Он входил в комнату, потом в другую, облазил шкаф, свой стол перерыл.

- Что ты ищешь? - спросила Хуснийэ-ханум.

- Да вот бумажку мне одну надо... Никак не найду... Куда она запропастилась?.. И она ему вдруг с ходу:

- Может, тебе снова мой паспорт нужен?! Хасай, не ожидавший такого вопроса, осекся, тут же вспыхнул: "У, гадюка!"

"Женщина!" - как всегда в таких случаях, мелькнуло у Хуснийэ. Но при чем тут паспорт? И от мысли, которая ее осенила, Хуснийэ чуть не лишилась чувств. "Так вот почему нужен паспорт!.." И решительно сказала:

- Номер на двоих?! С моим паспортом любовницу возишь, подлец! И попала в точку.

"Кто капнул?" - было первой мыслью Хасая. Кого же он видел в Ленинграде? Постой, постой, не соседку ли с их улицы? Да, это была она, давняя приятельница Хуснийэ. Попался как мальчик. А делал он вот что: брал паспорт Хуснийэ и привозил с собой Рену, в гостинице, где ему бронировали место, заполнял бланки, протягивал паспорта и получал номер на себя и на "за-конную жену".

На сей раз трюк не удался. Какая досада!.. Но, хотя момент и упущен, он набросился на Хуснийэ:

- Какой паспорт? Какая женщина?! Но атаковала уже Хуснийэ:

- Я все про твои грязные проделки знаю! Все мне о тебе докладывают, знай! Дорого обойдется тебе твой обман.

Далее все пошло по заведенному порядку, очередная сцена с битьем посуды, которая и на сей раз завершилась вихрем страстей (а как еще сказать?); Х.-х., изви-ните, была неутомима; и Хасай, можете спросить, жалел, что растратил весь свой пыл; а силы, известно, уже не те.

Недавно у него впервые очень что-то неладно стало с сердцем. Будто вскипало в верхней части, что-то бо-лью отдавалось почему-то в ноге. Хасай даже остано-вился на

улице, присел на скамейку в сквере. Потом так же вскипело сердце к вечеру, когда он увиделся с Реной. Но Хасай виду не подал, смолчал: как признать-ся в этом ей? Отпугнуть?.. Но сейчас, после бурной сцен-ки с Х.-х., он успокоился - есть еще порох!.. Вот какая она, Хуснийэ-ханум, и вот о ком вспомнил Хасай, глянув на Мамиша.

- Аллах, да будем недосыгаемы для Хуснийэ! - взмо-лился Ага.

- Ты прав, брат! - Гейбат кивнул подстриженной под машинку большой головой. Толстая кожа на бычьей шее на миг разгладилась и снова сложилась гармошкой.- А что до твоей помощи, до самой смерти не забудем ни я, ни Ага. (Хасай предлагал ему: "Давай выдвину!" Но Гейбат каждый раз отнекивался: "Нет уж, спасибо! Мой ресторан - мое ханство!") Сам себе хозяин. И Ага доволен. Кто знает, где бы сейчас,- вздохнул Гейбат,- да, где бы сейчас гнили его кости! Ты и квартиру ему выхлопотал, и на работу прибыльную устроил, а даль-ше он сам уже,- Бахтияровы это умеют, создай им только условия - в гору пошел!

В ведении Аги все точки питания в городе. Шашлыч-ный принц, владыка чрева - как сказал однажды о нем Гюльбала, относившийся к дядям как ровня на правах старшего сына аксакала рода Хасая; а условия, создан-ные Аге, были не совсем просты; без схемы тут не обойтись. Хасай Аге, это ясно; Агу взяли на войну с третьего курса индустриального, а когда он вернулся с помощью Хасая, товарищ его по институту стал боль-шим человеком да еще оказался троюродным братом жены Аги Мелакет. "Может, учебу продолжишь? - он ему.- Помогу восстановиться".- "Нет, поздно мне уже учиться, семью содержать надо!" Ну тот и помог; Ага этим знакомством, по совести сказать, не злоупотреб-лял, а потом того перевели на работу в другую респуб-лику, и ниточка эта теперь резервная.

- В каждом ресторане,- продолжает Гейбат, нахо-дившийся у Аги под двойным подчинением, дай бог каж-дому такое, родственным и служебным,- специальная для него кабина, и стройные юноши подносят ему, как шаху, лучшие блюда!.. Ко мне он не ходит, у меня та-ких юношей нет, а если зайдет вечером (идут перечис-ления знаменитых "точек" с названиями рек, озер, го-родов, гор, долин, сказочных героев, цветов... Мамиш и не предполагал, что их столько, а Гейбат все новые и новые подкидывает) в "Дружбу", "Интурист", дирек-тор принимает стойку "смирно" и оркестр играет в его честь победный марш!

- Еще неизвестно, кто из вас главный! - сказала Рена. У Аги чуть порозовела прилипшая к скулам сухая кожа.

- А что? - в тон ей Хасай.- Я бы лично предпочел быть на месте Аги.

Рена довольна, что Гейбат замял оплошность Хасая, когда тот упомянул Х.-х. Неприятно слышать ее имя и неприлично даже. Ох эти нравы!., а они... беззлобно, но все-таки! сколько можно? Ей, Рене, это не по нраву: она победила в открытой борьбе, и чего злопахать? Уши закрывала при гостях - "Умоляю, не надо!" - и штра-фовала ("У нас штраф: кто скажет Х.-х., клади на стол рупь!"); первое время куражился Ага: "А я вот скажу и наперед еще",- и ладонями о стол, а меж них хру-стящая новенькая; но со временем помогло, перестали, а тут вдруг снова.

Это было при Мамише, и не раз; и еще когда Рены не было. "Родной мой! прижала Хуснийэ-ханум к вы-сокой груди голову сына Гюльбалы.- Отчего у тебя седые волосы? И худой ты какой стал!.. Хасай, надо его врачу показать, на глазах тает!.. Нельзя так, ты совсем не следишь за собой". Гюльбала шарит рукой по столу, сигарету хочет взять, а Хуснийэ отодвигает пачку: "Не надо так много курить! - И гладит, и гладит его волосы, потом брови его осторожно.Родной мой! - взды-хает она.- Как время летит!.."

защитил бы мать!

А что он скажет? Разве сказать нечего? Конечно, Гейбату Гюльбала мог напомнить: "Мало она кормила, поила тебя, неблагодарный?" И Аге мог возразить: "А кто тебя спас?! Не

один Хасай!.." И Гюльбала был бы прав. ("Ах, ах! сказал романтик ашуг, сочинивший на нашей улице каламбуры насчет завязи на инжировом дереве.- Ах, ах!.. Человека из болота вы-тащили, от грязи очистили, добрую услугу ему оказа-ли, в чистенькую, накрахмаленную рубашку принаря-дили, галстук на шею заграничный да лакированные, как народному артисту, туфли на ноги, когда и то и другое доставалось трудно, а кто настоял?") Хасай, конечно, щедр, ничего не пожалеет для родного брата, а галстук свой любимый и собственному сыну не отдаст... Хуснийэ настояла! Хуснийэ не пожалела, а он теперь как необъезженный конь брыкается, как свирепый верблюд кусается! Было ведь время, оно у нас на памяти, не в прошлом веке было, когда Ага клялся именно Хуснийэ - она и ближе сестры и роднее матери, она, "я слов не нахожу", плачет Ага, "чтобы выразить", и падает на колени.

О том, что Ага был в плену, работал потом на приисках, Хасай узнал из письма, посланного матери их, Мелек-ханум. Переслала письмо молодая женщина-счетовод с этих же приисков. Матери не было в живых, и письмо попало к Хуснийэ. Ага никак не мог примириться с мыслью, что он вдалеке от родных мест, и крепко верил, что братья, если они живы, су-меют вызволить его. Он считал дни, а ответа не было. Из месяца в месяц надежда его, как короткий осенний день, гасла, а потом, с наступлением длинных зимних ночей, и вовсе исчезла. Он потерял счет месяцам, путал сны и явь. И круглолицая белотелая женщина за-сияла в его жизни. Она пожалела Агу, ухаживала за ним, неприспособленным, а потом перевезла к себе домой - жила неподалеку от приисков. В ее маленькой комнате был весь огромный мир Аги: его прошлое, его братья, мечты о возвращении. Но Ага никак не мог представить себя в Баку сидящим со своей женой за одним столом с Хасаем и Хуснийэ или рядом с матерью: они ведь друг друга не поймут, его жена и Мелек-ханум. А письмо Аги работало - Хасай обдумывал план спасения брата, почти неосуществимый, очень рискованный. Нужны деньги, притом очень большие, они есть. Дерзости Хасаю тоже не занимать. Если дой-дет слух до "хозяина", "четыреглазого", в два счета голову снесут. Это сказала Хуснийэ, а потом добавила, после того как Хасай твердо заявил, что Ага - его брат и за брата он пойдет на все: "Мое дело сторона, поступи-пай как знаешь!" "Может быть, он рядом, разузнай!" - просил он Тукезбан. А там земля как вся Европа, по-пробуй найди. "Это Кязым не хочет",- догадался Ха-сай, и интуиция не подвела. Тукезбан тогда во всем слушалась Кязыма, а ему вступать в это темное дело, да еще в такое время, не хотелось. "Но он мне брат!" - "А я тебе муж". Тукезбан все же, когда случалось, у знакомых спрашивала, мол, земляки интересуются; фамилии-то у них разные с Агой; Кязыму один друже-ски посоветовал: пусть жена не очень за земляков хлопочет. "А ты знаешь, кто мне советует? - пригро-зил жене Кязым.- Сиди и помалкивай!" "Чужак и есть чужак! решил Хасай.- А сестре припомню!" - подумал, хотя обиды на нее не было: не Кязым при ней, а она при Кязыме. Ему, Хасаю, такая судьба: всех нянчил, всех тащил, вытягивал, придется попыхтеть еще. И план созрел не без помощи "Хуснийэ-ханум. Предстоял трудный путь: из Баку в Москву, а оттуда в Иркутск, затем на машине, может быть, даже паро-ходом по реке. Хасаю ехать нельзя, потому что чело-век он на виду, если раскроется, будет худо, а Гейбату терять нечего; да и с цепкой он хваткой, языкаст, ин-валид к тому же. Гейбат не доехал, вернули его с пол-пути. В начале следующего года поехал вторично, за-пасся нужным разрешением, почти доехал до конечного пункта, не пустили. Но кое-что узнал: Ага жив, адрес не изменился. И еще: начальство у него строгое, контакты исключены. Начались поиски связей. И глав-ное: семья начальника, жена и дочь, живет в Иркут-ске. И брат его с семьей там же. В третий раз поехал сам Хасай. "Случайно" снял комнату на площадке этажа, где жила семья начальника, познакомился с ними, угостив крупными ярко-малиновыми, будто по-крытыми лаком, блестящими гранатами, потом "слу-чайно" познакомился с братом. Тот оказался человеком чутким, понял, что брат Хасая в беде. А у Аги полное истощение сил, как не помочь? Но все это потом, когда Хасай открылся. Прежде же Хасай пригласил их про-вести август под Баку,

где горячий песок, ласковое море и сладчайший виноград, и брат принял предложение и со своей женой поехал в Баку, где Хасай устроил их в закрытом санатории, купил две путевки. К чести брата и к удивлению Хасая ("Чудак какой-то этот брат!"), тот не только сполна расплатился ("Я сам не знаю, куда деньги тратить; хочешь,- пристал к Хасаю, одолжу тебе?"), на прощание устроил застолье, чуть не до драки дошло, когда расплачивались. Победил тот, кто пригласил в ресторан,- брат начальника. "Это у нас не принято! - вопил Хасай.- Это оскорбление!.." - "Ну и оскорбляйся, но и нас, сибиряков, знай!" А главный разговор состоялся в доме Хасая при Хуснийэ, она тоже ("А это уже по-нашему!") устроила гостям прощальный обед. "Ах, как жаль,- сокрушался потом Хасай,- что связи потеряли с ним!.. Прекрасный был человек! Как же его звали? - Нет, не мог, вспомнить Хасай ни имени, ни фамилии.- То ли Григорий, то ли Ефим..."

И Хасай в начале сентября поехал снова в Иркутск. И брат старший ("Григорий или Ефим?") сказал младшему брату - начальнику: "Это ошибка. Ага истощен. Моя первая, ты знаешь, и последняя, даю тебе слово, просьба!.. Ошибка, понимаешь!"

О чем еще говорили, никому не ведомо. Может быть, начальник даже подумал, что все равно не жилец Ага. Он к тому времени лежал в больнице, и его отправили домой, на родину. Но до этого Хасай на "студебеккере" поехал в поселок, где жил Ага, познакомился, не испытывая при этом особой радости, с его женой, поглядел на младенца с голубыми, как у матери, глазами... Ха-сай вернулся в Баку, а через две недели (подлечили-таки Агу, на своих ногах чтоб явился домой!) Ага ступил на бакинскую землю, и яркий свет ударил ему в лицо; он долго привыкал к этому свету, жмурился, слезы текли и текли у него из глаз... Но Ага вернулся не один, как они договаривались с Хасаем, а с женой: она отпросилась на месяц - в отпуск; срок ее договора по найму истекал лишь через год. Аге был уже заготовлен новый паспорт, без всяких лишних отметок и с постоянной наконец-то бакинской пропиской. И в этом Хасаю помогла Хуснийэ, несмотря на ее "мое дело сторона". Ага мог бы вспомнить (ах, как коротка память человеческая, слышу я снова ашуга-романтика) и о том, какую услугу оказала ему Х.-х. после того, как он приехал в Баку с женой, и как мила была Х.-х. с нею. Он может забыть имя начальника и его брата, хотя и ему и Хасаю помнить бы о них, но забыть такое!.. "Ах-ах!" Но что подумала жена Аги, осторожно сходя со ступенек вагона, потому что перрон очень низкий, как бы не треснула юбка на ней? Ничего не понимала, но чувствовала, что ей обрадовались. Еще на вокзале, куда ее с сыном и Агой пришли встречать его родные, ее осыпали цветами и поцелуями. Она сразу всех узнала, хотя видела их, за исключением Хасая, впервые; и Гейбата узнала, и Хуснийэ (какое трудное имя у нее!), ведь о них (и о Теймуре, и о Тукезбан, и о матери) ей подолгу рассказывал Ага в ожидании вестей из дому. И ей сразу понравилась Хуснийэ-ханум. Та бросилась к ней, обняла, расплакалась от радости, отняла тотчас ребенка у Аги, прижала его к груди, разохалась, умилилась, рассиялась вся. А жена Аги боялась этой встречи с родными мужа и была несказанно рада, что ее опасения не сбылись. И Хасай улыбался, и Гейбат, и сын Хасая... Жаль, Теймура не было (о его гибели они с Агой узнали недавно, Хасай им рассказал, когда был у них), и Тукезбан, Кочевница, не могла их встретить - недавно уехала за своим мужем в поисках ценных металлов... нет, нет, очень далеко отсюда; и ни слова о Кязыме. Не надо портить настроение. И мать Аги она не застала в живых; почему-то верила, что найдет с нею общий язык, понравится Мелек. Потом привезли их к Хасаю, где был уже накрыт стол. Хуснийэ-ханум тут же, как приехали, отвела ее в свою комнату, распахла шкаф и подарила шелковое платье, которое оказалось впору, туфли на высоких каблуках отдала, заставила переодеться и выйти к столу нарядной - ни такого платья, ни туфель таких у нее в чемодане не было.

О чем говорили за едой, она не понимала. Но это и неважно, думала. Главное - все так обходительно с нею, особенно Хуснийэ, с ее лица не сходила улыбка, она то и дело подходила к ребенку, который лежал весь раскрытый на их двуспальной кровати и

блаженствовал в тепле, щебетала над ним. Разговаривали громко. Ага то о чем-то тихо рассказывал, то вдруг, перебивая со-беседника, возбужденно размахивал руками. Горячо, со страстью говорила Х.-х., поглядывая на нее и улыбаясь, и тогда лицо Хасая делалось мягче, дружелюбнее.

Гейбат вдруг вставлял слово, и разговор вспыхивал. Х.-х., обнимая ее, что-то доказывала им, потом прижи-малась к ее щекам губами, и в ее глазах гостья видела слезы.

Она изучила Агу хорошо и видела, что он рад, что при-ехал в родной край. Но в нем появилось и что-то но-вое, неясное еще ей: он смущался, когда Хасай или Гейбат о чем-то ему говорили или спрашивали, и вино-вато опускал голову, но Х.-х. приходила ему на помощь, становилась за его спиной и обнимала за плечи, и гостье казалось, что Хуснийэ-ханум защищает его, рада, что он с женой и сыном здесь, и тогда снова все улыбались, головы согласно кивали, ей подвигали вкусную еду, которую она пробовала впервые. А за столом говорили вот о чем (жаль, что ни Теймура, ни Тукезбан не было). Хасай Аге:

- Зря ты меня не послушался!

- В чем?

- Приехал не один, вот в чем!

- Как же мог я оставить сына? Гейбат:

- Подумаешь, сына! А от кого? Х.-х. вскипала:

- В своем ли ты уме?! Вы же в ее руках! Немедлен-но улыбнитесь! (Здесь Х.-х. целовала гостью. И лицо Хасая теплело, Гейбат улыбался. Ага опускал голову.) И снова Хасай Аге:

- Одно я понимаю твердо: ей у нас не жить! И тебе напоминание, и нам. Пойдут расспросы, кто да откуда, все раскроется, и тогда мне несдобровать!

- Припугнуть надо, сама сбежит! - говорил Гейбат.

- "Припугнуть"! - передразнила его Х.-х.- Она вас так припугнет, что позора не оберетесь! Надо с умом подойти. Мне тоже ясно, что ей здесь делать нечего, не нашего круга человек! Но ребенок - Бахтияров, он - наш!

(Здесь Х.-х. вставала за спиной Аги и обнимала его за плечи. И Ага смущенно улыбался - ребенок-то ведь его и он очень привязался к нему.)

- Жалко его. И ее тоже жалко,- говорил Ага, и Х.-х. поддерживала его:

- А мне, думаешь, не жалко? - (подходила, обнимала гостью).- Мне тоже очень жалко, но, пойми, ей у нас жизни не будет и тебе мученье одно! Она же со-вершенно чужая! Не бойся, мы ей ничего худого не сделаем, не обидим, не звери ведь!.. Уверяю тебя, ей и без нас тоже будет хорошо! Да, да, очень хорошо, у нее свой мир, свои обычаи, а у нас свои! Что у вас опять кислые рожи?- (Х.-х. говорила, расплываясь в улыб-ке, и все, как по команде, следовали ее примеру, и ли-ца снова согревали гостью.)

Когда разговор пошел по третьему кругу, на грозный вопрос Хасая: "Пусть скажет свое слово Ага",- тот от-ветил: "Ты мне за отца, скажешь "умри" умру". По-сле чего Гейбат, радостный, встал, приковылял к Аге и крепко обнял его, а Хасай предложил:

- В таком случае я с нею немедленно поговорю, если надо, прямо и твердо скажу, что мы ее не ждали. Ре-бенка оставим, вот тебе деньги, вот тебе подарки, по-добру-поздорову уезжай отсюда туда, откуда приеха-ла, в свою вечную мерзлоту! - Х.-х. взорвалась:

- Сдурели вы все, и Хасай первый! - (Это ей только и дозволено...) - Стоит тебе рот раскрыть, как она та-кой скандал поднимет, что вся республика услышит, встанет на ноги и растопчет тебя! И тогда не ей, а тебе, дай только повод четырехглазому, придется топать по вечной мерзлоте!..

Вот здесь-то Хасай произнес свои знаменитые слова, дав Х.-х. полную власть решать будущее Аги:

- Меня к этому делу не примешивай, поступай как знаешь!

И утром Х.-х. обняла гостью и стала ей рисовать кар-тину их будущей жизни с Агой и с

ребенком, таким милым, таким симпатичным, просто куколка!.. Х.-х. и вывела (об этом Ага даже не обмолвился), что они не расписаны, но виду не подала, сказала, что это пустяки и формальности, Ага и она - муж и жена, и они это, как только подоспеет время, мигом оформят.

- Ты вернешься туда, мы тебя проводим, дадим де-нег, Ага подкрепится, устроим его на работу, а ты по-старайся расторгнуть контракт. Аге пока и жить не-где. К тому времени и он обзаведется домом, и вы начне-те новую жизнь. Тебе с ребенком будет трудно, его оставим здесь, лично у меня и под мою ответствен-ность, ты можешь быть абсолютно спокойна, моя душенька! - И Х.-х. горячо поцеловала гостью, на глаза ее навернулись слезы.

- Ах, как вы страдали!.. Бедный ребенок!.. Я понимаю тебя, ведь я тоже мать!.. Спасибо тебе, сберегла нам и Агу, он рассказывал, и сына.

Как не поверить? Обе они рыдали, и Хуснийэ-ханум вытирала пахучим своим платочком ее слезы. И проводили.

И денег понадавали. Хотели дать много, но Хуснийэ и здесь проявила свой ум: "Столько нельзя, поймет, только на дорогу!.. Остальное пошлем потом!" И подарками осыпали. И расстались.

Как поется в песне: "Ты посмотрела, я посмотрел, ты мне рукой - я тебе рукой, ты подморгнула, я подморгнул..."

Временно, конечно.

А через месяц вдогонку ей пошло письмо. Ага с помо-щью Хуснийэ сообщал: "Не уберегли мы нашего Али-ка!..- А в конце приписал: - Хуснийэ-ханум говорит, чтобы ты не горевала, мы молодые, и ты родишь нам еще. Наш уговор, она говорит, остается в силе, весной мы тебя ждем". Зима только начиналась.

А еще через некоторое время Ага под диктовку Хус-нийэ написал ей: "Нас связывал ребенок, но его нет. Прости меня, я тебя, честно скажу, не любил. А как без любви жить? Мы с тобой разные..." И послал денег.

"Пиши, если будет нужда, поможем. Привет тебе от Хуснийэ-ханум, она тебя очень любит". Али-Алик действительно рос болезненным и хилым мальчиком, но Хуснийэ-ханум нелегко было упрямить Агу вывести на бумаге: "Не уберегли мы сына",- грех на душу брать, когда пишешь о живом, как о мертвом; какой отец даже во спасение свое пожелает заживо хоронить сына?.. Хуснийэ-ханум прибегла к маленькой хитрости, чтоб убедить Агу: "А мы обманем рок, ребен-нок долго жить будет". И обманула: чуть ли не с той самой минуты, как Ага отправил письмо, случилось почти чудо, ребенка будто подменили, и он на глазах стал крепнуть.

С той поры много шолларской воды утекло из вечно капавшего медного крана в угловом доме.

Последнее время Хуснийэ при виде родных Хасая вскакивала, будто в седло джиннова коня, и это было связано с тем, что братья признали Рену, установили с нею добрые отношения. И каждого из Бахтияровых, кто попадался на глаза Хуснийэ, она хлестала плетью из колючек. Каждого, но не Мамиша.. Может, остере-галась его: он был "пришлый", "чужак", сын Кочевни-цы, не ясно, что выкинуть может. Или уважала: Ма-миш часто помогал ей, так и не научившейся грамоте, в написании всевозможных заявлений и просьб, а когда Хуснийэ оформляла в прошлом году свою персо-нальную пенсию (она была чуть старше Хасая), запол-нил ей анкету, написал с ее слов автобиографию, еще какие-то бумаги переписал, и о пенсии не знала ни од-на душа, даже сын ее Гюльбала. Речь ведь шла о воз-расте, а это тайна пуще государственной.

А Хасай гнал и гнал скакуна, и усталость ему нипочем.

- Все согласились со мной, и Гейбат, и Ага, даже наш Мамиш, хотя помощи моей по-настоящему еще не по-знал, но даст бог!..- Хасай по-родственному подмигнул ему. Улыбка

красила его лицо, оно вызывало до-верие. И хоть Мамиш не проронил, как Гюльбала, ни слова,- весь вечер говорил лишь Хасай, а братья под-дакивали,- в ряду других имен Хасай назвал Мамиша для весомости, чтоб оттенить, может быть, следующую мысль: - Но вот я смотрю на вас и думаю про себя: от-чего молчит мой сын Гюльбала? Неужели ему сказать нечего? Уж кто-кто, а первым должен был удесяте-рить силу моих слов именно он! - И Гюльбала ви-новат отец, кто его тянул за язык? - был вынужден сказать:

"А я тогда дал себе твердое слово: что бы ни говори-ли - молчать". И он молчал. Даже тогда, когда речь зашла о родной матери. Попробуй кто другой при нем недобро отозваться о матери, такую звонкую пощечи-ну влепит, что весь город услышит!.. Но нет, не дали Гюльбале спокойно усидеть на месте, до конца сдер-жать слово. Кто тянул Хасая за язык? Если бы, ко-нечно, Хасай знал, что ответит сын, разве стал бы при-ставать к нему.

- Пусть льстят твои братья! - сказал Гюльбала.- Противно угождать тебе!

Мамиш насторожился: взгляд у Гюльбалы был точь-в-точь как в те далекие годы... "Я доказал тебе, что ты мразь, и могу делать с тобой все, что захочу! Так?" - "Так",- сказали другие. И Гюльбала стал разрезать бритвой шелковую рубашку Селима из Кре-пости. А потом тот шел и лентами на ветру развева-лась рубашка, "...доказал, что ты мразь!"

- Вот вам и благодарность моего любимого сына! - Дерзость Гюльбалы воспринималась Бахтияровыми привычно: он рос, чувствуя за спиной силу отца, и все переносили на сына свое почтительное отношение к Хасаю. Даже теперь младший Хасаевич - Октай - го-ворил с дядьями требовательно, но к этому примешива-лась и капризность, вызванная тем, что Октай был сыном любимой жены, занимавшей привилегированное положение в семье Бахтияровых.

- Я не виню его, мир так устроен. Одному чем боль-ше помогаешь, тем ненасытнее делается, думает, так и должно быть: ты помогаешь, а он принимает, да еще дуется на тебя, чем-то недоволен. А начнешь злое лицо показывать, льстит, пушинку с тебя сдуть спе-шит, слово в мед макает, чтоб слаще было. Не смотри на меня с такой ненавистью, Гюльбала, я же не враг тебе! И не о тебе речь.

Вошла Рена. Она слышала Хасая. Разве мог умолчать Гюльбала?

- А есть такие: мелют, что на ум взбредет, и филосо-фами ходят!
а ну дай ему еще!

Хасай вот-вот взорвется, Рена к Гюльбале, а не к Ха-саю, с ним управиться легче:

- Прошу, не спорь!

- А что ему спорить? Опустеют карманы, снова к от-цу придет,- заметил Ага.

- Не быть мне Гюльбалой!

- Да ну? Лотерейный выиграл? Клад открыл? Тогда магарыч с меня! Везу всех за город в шашлычную Али-Аббаса!

Кормят быстро и вкусно, сколько бы ни приехало на-роду. С утра и до поздней ночи. Аге не подотчетна, хо-тя он и любит иногда посидеть здесь с важным гостем.

- Довольно, Хасай Гюльбалаевич, сколько можно бить по башке "я" да "я"!

За Хасая тут же братья заступились: "Тебе бы радо-ваться, что такого отца имеешь" и "Ай-ай-ай!". Это Ага. Надо же, даже Мамиш повернул к Гюльбале лицо, мол, брось!

а ты меня не слушай, врежь ему! Гюльбала удивленно посмотрел на Мамиша.

- И ты? - И резко отвернулся от Мамиша.

- Не видишь, выпил,- шепнула Рена Хасаю.- О Теймуре говори!

- Ах, Теймур!..- и такая боль, что все умолкли.- Ес-ли и был кто из нашего рода самородком, так это Тей-мур. Весь в покойную мать. Чистый, как горный снег! Как скажет, так и сделает. Лучшим учеником в школе был!

что ж ты умолк?! встань, скажи!

Будто для Гюльбалы говорил, в назидание.

- Сколько книг прочел!..

А Гюльбала всю библиотеку прадеда прочел, все сидя-щие столько не прочли.

- Ушел бы в сорок первом - молчал бы, но в сорок третьем!.. Когда сабля моя резала и острием и ребром!.. Одного моего слова было достаточно, чтоб Теймура оставили. Но все мы, Бахтияровы, упрямы, упрямство и погубило его. "Теймур,- сказал я ему,- ты изъявил желание пойти добровольцем, и баста! Считай, что вы-полнил свой гражданский долг, а теперь отойди в сто-рону и поручи свое дело мне. Сам видел,- говорю ему,- Гейбат без ноги лежит в госпитале, в бывшей твоей школе, и неизвестно, выживет или нет. Ага про-пал без вести, мать больна, уйдешь, сердце ее разо-рвется". И разорвалось, как только пришла черная весть о смерти. И что, вы думаете, он ответил мне? "Нет,-говорит,-у меня денег, чтобы взятку тебе дать, зря не старайся!" Я подумал, что он шутит, рас-хохотался, а он, вижу, всерьез, побелел даже.

- Молодец! Так я и ожидал!,

- Несчастней!..- Ага с сожалением глядел на Гюльбалу, и неизвестно было, к кому относятся его слова - к Теймуру или племяннику. Оказалось, что к Гюльба-ле: - Имеешь ли ты хоть понятие о том, куда шел Теймур? На верную смерть шел! Уцелели ведь чу-дом!

тебе виднее, пророк! в плен - и спасся!

шкуру сохранил!

- "Молодец!" - передразнил он Гюльбалу.- Пороху не нюхал!

Хасай будто не слышал ни сына, ни брата.

- А я смеюсь: "О какой взятке говоришь?" Он молчит, только в глазах, как вот сейчас у Гюльбалы, огонь горит. Кто-то завистливый наговорил, настроил против меня. "Ну зачем ты так, Теймур? - говорю ему.- Ма-му нашу пожалей!" Но скрывать не буду, приносили, умоляли: "Да прикоснусь устами к земле, по которой ступали твои ноги!"-и развязывали полные мешки, высыпали на кровать красные шуршащие тридцатки. И что выгадал Теймур?!

- Ты все выгодой меришь.

И чего в бой лез Гюльбала?

А Хасай не поддавался - сын, чужих нет, пусть себе тешится; да и станет он сердце перегружать, спорить на ночь глядя.

- Чем же мерить, светик мой? - Не хотел, а сказал.

- Теймур тебе говорил.

- А ты свидетелем был? - Снова не хотел, но выпал-лил.

- И не я один!

- Ай какой ты умница!

- Ну что вы спорите? Что вы не остановите их? Ага?

Гейбат? Хоть ты, Мамиш?

и не подумаю! пусть влепит ему, отцу род-ному!

А Хасай дразнил:

- Так чем же?

- Сам знаешь!

- А еще говорят, сын у меня неудачник! Да я такого сына на дюжину иных умников не променяю! Люблю, когда сын о совести толкует: и нас воспитывает, и сам воспитывается!

- Вот-вот! - Гейбат повернул могучий затылок к Гюльбале, будто не ему говорил: - Любителю таких пламенных речей не пристало с помощью отца коопе-ративную квартиру строить, это раз, пышную свадьбу играть за его же счет...

но первым женился все же Хасай!

"Отец породниться хотел с большим человеком, вот и сосватал мне его дочку, а потом локти кусал, когда то-го с треском сняли..." Гейбат методично - какая па-мять! - перечисляет:

- ...устраиваться на новую работу, когда гонят со ста-рой, опять же с помощью отца! -

Гейбат доволен, то на Хасая смотрит, то на Агу, а те и без Гейбата все это знают.

- Точка! Теперь точка!

На Гюльбалу даже непохоже - чего кипит?

Ага зевнул.

- Когда сыт, и пошуметь можно, даже полезно.

- Что вы три брата на одного набросились? Ведь правду Гюльбала говорит!

Ренины слова - сигнал к прекращению: "Видите же, человек выпил, оставьте его в покое!"

- Я молчу, Рена-ханум!

- И я на кизил перехожу! - Ага придвинул к себе ва-зу на высокой тонкой ножке.

Рена дружит с женой Гюльбалы, и тесть его еще в си-ле, никому и не приснится, что придет день, и Хуснийэ позовет Мамиша: "Мамиш! Мамиш!"

Вытираясь полотенцем, Мамиш спешит к Хуснийэ-ха-нум.

"Что случилось?" А Хуснийэ держит газету. "Вот!" "Что?"

"Здесь же о тесте Гюльбалы! Не знаешь?! Вчера на пленуме говорили, Хасай рассказывал! - Раньше был "наш родной брат", а теперь "тесть Гюльбалы"! Най-ди это место!" - Взяла у него полотенце, сунула в ру-ки газету. И Мамиш пробегает ее, шепчете "...прирост промышленного производства... ускорение темпов нефтяного... повышение эффективности... при активной поддержке..."

"Не здесь, не здесь! - Хуснийэ надела очки и тычет в середину газеты.Здесь ищи!"

"...усилить борьбу с проявлениями собственничества и мелкобуржуазного индивидуализма..." "Дальше, дальше!"

"...сигналы трудящихся о злоупотреблениях..." "Вот, вот!"

читала ведь сама, чего же меня заставляешь!

"...и лично..." "Это о тесте!"

"...в деле подбора и расстановки кадров... бесконтроль-ность..."

"Говорила я ему!"

"...беспринципность, порождающая обстановку безот-ветственности..." "Так, так", "...безнаказанность..." "А ну-ка покажи! - Мамиш показывает, и она вчитывается: - "Без-на-ка-зан-ность". Ай-ай-ай! И мы по-роднились с ним! Я такие подарки им понесла на обру-чение!..- Смотрит на Мамиша, и за стеклами удивлен-ные глаза.- Ай-ай-ай!" Но это было потом...

А Хасая, раз Рена говорит, что Гюльбала прав, ей вид-нее, чего ради портить кровь на ночь глядя? Сын ведь, не чужой, поспорили, и хватит!

- Я расскажу вам занятную историю о красных три-дцатках! Однажды в разгар веселья, это было в том же сорок третьем, к нам постучались. Смотрю, стоит щупленький мужчина, а в руках незачехленный тар держит, весь инкрустированный перламутром. Вспо-минаю, что где-то до войны слушал его игру, мастер-виртуоз, бедняга умер недавно... Пришел, говорит, уве-селить вашу компанию! Я его приглашаю, радуясь удаче... Но Гюльбала вскочил.

- Нет, не удастся тебе заставить меня молчать! - И палец, словно револьверное дуло, на Агу и Гейбата: - И тебе я готов ответить, и тебе! В тот же миг - надо же, чтоб так совпало! - одна из ярких, похожих на свечу ламп в люстре, щелкнув, по-гасла, и все три брата, не стовариваясь, разом залились хохотом, и даже Мамиш не сдержал смеха: смешно вышло, что совпали и вспышка Гюльбалы, и щелчок лампы - казалось, и она испугалась его угрозы. Лишь Рена с беспокойством взглянула на перегоревшую лам-пу - где она найдет такую свечеобразную? Гюльбала растерянно, ничего не понимая, уставился на Мамиша и, видя, что и он смеется, часто-часто за-моргал густыми ресницами, изумленно обвел глазами сидящих и, не говоря ни слова, сел, опустил голову. Кажется, он не слышал даже, как треснула лампа, не заметил, что погасла она, одна из дюжины. И все тут же замерли, оборвали смех - из глаз

Гюль-балы крупными каплями на белую скатерть капали слезы. В неожиданно наступившей тишине раздался тон-кий голосок Октая:

- Брат плачет.

Глаза Рены округлились, лицо побелело, пошло крас-ными пятнами. Она сорвалась с места и выскочила из комнаты.

И Хасай первым заговорил. Он поднялся, обошел стол и, подойдя к Гюльбале, положил руку ему на спину.

Сказал громко, так, чтобы и Рена слышала - ее замешательство было неожиданным и он почувствовал себя виноватым перед нею:

- Да я изрежу на куски любого, кто осмелится косо взглянуть на моего сына, ранить его сердце! Не по-смотрю, брат он мне или кто еще!.. Глаза Хасая повлажнели. "Как же это мы, а?..- говорил его взгляд.- Что же мы, звери? Своего сына, а?.."

- Рена! Рена! - громко позвал он. И Ага не ожидал, губы его улыбаются, а в глазах застыл страх. Гюльбала - и слезы! И Хасай вот-вот рас-плачется. Гейбат не понимал, что случилось,- хохотать еще, а хохот клокочет в горле, или бросаться на защиту Гюльбалы, ведь обидели племянника! И Мамишу еще ни разу не доводилось видеть плачу-щего Гюльбалу, он этого не помнит... Упали, прыгая на ходу с трамвая, больно очень, обидно, что брюки у ко-лен порвались, Мамиш не хочет плакать, а слезы льют-ся и льются, а Гюльбале хоть бы что. И Хасай ремнем его при Мамише, губы злые - раз, два,- Гюльбала от-бегает, а ремень достает его спину.

больно! не надо!

Мамиш вот-вот разрыдается, а Гюльбала терпит. И нет слез. Будто отец не его ремнем: "Вот тебе! Вот тебе!.."

стой! умрет!

И вдруг Хасая осенило - он нашел выход из этой си-туации и для себя, и для Гюльбалы, и для всех.

- Вы думаете, мне легко? Как тут не заплакать? А сколько слез пролил я во сне? Какого брата я ли-шился! Какого дяди...

Гюльбала порывисто скинул руку отца и вскочил из-за стола. Поднимаясь, он то ли издал какой-то возглас, то ли прохрипел; будто от резкой волны, Хасай кач-нулся и отпрянул, Мамиш втянул голову в плечи, хотя никто и не собирался его бить, Ага и Гейбат заерзали, заметались, словно Гюльбала бросил гранату, и она вот-вот разорвется. Оправившись от мгновенного ис-пуга, Хасай вдогонку Гюльбале:

- Стой! Вернись!

Дверь с шумом захлопнулась.

На зов Хасая откликнулся тихий молчаливый парень, который ничем не выдавал своего здесь присутствия; смуглолицый голубоглазый старший сын Аги, память трудных тех лет, Али-Алик выбежал за Гюльбалой; то ли догнать и вернуть, то ли уйти вместе с ним.

Али моложе Мамиша и Гюльбалы и отличается от "коренных" Бахтияровых и цветом глаз и прямыми каштановыми волосами. Никто не вернулся - ни Гюльбала, ни Алик.

- Свои и повздорят и помирятся! - Хасай не мог се-бе простить минутной слабости и, выведенный из рав-новесия, трудно обретал прежнюю уверенность.Рена-ханум, куда ты ушла, тут у нас чай остыли, зава-ривай новый. И братья закивали.

- Дури у него много в голове, особенно как выпьет. Хасай нагнулся к столу и шепнул братьям:

- У Рены такая хрупкая душа...- И озирается на Ма-миша: извини, мол, ты этого не знаешь, не успел уз-нать.- Чуть что не так, всю себя изводит. С Мамишем творилось непонятное: зря поддался об-щему смеху, это его смех потряс Гюльбалу - и ты с ними?!

Кое-что новое о Теймуре; и насчет гордой строки в ав-тобиографии... Встать, бухнуть

кулаком по столу так, чтобы бутылки подпрыгнули.

- хватит!

- ты о чем? (Хасай)

- о тебе и подлых речах твоих!

- хватай его!

Мамишу жарко стало. Спина вспотела. Вздохнул, чтоб воздуху набрать. Душно очень.

"Гейбат слегка тронут, я сама видела,- рассказывает Тукезбан,- а голова, глядишь, как блин, сплющилась. Зверь!" А у самой голос дрожит. С чего это вдруг рассказывает Кязыму? То ли за свое "поучился бы у Гейбата!" неловко стало? Не помнит Мамиш. Собрались как-то все у Хуснийэ с Хасаем. Ага привел с собой товарища, щеголя с тонкими, как ниточка, усиками, высокого и стройного. Не то чтобы ухаживал за Тукезбан - упаси аллах, как можно здесь, в доме, при братьях!..- просто оказывал знаки внимания: то в тарелку ей красную редиску положит, то кусок отварно-го мяса.

Тукезбан, расстроенная тем, что Кязым не смог, как обещал, приехать в Баку хоть бы сына повидать, ко-торому уже пять месяцев, сидела и хмурилась. Братья решили, что это из-за гостя.

- Кто привел этого дохляка? - тихо спросил Хасай.

Ага виновато опустил голову,- мол, если бы знал...

- А мы его сейчас... проучим! - Хасай поднялся, по-лез через стол к гостю и ухватил пальцами его за под-бородок.

- Милок, а ну глянь на меня!

- Что это значит!

- Не нравится или нельзя? - спросил Хасай.- А?

- Что за шутки? С гостем...

- Ах, с гостем!..- прервал его Хасай. И цап его за нос. Так крепко сжал, что у того вмиг на глазах слезы вы-ступили, лицо стало темно-багровым, как и нос.

- Как вы смеете?!

- Гейбат, проводи дорогого гостя!

И Гейбат вскочил, погнался к балкону. Что-то грох-нуло, покатилося по ступенькам вниз. Хасай выглянул в окно.

- Будешь знать,- бросил он вслед,- как себя вести. Все произошло так стремительно, что Тукезбан даже не поняла, что случилось.

- Дикари! - Это Гейбату, когда он, довольный, вошел в комнату.

А Гейбат будто и не слышит.

- Хороший клиент попался!

- Звери!

- А ты потише, сестра! - упрекнул ее Хасай.- Из-за тебя ведь.

Губы ее дрожали.

- Сама же просила! - изумился Гейбат.

- Я? Ну, знаешь!..- отбросила стул и пошла к спяще-му Мамишу.

А Мамиш глянул на себя, пятимесячного, над которым склонилась мать. И молоко горькое, а он молчит, слы-шит только, как гулко стучит сердце у нее, и за ее спи-ной Теймур: тоже пошел на Мамиша взглянуть. И смотрит, как Мамиш кулачки сжал, себя по носу бьет.

Тогда, когда ему об этом рассказывали, Мамиш гор-дился тем, что у него такие дяди, с которыми ничего не страшно,- отвадили от матери того с тонкими усиками. И правильно сделали, что прогнали. Пришел в гости, сиди смиренно, не лезь.

А теперь Мамиш вздохнул, руки у него холодные, но молчит.

Появилась Рена, братья заерзали, зашевелились. Новый чай - новые разговоры...

Мамиш вскоре ушел.

Гейбат, чтобы как-то отвлечь Хасая, спросил:

- А как же с таристом?

- С каким таристом? - удивился Хасай.- Ах, с ним! - вспомнил.- Да, занятная история, жаль, Гюльбала помешал!

Хасай был человеком вдохновения, а крылья обреза-ли. И чтоб отойти душой, попросил Рену:

- Дай мне тар, я лучше сыграю вам. А история с таристом была вот такая. Пировали у Хасая, и вдруг кто-то в дверь стучится. Хасай вышел и тотчас узнал тариста из знаменитого рода музыкантов, не раз слушал его в филармонии.

- Пришел для вас играть. Вижу, компания у вас со-бралась, а музыки не слышно.

- Но...- Хасай не хотел видеть лишних людей за сто-лом. А тарист решил, что тот думает об оплате.

- А я даром! Буду играть сколько хотите! Хоть всю ночь! Появление тариста, да еще такого знаменитого, было встречено восторженно.

Тарист, как это принято, начал с серьезных народных мелодий, с мугамов, но Хасай прервал его - ведь люди собрались повеселиться!

И перевел его на песенно-народные лады, даже спел одну песню:

- Ты откуда, откуда, журавль? Вероломным охотни-ком раненный журавль, раненный, раненный, ранен-ный журавль...

Затем пошли танцевальные мелодии; столы отодвину-ли и начали плясать. Тарист не просил передышки, а Хасай не знал устали.

- Давай европейскую музыку!

Тарист знал и это; разучил и из "Маленькой мамы", и из "Петера".

- Нет, это ты играешь плохо! Как ножом по стеклу!

- Ну что вы,- попытался возразить тарист.

- Мы тоже кое-что в музыке смыслим! Давай другое!

- Заказывайте!

- "Най-най-най-най, на-на-най!.." - запел Хасай.- Вот эту!

Понять было трудно, но тарист попытался сыграть.

- Да ты простую мелодию уловить не можешь!

- "Най-на-най-най..." - подхватил другой, и тарист понял.

- Ладно, эту песню знаешь, но тоже, между нами го-воря, чуть-чуть фальшивишь! -

Тарист стал раздра-жать Хасая; чуял он, что тот пришел с просьбой и по-этому находится в его власти, и Хасай может говорить ему что угодно.- А ты покажи нам что-нибудь этакое! Я видел, как играют! Держат тар, к примеру, над головой или даже за шеей! Вот так попро-буй!

И тарист, как Хасай точно рассчитал, стал показывать свое умение: то на груди тар, то закинут за шею, то поднят над головой.

- Мне бы такой тар! - говорит Хасай.

- Я достану вам.

- Пока достанешь, война кончится!

И тут Хасая осенило: "С мобилизацией связано!" Он вспомнил, что вызывали тариста.

- Дайте срок, не достану, свой подарю!

- А ты оставь его мне в залог! - "Так и есть!" - об-радовался Хасай своей прозорливости.- Тар оставишь, а сам... а сам будешь приходить ко мне и учить играть! Давно мечтал, да руки не доходили!

- Учить буду, только...- Тарист усмехнулся.

- В армию берут?

- Да.

- А почему бы не пойти защищать отечество?

- А я готов, только врачи не пускают, болен я.
- Ну и что дальше? - Хасай нахмурился, сузил гла-за, прощупывает тариста.
- Только не пойму, почему меня каждую неделю вы-зывают, от работы отрывают.
- Кто?
- Ваш заместитель. Вот почему я и решил прийти к вам, побеспокоить.
- Ах, он!..- "Так...- мелькнуло у Хасая.- За моей спиной, значит!" - Это я улажу. Тарист вздохнул.

- Нет, ты свой тар оставь! И весь год тарист учил Хасая.
Вот он, тар. Хасай давно не притрагивался к нему, при-шлось долго настраивать. И все терпеливо ждали, по-нимая, что перебивать нельзя, пусть Хасай играет как может.

- Начни же! - говорит Рена.
- Еще не настроил,- отвечает ей Ага.
- А чего глаза закрыл?
- Он для себя играет, а для нас настраивает,- пы-тается шутить Гейбат.
- Хитрый какой! - говорит Рена.- Слышишь, пере-стань настраивать, играй! просит Рена.- И, по-жалуйста, открой глаза!

чтоб мы видели, какой ты есть, чтоб прочли
о твоих подлостях,
добавил бы про себя Мамиш, не уйди он раньше вре-мени.

А Хасай никого не слышит, настраивает и настраивает тар, прикрыв глаза. Что они понимают - и Рена, и его братья?

Хасай настраивал, думая о скоротечности жизни: "Ай, как годы бегут!.."- и ему было жаль старика тариста, который недавно умер, жаль, что те времена, когда он был молод и полон сил, канули в небытие и их уже ни-когда не вернуть.

Инкрустированный перламутром, чуткий и послушный тар. Сколько лет прошло, а тар и сейчас как новый. Ни-как не настраивался, а братья терпеливо ждали. При-крыл веками глаза, перебирая струны, вспоминая ушед-шие, умчавшиеся годы.

- Все,- сказал Хасай. И братья ушли.

Даже в жаркий летний зной очень прохладно в этих возвышенных частях города; в микрорайоне, как на вы-сокогорном пастбище. Милое дело отсюда пешком спус-каться в город. Слышишь, как он грохочет, как дышит, большой и живой. Идешь и идешь, охватив его взглядом весь, щедро залитый огнями гигантский массив, именуе-мый родным городом, где немало домов, тебе близких, и каждая улица - твоя; и ты чуть ли не сросся с его де-ревьями, камнями, людьми; где есть и твой угловой дом, куда ты приходишь всегда с замиранием сердца и болью: здесь ты родился; дом, полный голосов, увы, уже ушедших; и никто тебе не знаком; и каждый раз выбо-гает тебе навстречу кто-то очень похожий, из далекого детства, ты сам...

Мамиш шел и шел, и ему приходилось порой чуть ли не бежать, когда перед ним возникала улица, круто сбегаящая вниз.

Идет, идет, а с ним его тени, отбрасываемые фонарями. Тени, тени, много теней расходится от тебя - прямые, с изломами, длинные, короткие, вдоль улицы сбоку, спе-реди, сзади... Сколько теней!.. Но одна тень - каждый раз главная, она темнее других. Идет, идет, и за ним его тень.

И вот уже, длинная-длинная, бежит впереди, идешь, до-гоняешь, на голову свою наступил, а тень уже сзади, за спину ушла, вытянулась. Идешь, идешь, она взбирается на стену, выше тебя, ломается на балконе и снова на-много впереди тебя, и ты догоняешь, еще шаг, и ты топчешь голову...

Только хотел Мамиш во двор юркнуть, как с угла окликнули: Гюльбала; с Али прощается. Странно, как показалось Мамишу, посмотрел на него Али и тотчас ушел.

- Что с ним?
- Я о многом должен рассказать тебе!..- Сели на мра-морную ступеньку, что ведет в дом с парадного входа, давно уже заколоченного, зажгли сигареты.

- Завтра мне на работу.
- Тебе все всегда некогда и некогда!
- Не обижайся...- Новая трудовая неделя начина-лась; семь дней и ночей на море.
- Тут не до краткости, разговор такой, что... Но получилось по Мамишу, ставни крытого балкона-фонаря с грохотом распахнулись:

- Гюльбала? Ты? А кто рядом? Мамиш? Что так по-здно?!

Гюльбала иногда приходил сюда ночевать, жена знала, мирилась с этим, кажется. О разговоре не могло быть и речи; поднялись каждый к себе, в свой отсек коридора. Только собрался Мамиш лечь, как раздался такой вопль, что Мамиш вздрогнул. Голос Хуснийэ взорвал ночную тишину, ударился о стены и отскочил к сосе-дям, в другие дома квартала.

Хуснийэ-ханум клялась отомстить братьям Хасая (один - "шакал", другой "гиена"), разоблачить их "грязные проделки"; Рена еще поваляется у нее в но-гах, уж она ее потопчет, эту... (перо сломалось под тя-жестью слова). А потом набросилась на Гюльбалу и про-гнала его ("Нечего шляться по чужим домам"). Дверь хлопнула, послышалась дробь сбегающих шагов, за-трясся дом. Хорошо еще не задержался Гюльбала возле комнаты Мамиша, не то беда - не миновать и ему то-гда гнева Хуснийэ-ханум. Это знал и Гюльбала, пожалел Мамиша, проскочил мимо. Но не успел Мамиш сомкнуть глаза, как нетерпеливо постучали к нему в окно; делать нечего, пришлось открыть и впустить Хуснийэ-ханум. С ходу посыпались упреки:

- Как не стыдно! Что ты за человек! Рабочий па-рень, член бригады образцового труда, работаешь на Морском! '

Почему-то надела очки.

А Мамиш слышит и видит иную: "Прочти, что здесь на-писано!"

И Мамиш читает, а потом сама вчитывается по слогам, губы что-то шепчут и шепчут, на лбу морщинки, и две глубокие собираются над переносицей. А память! Что прочла - врезалось в сознание, бралось на вооружение.

- Что случилось?

- И ты еще имеешь совесть спрашивать? С кем друж-бу водишь, парень? Подумал бы прежде!

ты права!

- Это же мои дяди, разве вы не знаете?

- Дяди! Разве это люди? Это же хищники! Лютые звери!

один из них - ваш законный муж! и Октяя вы признали, как сына принимаете!

- Здесь мне салам говоришь, а потом за один стол с моими врагами садишься, чокаешься с ними! Такого ли-цемерия я от тебя никак не ждала! "Ага! Выведала у Гюльбалы! Разговоров теперь не обе-решься!"

ругай! ругай! и хорошо, что разузнала!

- Разве тебе не известно, что от меня ничего не скроет-ся? Этому Аге я всю душу вытрясу, еще поплачет он у меня!

отлично!

- Али я так напушу на него! В клочья разорвет!.. Вы-яснила, узнала я, где его мать! Спасибо Тукезбан, век не забуду ее услуги, помогла мне разузнать, написала мне!

И без того плох сон у Мамиша, а тут он разом его ли-шил. Мать написала? Но почему он не знает? Или придумывает Хуснийэ? В наше время нетрудно узнать запроси в центре, мигом разыщут. Вот, мол, скажет дядям, ваша родная сестра помогла!.. Хлебом не корми, дай

разжечь страсти.

- А почему мне мать не написала?

- Постыдился бы! Не веришь? Я покажу тебе завтра письмо, написанное ее рукой! ай да мама! молодчина!

- И Гейбату еще попорчу кровь, он у меня попляшет!

Пепел на голову Хасая! Рена стреляет глазами, ей та-ких, как вы, подавай, одного вашего намека достаточ-но, а он, старый ишак!.. Да я бы на вашем месте...- Но тут осеклась, заметила, что взгляд Мамиша странно изменился, что наступил предел, который переступить небезопасно. Вихрем ворвалась - вихрем унеслась, аж искры из-под ног.

Вот и усни теперь. Уснешь на миг, а разбудят - и сон долго не идет, "...стреляет глазами, ей таких, как вы..."

неужели? и с нею - как со всеми? "...одного намека..."

Приходит Хасай домой, а дома Р. Никак не может Ма-миш, выше его сил представить Р с Хасаем. Он и она... Нет, что-то не укладывается! И Хуснийэ тоже не может, и потому: "...ей, таких, как вы..." Как их соединить - Рену и Р?

"Ага в телогрейке был, весь пропах углем". При чем тут Ага? А рядом, закутанная с головы до ног в серую гру-бую шаль, небольшого роста женщина. Тревожно ози-рается по сторонам, прижимает к груди хнычущего го-довалого малыша.

"Как приехала, так и вернулась". А свадьбу Аги Ма-миш помнит хорошо. Сама Хуснийэ нашла ему невесту, чернобровую красавицу сосватала. А теперь - сына против отца и мачехи. "Ай да Хуснийэ!" От Рены долго скрывали подлинную историю Али-Алика, об этом знали лишь братья и Хуснийэ-ханум; да что Рена, даже Тукезбан, чтоб не узнал чужак Кязым, убедили в том, что мать Али умерла. В какую-то минуту Хасай все же проболтался Рене: ему хотелось доказать ей, что между ними нет никаких тайн, что он настолько ее, что идет на риск, выдает тайну, за которую, захоти Рена, Хасая по головке не погладят, открылся ей Хасай как раз в тот день, когда она вернулась с Октаем из роддома; Рена, к удивлению Хасая, ополчилась на мать Алика: "Как же могла она оставить сына?! Я знаю, вы можете так припугнуть, одна твоя ханум чего стоит!.. Но мать?! Как она могла?" Рена и рассказала Алику. В отместку Мелает, которая встала на сторону Х.-х., "законной" жены, даже после того, как Рена родила Октая; Мелает высокомерно поджимала губы при виде "игрушки", ко-торую дали в руки "ребенку" Хасаю и с которой он не может расстаться. Рене хотелось приобрести союзников в борьбе с Х.-х. и Мелает. А Мелает эта история окрылила: Али, слава богу, не сирота, у него есть мать и. Мелает никто из Бахтияровых не вправе упрекнуть за то, что она палец о палец не ударила, чтобы через именитого троюродного брата помочь Али поступить в университет; и Агу удержала: нечего иждивенца рас-тить, пусть устраивается сам; Али не поступил, а по-том, когда его взяли в армию, Мелает два года блаженствовала, хотя стало труднее без помощника в доме. Репа сначала заронила в душе Алика надежду: "Кто те-бе сказал, что мать умерла? Может, это слухи?" А по-том: "Я наверняка знаю, что жива! Они ее выпроводили!" Вспыхнул гнев на отца, но Рена добавила: "Насели они на отца, особенно ханум, он и струсил". Гнев на мать тоже отвела Рена: "А что ей, бедняжке, оставалось делать? Убедили, что тебя уже нет". Светло-светло пе-ред глазами на миг возникла картина - встреча с мате-рью. И только это, и ничего другого: ни гнева на отца, ни неприязни к Хуснийэ-ханум, только обида непонят-но на кого, а потом и она растаяла: жива мать, как она обрадуется тому, что он жив! Узнай Али об этом раньше, он бы, демобилизовавшись, поехал искать ее, но как быть теперь? Когда до Хуснийэ дошло, что "без-мозглый Хасай" проболтался, у нее неожиданно родилась идея перехватить инициативу, приобрести в лице Али нового союзника, направив пущенную в нее стрелу про-тив ненавистных братьев. Не Рена, не Хасай, не Ага, а именно она, Хуснийэ-ханум, поможет Али... И .пошло: Москва, адресное бюро, Тукезбан (и ее против брать-ев!). "Готовься, Али!.." Но Али "быть умницей" за-пасть терпением, не

спешить, на носу защита диплом-ного проекта! И вникает, вникает Хуснийэ-ханум, она это очень любит, в суть этого проекта будущего архи-тектора-строителя: "Ах, как интересно!.." Искренно, с восхищением, до слез в глазах вникает, а Али вдох-новлен, рассказывает, как надстроить старые дома, соб-людая общий рисунок, восточный стиль; у домов креп-кие фундаменты, прекрасный белый камень, они выдер-жат еще два этажа!.. Хуснийэ-ханум очень хочет понять Али, восторженно разглядывает чертежи, ничего в них не смысла. "Ай да мой Али! - говорит.- Скажи честно, неужели это все ты сам придумал? Мен олюм, честно скажи!"; "мен олюм" - мол, "да умру я", за-клинает она, присказка такая. Али льстит участие Хус-нийэ-ханум, никто не поинтересовался, а она вникает, да с каким еще восхищением. "А наш дом как? Выдержит? Он тоже из белого камня. А какой кружевной орна-мент! Какая резьба!.."

"Что ж! - говорит Али.- Со временем можно и над-строить, только..." - и умолкает, не хочет огорчать Хуснийэ-ханум, потому что слышал о будущем этой улицы, о том, что угловой дом подлежит сносу. Он и проектирует надстройку через три квартала отсюда двух прекрасных особняков-дворцов, подлинных произ-ведений азербайджанского зодчества; угловой дом усту-пают им по габаритам и по архитектуре. Именно они по реконструкции должны украшать будущую улицу; а Хуснийэ-ханум не огорчишь; слыхала она об этих про-ектах, но чутье подсказывает, а пока оно не обманыва-ло, что еще неизвестно, кто кого переживет: план или дом; население растет с быстротой, какая не снится дру-гим городам, по темпам чуть ли не на первом месте в стране; вряд ли расщедрятся настолько, что станут ло-мать их дом. "Непременно спроектируй! - говорит она.Он и нас с тобой переживет, и правнуки наши увидят его".

Мамиш закрыл глаза, но веки подрагивают. В мировом океане - Каспий, на Каспии остров, на ост-рове буровая, на буровой - Мамиш. Хорошо, что рабо-тать в ночной смене.

Плывет и плывет теплоход. Утренняя теплынь сменяет-ся зноем, жара разлита повсюду, негде спрятаться. В воздухе ни дуновения, ни подобия ветерка, слой за слоем застывший зной. Поверхность моря, как зеркало, слепит глаза, когда смотришь, собирает палящие лучи и, отражая их, нещадно опалает лицо. В такую погоду спать в густой тени на ветерке под стрекот кузнечиков... Вздремнул Мамиш чуточку, а этого порой хватает, что-бы взбодриться. Повезло, что работать в ночной, с вось-ми вечера до семи утра. Сравнительно прохладно все же. Тем, кто днем, труднее: море - зеркальная гладь, отбрасывающая солнце все целиком, будто приоткрыли крышку кипящего казана и горячий пар бьет в лицо. Мамиш однажды крикнул: "Не могу больше.." И побе-жал. Бежал, бежал - ив воду с эстакады. И долго по-том головы ломали: что с ним теперь делать? Наказать? Уволить? Премии лишить? А Мамиш искупался и не остыл; остыл, когда премии лишили и выговор зака-тили.

Ревет мотор, лязгают тяжелые цепи крана, скрежещут трубы, уши от гула закладывает. И когда спишь, дол-гий гул в ушах и крики мастера и верхового. И большие удивленные глаза Расима глядят на тебя то ли на дю-нах, то ли здесь, на море.

Спать, только спать... Сдал работу своему тезке Мамеду, а тот сдал Мамишу свою постель-кровать. И Ма-миш видит сны своего тезки, как тот - сны Мамиша. Это придумал Мамиш, хотя никаких снов, когда спишь. Прозвали того Мамед Второй, потому что Ма-миш - Мамед Первый, хотя и пораньше Мухаммеды-Магомеды были, много-много Мамишей. Спать, спать...

Добираешься до кровати, камнем падаешь и спишь бес-пробудно, и не замечаешь, что душно. Что простыня горячая, липнет к телу. А потом морской душ.

И считай, что мать родила тебя только что - свеж, как колодец. Все глубже и глубже. С наклоном, отклонени-ем, это Гая придумал, чтоб добраться до слоя. Прямо не доберешься, там глубоко, и буровых оснований таких еще не придумали. Мало осталось.

Еще несколько дней, и вырвется, а ты держи пока, вка-чивай раствор, чтоб раньше

времени не вырвался из глубин густой поток. И по трубам потечет в гигантские серебристые резервуары в открытом море, оттуда - в чрева танкеров и снова - по трубам на заводы... Черным-черно лицо моря, будто не вода кругом, а пропасть. От гула эстакада дрожит под ногами. Трубы удлиняют-ся, ввинчиваются с отклонением, и Мамиш ротором буд-то крутит и крутит землю. Уснул Мамиш.

Даже Хасай Гюльбалаевич спит. Вспоминать не хочет, а может, забыл и оттого спит спокойно, почему Теймур раньше положенного добровольцем ушел на войну. И настоял, чтоб ни на какие курсы, а прямо на фронт.

Уж так случилось, что Теймур знал двух близнецов. Старший на час Ильдрим, а второй - Идрис. Идрис проучился четыре года, а потом как умственно отста-лый, с "прогрессирующим тугоумием", был отчислен из школы и вскоре, будучи физически здоровым, устроился в подручные к старому частнику сапожнику, что сидел в своем закутке напротив углового дома.

- Прокати меня, дядя! - попросил однажды долговязый Идрис шофера крытого грузовика, привозившего из пекарни хлеб в лавку на бывшей Базарной - угол бывшей Физули, рядом с бывшей трамвайной останова-кой, где теперь широкий проспект. А почему бы не прокатить? Садись! Идрис стал помогать шоферу за-гружать машину в пекарне и разгружать в окрестных лавках. Только ради того, чтобы прокатиться, Идрис, за которым утвердилась кличка Дэли, Дурачок, стал рабочим, хоть и не получал за это никакого вознаграждения - лишь через год, когда ему вручили паспорт, его оформили подсобным рабочим.

- Дэли, что ты делал? - спрашивали его дети на ули-це. И Идрис, с виду такой рослый, с наивностью ре-бенка шумно изливал свой восторг, громко гудел на потеху малышам:

- Завтра опять кататься буду!

В тот год, когда сабля из нержавеющей стали одного нашего знакомого, по его же свидетельству, творила чудеса, братья получили повестки из военкомата. Иль-дрим, безусловно, был годен защищать отечество, а Идрис... Но дело в том, что к тому времени в угловой дом уже дважды приходила с соседней улицы женщи-на, умоляла спасти племянника и, еще не получив согласия Хуснийэ поговорить с Хасаем, надела ей на палец кольцо с крупным бриллиантом, и рука Хуснийэ-ханум точно заиграла. Оно было чуть маловато, и пух-лый палец тотчас захватил кольцо. "Если это зада-ток..." - подумала Хуснийэ. Верни она кольцо у нее самой тоже были кольца (это чувство вспыхнуло и, увы, погасло тотчас...),- выстави она знакомую (это же-лание тоже возникло, но миг испарилось...), кто знает, как бы обернулось ее будущее? Но снять кольцо - что оторвать палец!

Шутка сказать - помочь! Спаси!.. Есть разнарядка!.. И в пору раздумий Хасая перед ним возникла фигура Идриса. И Хасая осенило.

- Нет, брата посылать нельзя, он же болен,- изумил-ся Ильдрим.

- Не учи нас, мы знаем, что делаем! - ответил Ха-сай.- Без тебя разберутся.

- Я тоже иду на войну! - ликовал Идрис.

- Ты же видишь,- сказал Хасай Ильдриму,- без тебя он не может, куда ты, туда и он. Ильдрим решил, что Хасай или шутит, или Идриса жалеет, с братом разлучать не хочет.

- Меня на фронт берут! - говорил Идрис соседям по улице, а те недоуменно пожимали плечами, мол, кто-то кого-то дурачит. Хасай понимал, что на первом же городском призывном пункте Идриса отпустят, но важ-но, что к этому времени уйдет и рапорт о плане по рай-ону; а пока можно оттянуть срок призыва того, у кого мешок с тридцатками.

Идрис не успел пройти и двух верст от районного пунк-та до городского, как его демобилизовали; он вцепился в Ильдрима, лил слезы, и его с трудом оттянули; конеч-но же, решили вслед за Ильдримом, "пожалели Идриса в районе".

- Ну как, отвоевался? - спросил его старик сапож-ник, качая головой.- Ну и дела!..-

Спросил при Теймуре, стрельнув в него презрительным взглядом. А потом Теймур слышал, как сапожник рассказывает кому-то:

- Видал, какой умник этот Хасай? Дурака забирает, а своего всеми правдами и неправдами оберегает! (Хотя Теймуру еще не пришел срок идти.)

- Слушай,- позвонили Хасаю,- кого ты нам посылаешь?

- Но он рвется!..- Хасай увильнул от разговора и решил рискнуть еще: мол, недоглядел. На сей раз Идриса отпустили через неделю, аж до станции Баладжары, где был призывной пункт, протопал; Хасай получил грозное предупреждение, и "фронтальная карьера" Идриса оборвалась. Но дважды высыпались на двухспальную кровать красные тридцатки, и Хуснийэ-ханум особенно понравились старинные серьги с полумесяцем и звездочкой-бриллиантом.

"Вот как призовут меня!.." - хвастался Идрис. Дети хохотали, а старик сапожник прикрикивал на них: "Не смей!" По привычке Идрис еще несколько раз прошелся по улице, выкрикивая: "Я иду на войну!" - а потом забыл и, подолгу о чем-то напряженно думая, молча сидел на низком стуле сапожника и смотрел, как тот стучит молотком.

Кстати, Дэли Идрис и сейчас жив, переехал отсюда и живет у брата, который получил новую квартиру на всю семью за оперой. Идрис - грузчик в центральной пекарне, и не поверишь, что с Ильдымом, который, бывает же такое, без царапинки вернулся с двух войн - немецкой и японской,- они близнецы; Ильдым до волоска седой, а у Идриса черные-черные волосы и глаза молодым огнем горят. И он не помнит ни старика сапожника, который умер, а закуток его снесли, ни тем более Теймура.

Хуснийэ-ханум поджидала Мамиша, подперев бока кулаками, как это она обычно делала: "А Гюльбала тебя ждал, ждал. Очень просил, как только появишься, что-бы шел к нему". Мамиш не успел еще переступить по-рог дома. Он чертовски устал. Мечтал еще на теплоходе, придя домой, завалиться спать и спать. Пришлось лишний день задержаться на Морском. Даже чая попить не успел. И Мамиш пошел. Вверх по улице. К Гюльбале.

Устал, не хочется идти, ноги еле двигаются, но попросил Гюльбала, они не успели тогда поговорить, и Хуснийэ помирилась с сыном и не сердится на Мамиша, как же не пойти?

Какая нелепо крутая улица, но вот и дом Гюльбалы, вот его квартира, дверь отворил сам Гюльбала, и для Мамиша открылась

ГЛАВА ТРЕТЬЯ - глава диалогов, глава новых знакомств, рассказ о том, что комната задышалась в дыму, а в пепельнице громоздились окурки. Запомнилось, никогда не забудется: чуть початая бутылка водки, брынза, зеленый лук, белая, как яблоко, редька, вареные яйца. А потом нелепое: "Где жена?"

- Отослал к родителям, пусть утешает отца-пенсионера. - Это Гюльбала о тесте, и через стекла очков на Мамиша смотрят удивленно расширенные глаза Хуснийэ-ханум: "Ай-ай-ай!" И она по слогам читает: "Безнаказанность!"

- Ссора?

- Проходи, садись. Чем тебя угостить? Только не проси чая, заваривать неохота. Наполнил рюмку и протянул Мамишу.

- А сам?

- Я не буду.

Новость - он выпил, а Гюльбала смотрит.

- Слышал?

- О чем?

- О поездке Али.

- Что за Али?

- Ну, Алик, сын Аги.

- Ах, Алик! - протянул Мамиш.- Уехал? А куда?

- Какой ты тупой стал! Выпей еще. Давай рюмку! Значит, Али поехал искать мать!.. Ну и что он будет делать, когда найдет? Больше двадцати лет прошло!

- Думаешь, ненужная затея? Нет, глубокий смысл есть в этой поездке! Пусть раскусит своего тихоню отца!

- И тебе, и мне он дядя.

- Спасибо, разяснил! Я знаю как ты любишь своих дядьев, и Агу в том числе. Очень тебе по душе его лисья мордочка.

- Пью за тебя!

- Посадили Али в самолет и в Бодайбо!

- Ты что, за этим меня позвал?

- Мало?

- Нет, но все же я с работы, трудная неделя была. Спокойный разговор.

- А чего задержался?

- Заклинило трубу так намертво, что весь день прово-зились.

- Намертво, говоришь? - И почему-то побледнел. Мамишу это, конечно, померещилось, он додумал потом. - А Гая тут как тут, спас положение, да?

- Откуда ты знаешь?

- А ты поподробнее расскажи, вот и скоротаем отпу-щенное нам время!

Нет, это было Гюльбалой сказано беззлобно, и "отпу-щенное время" всплыло в памяти потом, после того, как все случилось. А тогда одно лишь сверлило: "Смеет еще издеваться!" Встать бы и уйти! Надо было! Чего рас-селся? Но Гюльбала не за тем звал, чтобы так легко распротиться.

- Ладно, не заводись! Я с тобой долго буду говорить, всю ночь!

- Устал я. Вот и уйди!

- Камни, что ли, таскать заставляют? Болтовня одна! Уж тут-то не надо было медлить! Не дать ему сказать! Встать и уйти, чтоб не слышать больше ничего. Все и так ясно. А потом такое пошло, что уйти уже было не-возможно. При чем тут древние дастаны? "Я такие дастаны тебе расскажу!.." Надо было уйти! За что Мамишу все это? Почему, как поют ашуги, черная кровь должна течь в нем, густая и тяжелая, почти как нефть? Разве недостаточно того, что до этой крови они добира-ются там, на острове? И пошло! И пошло! А Гюльбала говорит, и его уже не остановить, не за-ткнуть ему глотку.

- Я такие тебе дастаны расскажу, что сон как рукой снимет! Как тебе, к примеру, такой дастан "Гюльбала - Рена"?!
чудовищно!

Лицо Гюльбалы побелело, и рука, которую он протянул, чтобы взять рюмку, мелко задрожала. Мамиш снял ру-ки со скатерти и с грохотом отодвинулся только и всего? - от стола, стукнувшись стулом о стенку ко-мода. Гюльбала прошелся по комнате, потом встал прямо перед Мамишем, вплотную, нагнулся к нему.

- Знали два человека - я и Рена. Теперь знаешь и ты. Но плохо, когда о такой истории знают три чело-века.

Ложь!

- Тогда не рассказывай.

-- Не бойся, не омрачу твой чистый дух!

язык твой вырвать!

"Почему он на меня не смотрит? "Познакомились мы на пляже..." Кому это нужно и так ли важно? Что же дальше? Дальше что? И дурацкий вопрос: "Когда это было?" Непременно узнать!"

- Подожди, узнаешь!.. Вскочил, вижу, сопляк приста-ет к девушке. "Отстань!" - говорю ему. Полез ко мне драться, я его, как щепку, отшвырнул, он поскользнул-ся и в брюках плюх в

воду." А она дрожит от страха! Я к ней, и вдруг сзади что-то мокрое на меня прыгает. Гляжу, опять он. Сбросить было трудно, цепко повис, к земле тянет. И царапается! Я его и так, и сяк, а он висит. Только избавился от него, как на меня его дружки... Чу-дом спасся!

"Надо было уйти! Еще не поздно! Встать и уйти!" - Я взбешен, а она успокаивает. А руки!.. Как прикос-нется, тут же боль утихает.

- Почему я не слышал об этом?

- Не было тебя в Баку.

- В армии был?

"Ухватился за спасительное! Мол, в армии был, и дело мое ясное, без меня, дескать".

- Нет, из армии ты уже вернулся.

- Когда же?!

- Чего орешь?

- Год назови!

- Год! Говорю, не было тебя в Баку! Но чего это тебя так волнует!

Мамиш вскочил и на Гюльбалу.

- Да стой ты, чего взбесился? Ну, ладно, не буду, ска-зал, не буду! Так и задушить можно... Давай за любовь! Чтобы нас любили, как я ненавижу! Пей!

- Дальше что?

- Ага! Заинтриговал! Дальше была любовь! "Стой! Ни с места! Пусть расскажет!"

- В каком смысле?

- Как в каком?! Нет, никто не поймет меня! И ты не поймешь! Разве ты испытал нечто подобное?! И вряд ли испытаешь когда!

- Это почему же?

-- Да потому, что разделен ты на части и все у тебя по полочкам. Здесь у тебя любовь, здесь работа, а здесь - еще что-то.

- Красиво! Но разве работа... "При чем тут работа?"

- Вот-вот,- перебил его Гюльбала.- Мура на пост-ном масле, от запаха которого меня мутит.

- А ты рассказывай! Что дальше?

- Я сказал отцу, что хочу жениться. А он: "С кем по-родниться хочешь?" Кинулся искать защиты у матери, думаю, она меня любит, трясется надо мной, "любимый мой, родной мой" и так далее, но и она: "Кто ее родите-ли?" А у нее даже отца нет.

знаю!

- ...что я мог Рене предложить?

- Взял бы и женился!

- А где деньги взять? У тебя? У своей богатой тети Тукезбан?

- При чем тут деньги?

- Вот-вот! Ты же у нас из другого мира, случайно тут оказался.

- Но если и она любила...

- Не в ней дело! Это ты бы мог, а я не могу - взять да жениться!.. Ох, с каким бы удовольствием я ограбил своих родителей!

Умолк. Подошел к окну, свесился по пояс. Долго стоял так, высунувшись наружу. Потом выпрямился.

- Отдышался, и стало легче.

- И что отец?

- Отец - мясник! Особенно по части бабьих печенок, сырыми их ест!

- Она знала, что он твой отец?

"Нет, это бред какой-то! О чем я спрашиваю?"

- Было уже поздно, когда узнала. Он давно за нею охо-тился, и она рассказывала мне об

ухаживаниях какого-то седого мужчины, я думал, разыгрывает, ревность вызвать хочет. А мой отец

знаю!..

искусно плел сети, и она попалась. Однажды Рена про-пала, и это я знаю!

исчез тогда и мой отец. Потом она объявилась и оста-вила мне записку, что вышла замуж. Он купил для нее эту самую квартиру в микрорайоне. И об отце, и о квар-тире я узнал полгода спустя. Я знал, что он содержит любовницу, знала и мать, но что это именно Рена, в го-лову не приходило.

отец твой хорошо угостил нас тогда!

"Ну вот, я пригласил вас к себе, хочу познакомить с но-вой женой!" А с Мамишем уже не раз говорил Хасай: вот, мол, и перед тобой я чист, дорогой мой Мамиш, но ничего, я найду тебе хорошую девушку! Да, я как-то вас видел... Жаль, жаль, хар-рошая девушка была!.. "Ну вот, братья мои дорогие, сын мой, ты уже взрослый и должен меня понять, племянник мой любимый, пред-ставляю вам, вернее, представляю вас моей новой жене Рене-ханум! Кто меня любит - тому и Рену любить!" И на Мамиша взгляд: "Ты, конечно, понимаешь, о ка-кой любви я говорю?" Гейбата помнит Мамиш, тот рас-плылся в улыбке, будто царице его представили, заулы-бался и Ага, а вот Гюльбалу он не помнит. "А кто ее не полюбит, того я из сердца вон", - и пальцем черту в воздухе. И все на Мамиша, на Мамиша погля-дывает, а ей хоть бы что, смотрит влюбленно на Хасая...

- О, эта записка!..

- А... до тебя у нее был кто?

- Говорю тебе, я у нее первый!

- А ты вспомни!

- Ухаживал за нею какой-то чудак, но это не в счет, так, вздыхатель. Да, кстати, она называла его имя, как твое точь-в-точь... Мамишей, ясное дело, много.

Гюльбала стоит на балконе. "Кто это выжег? Ты?" - "Нет".- "Вот это - Р?" "Да нет же, говорю!" - "Но здесь есть и М, значит, ты, а вчера не было, я пом-ню,- провел пальцем.- Видишь, свежее, увеличитель-ным стеклом выжгли. Ты?" - "Почему я?" - и улыба-ется. "Слушай,- не отстает Гюльбала,- а откуда ты знаешь?" - "Что?" - "Не что, а кого, ну эту, Р?" - "Оставь, никакую Р я не знаю".- "Ну и чудеса! Не сама же она? А может, и сама?"

- Очень много Мамишей... Что краснеешь? Слушай, а может, и ты в нее влюблен?! Ха-ха! Вот это да!.. Да отойди ты! Тоже вояка мне нашелся! Перед нею кто устоит? Ну, ладно, если не ты, скажу: она его бросила, молчун какой-то, сказала "ни рыба - ни мясо".

неужели и с нею, как со всеми?

Как в первый раз, во тьме,- ни лица не помнит, ни глаз, только голос: "Ну?" Это Гюльбала ему как-то: "А хочешь, тут у нас есть одна..." И повел его, заранее сговорившись: "Она уже здесь, иди". "Знаешь, где ком-ната?" спрашивает Гюльбала. "Знаю". А у самого голос дрожит. "Иди!" И Мамиш зашел в дом. Вот и ком-ната. В ушах шумит, сердце гулко бьется. "Ну, иди сюда". Зашел, а шагу сделать не может. "Долго тебя ждать?" Свет луны в окно падает. Черноволосая. "Ну?" И потом: "А ты впечатлительный! Таким, как ты, только по любви". И было еще в Морском. В будку влез, спасаясь от жары; прохладно здесь было. "Иди сюда, здесь дует". Сидит в тонком платьице. И ног не прячет. Сел. И вдруг потянуло к ней. "Что ты?" А у самой тоже голос дрожит. "Что ты?.. Дверь!.."

Вскочил, задвижку закрыл. "Ну что ты, что ты?.." И не помнит Мамиш, где он. Только: "Ой!" Губы, соль, же-сткие доски. И под ними бирюзовая вода. Сухие, соло-новатые губы... Потом еще раз виделись. Но больше не повторилось. "Нет!.. Сдурела я!.."

"Ни рыба - ни мясо". Как ушла Р тогда, после лихо-радки, Мамиш к ней звонил. "Это ты?" Очень похожи голоса Р и ее матери. "Кто вам нужен?" "Извините, можно Р?" - "Кого-

кого?!" Грозный голос. И "ду-ду-ду-ду". Еще раз позвонил. "А кто ее просит?" А потом: "Ее дома нет".- "Когда будет?" И снова "ду-ду-ду-ду". "Тебя каждый полюбит,- говорит мать дочери,- а ты не увлекайся!" Не для того взрастила в райском саду розовощекое яблочко, чтоб потом в мазуте испачкаться!

Варвара-ханум путала нефть с мазутом. "Надо силь-ную опору иметь",поучала она дочь. Теща - почти ровесница зятя, но он ей "Вы, Варвара-ханум". А она ему: "Ты бы, Хасай..."

- О, за эту записку ("Слушай, слушай, как он этой запиской!..") дорого мне заплатила ("Он может; брит-вой, не спеша, и шелк трепыхается, как ленты беско-зырки"). А потом плюнул на все, разорвал записку! Точка!

- Вчера?!

- Да!

- И все это время?..

- Да и да!

- Врешь! - И сам не знает, когда схватил его.- Врешь!

- Да ты что? - опешил Гюльбала и тут же: - А мо-жет... ,Да нет, чушь какая-то. Отпусти, рубашку по-рвешь!.. Ха-ха-ха!.. А может, и ты с нею того!.. Бей, да не так сильно,черт тебя возьми! - Гюльбала щеку трет, но в драку не лезет.- Ладно... А может,- снова ухмылка,- и правда? А? А что? И мне вроде не обидно. Подпрыгнул, зазвенел стакан.

- Могу не рассказывать!

- Рассказывай. Так чей же?..- Мамиш не закончил фразу.

Не смог. Язык не повернулся.

- Окай? - помог ему Гюльбала. И спокойно, как о чем-то второстепенном: Не знаю. Да и какая раз-ница?

- А что она?

- Чудак! Разве скажет?

На перроне стояла, по саду Революции шли с нею, по-том: "Познакомьтесь, это моя новая жена". А тут еще Гюльбала. И собрались лучи в пучок, жжется сухое де-рево, закругляется палочка - Р. И Мамиш в этом пуч-ке. Сейчас зазвонит будильник и Мамиш проснется: "Ну и сон!.."

- Я понимаю. Ты думаешь: подлость! грязь!.. Да, все хороши, и я тоже!

Будильник молчал, потому что Мамиша незачем бу-дить, он сидит у Гюльбалы, скрестив руки на груди и отодвинувшись от стола, напоминающего недорисован-ный натюрморт: сыр пожелтел и края его загнулись кверху, а на белом срезе редиски прожилки, точь-в-точь как на отпиленном бивне мамонта, подаренном матерью. Да, Гюльбала и Рена познакомились на пля-же, но что было дальше, Гюльбала скрыл. Об этом ни-кто не знает, только он и Рена, и никого Гюльбала в этот мир не впустит. Знал один-единственный человек еще, но его уже нет. Гюльбала и Рена в тот день в го-род не вернулись, а пешком пошли по кромке берега, шлепая по теплой воде, и вышли к дому, где похоронен прадед Гюльбалы. Почему он привел ее сюда, почему пошла с ним Рена, и не объяснишь; Рена никуда не спешила, именно в этот день мать уехала к подруге, которая жила в двух часах езды. И останется там на ночь. Рена почему-то решила поехать на пляж одна; хотя договаривалась с парнем, но тот стал раздражать ее - будто она хрупкий сосуд какой, вот-вот упадет и разобьется. У Рены наступило то неясное ей самой со-стояние, когда ни о чем думать не хочется, когда, будто кому-то вопреки, идешь за тем, кто тебя ведет, и ты знаешь, что непременно что-то должно произойти, что-то важное, решающее, и ты переступаешь порог, кото-рый хочешь переступить, нетерпелива, нет сил остано-виться, и боязно тебе, а ты все равно идешь, и ничто уже не в состоянии тебя остановить, идешь назло са-мой себе, перешагиваешь через запретную черту. Гюльбала иногда берет ее за плечо, и она вся замира-

ет, тяжелеют ноги, и, если б не он, она бы упала, но он ее держит крепко, и она будто плывет и плывет по берегу. Пришли, он открыл калитку, смотрит во двор.

- Эй, кто здесь есть?

Никто не откликнулся. Вошли.

- А вдруг собака?

- Иди, не бойся... Эй! - кричит Гюльбала. Будто вы-мер дом. Ни на первом этаже никого, ни на втором. Са-мовар стоит теплый, дверь открыта, на балконе дере-вянная тахта, палас на полу.- Эй! - сверху кричит Гюльбала. Никого! Что за чудеса? Спустились снова во двор, даже в колодец Гюльбала заглянул, и Рена на свое отражение в круглом зеркале воды взглянула, не узнала себя. "А вот и случится!" - сказала ей та. "И пусть!" - ответила эта. И снова поднялись наверх. Гюльбала быстро взбежал, а у последней ступени сел, протянул Рене руки и ловко поднял ее, обнял, и она, ей очень этого хотелось, оказалась у него на коленях. И ушла в какое-то забытье. И отдаленно-отдаленно долетали до нее с порывом ветерка какие-то звуки.

Ушло, оттаяло, сгорело все то, что сковывало, сдерживало, создавало напряжение, постоянную насторожен-ность. Стужались сумерки, она не помнит, как они ока-зались на балконе, как наступила ночь и когда они уснули.

Рано утром калитка отворилась, пришла хозяйка и на балконе увидела, что лежат чужие люди, прикрытые шалью. Она собралась крикнуть, но тут взор ее упал на девушку, лицо у нее было доверчивое, детское, и парня она увидела, и они лежали, так крепко обняв-шись, что она не стала их будить и тихо сошла. Первой проснулась Рена - ей в нос ударил запах табака, это хозяйка закурила внизу, набив чубук. Проснулась, с ужасом вспомнила, что не дома, а мама?! Но тут же успокоилась - как хорошо, что и ее нет!..- и прижа-лась к Гюльбале. Что же будет, когда хозяйка их уви-дит? Проснулся и Гюльбала, сразу поднялись оба, Рене вдруг жарко стало^ лицо горит; и шагу сделать не мо-жет, ой! И прижалась к Гюльбале, припала к нему, не от-пускает, он самый родной, близкий. Как же она теперь пойдет? Как уйти незаметно?.. А Гюльбала с балкона:

- Здравствуйте! - хозяйке.- Вот мы и сберегли ваш дом!

- Я на свадьбе была, не слышали разве? Ах, вот откуда эти звуки кларнета!..

- Но мы берегли и свой дом,- Гюльбала уже спустил-ся, а Рена никак не сойдет, прислушивается к разгово-ру внизу.- А вот так! И ваш, и наш!..- Рена осторожно спускается по ступенькам, боясь повернуться к хозяй-ке.- А это моя жена,- говорит он хозяйке.- Хотите, докажу, что этот дом и наш?

Хозяйка - женщина худая, курит чубук, и очень ей симпатичен этот парень, эта молодая пара; свои моло-дые в городе, на дачу не едут.

- Доказывай!

- Вот там в углу,- таинственно говорит Гюльбала,- есть могила!

- Что ты, что ты! - замахала рукой хозяйка и закаш-лялась.

- Чего вы боитесь? Плита, а ее песком занесло, там мой прадед лежит! Не верите?

- Верю, верю! - Хозяйка бледная стоит, а Гюльбала уже жалеет, что сказал.

Весь день они провели здесь, хозяйка от страха их не отпускала.

- Да я пошутил, откуда здесь могиле взяться? Шли по песчаной улице, а как вышли на асфальт, Рена остановилась у глинобитного дома с высоким тротуа-ром, чтобы выбить из босоножек песчинки.

- Я твоя жена, да? Гюльбала опешил:

- Так скоро? Рену обожгло;

- Но ты сам!

- Я же не мог иначе.

- Не жена? - жжет в горле. - Нет?

- Ну что ты! - тяжкое что-то навалилось и давит.- Конечно жена!

Горячо-горячо Рене, и слова сказать не может. И такая обида, так жаль себя! Гюльбала о чем-то рассказывал, а она как в тумане, какие-то люди, душная электрич-ка, не помнит, как сели и как сошли, что же дальше? Ах да!.. Он завтра позвонит, и они снова встретятся!.. Хасай поднял тогда на ноги всю милицию, Хуснийэ-ханум, хоть и привычная к неожиданным выходкам сы-на, чуть с ума не сошла!.. А Гюльбала уже не отчитывается перед родителями, он мужчина, и он будет еще часто-часто ездить на их бывшую дачу. Дела у Гюльбалы шли тогда неплохо, он работал в управлении метрополитена и помог Рене устроиться в одну из тамошних контор. Могла ли Рена даже помыслить, что ее медаль золотая ничего не значит, тем бо-лее для поступления на турецкое отделение! На другое утро после дачи телефонный звонок, а за миг до этого Рена проснулась и такую легкость ощути-ла в теле!.. Вскочила и на себя в зеркало, а в трубке го-лос Гюльбалы. Ну и пусть! Такая любого осчастливит! Что? Вот еще! Не ей за ним, а пусть он.

- Нет. Не могу. Не приду. Ничего со мной. Прекрасно. Нет-нет. Завтра тоже. Когда?.. Я бегу на работу, опаз-дываю.

Только трубку положила, новый звонок. Другой уже. А этот и вовсе чужой, сначала даже не сообразила, кто.

- Ах уезжаешь...- и на себя в зеркало. И ему гово-рит, и той, что в зеркале на нее смотрит,- На неделю? Только? Счастливого пути! - А когда положила труб-ку, та, что смотрела, добавила: - И больше можешь не звонить!

Удивительно, срезалась и на следующий год - и тема знакомая, и есть о чем писать: "Читайте, завидуйте!..", вольная тема. Но нет худа без добра, потом она будет рассказывать Гюльбале о красивом седом мужчине, безмянно легендарном, Гюльбала не придаст ее рас-сказам значения, потому что и сам любит иногда при-сочинить, тем более что ни разу рядом с нею никакого мужчину не видел.

Хасай любил неожиданно нагрянуть на подопечные объекты, это еще со времен Шах-Аббаса водится: шах переодевался, приклеивал длинную бороду - "А ну, погляжу, как народ мой живет, послушаю, что обо мне рассказывают" - и шел по базару, заглядывал в кара-ван-сарай, просто стучался к кому-нибудь и просился на ночлег. Хасай - не шах, но и ему доставляло удо-вольствие, когда он обходил подвластные ему учреж-дения: не ждали, а он тут как тут!

- Не туда, Хасай Гюльбалаевич, пожалуйста, сюда, здесь вам удобно будет! И суетливый начальник уступает ему свое крутящееся кресло, а Хасай отказы-вается:

- Это ваше место, а я тут с краю посижу.- И садится на обычный стул.- Вы хан, а я ваш гость. Тут же несут чай, а он сидит и смотрит, как работа идет. Так он нагрянул и в строительную контору метрополи-тена. Только собрался уходить, как в соседней комна-те, через стенку, послышался шум - это Рена забежала сюда после сочинения, еще не зная о провале. Хасай недоуменно посмотрел, на начальника: что, мол, за оживление в разгар рабочего дня?! Тот тут же выско-чил, чтобы узнать, в чем дело.

- Это наша работница, экзамены сдает, можете не беспокоиться.

- Потому что хорошо сдает? - Надо же и пошутить, нельзя все время строго.

Уходя, Хасай заглянул в соседнюю комнату и увидел Рену. Щеки у нее горели, вся она разрумянилась, как только что испеченный чурек, а Хасай не обедал еще, проголодался.

- Хорошие (хотел сказать "чуреки печешь", но тот еще пристанет с рестораном) цветы выращиваешь! - сказал начальнику Хасай. Лицо ее показалось знако-мым. Где видел? Вспомнить не мог, а потом вдруг не-ожиданно и в самый неподходящий момент осенило; говорил по "внутреннему"; у Хасая правило: если ко-му из "верхов" не позвонит, считает

день потерянным; "С Мамишем видел!" Чуть к тому не обратился: "Мамиш!" Вот потеха была бы!.. "Что-о-о-о? Мамиш?! Но вовремя проглотил слово.- Как я мог забыть?!" Ключи ведь у него в кармане, еще не потерял ключик!.. Через дня два позвонил туда в контору, спросил невзначай: "Кстати, а как ваша работница, поступила? - О кадрах забота. И, узнав, что срезалась, обрадовался, но в го-лосе огорчение: - Жаль, жаль... Пошли ее ко мне". И Рена пришла.

Уже давно просто азарт охотника, а тут словно впервые с ним такое, и даже чуть-чуть нервничает.

- Входите, входите...- И помощнику взгляд, а тому только знак подай: мол, не беспокой по мелочам. Он почувствовал, когда за руку ее у локтя взял, как она замерла, и с ним что-то давнее, думал, уже не испы-тает, до нее только дотронулся, и тянет еще раз кос-нуться и не отпускать эту руку, это плечо, усаживает ее, только не вспугнуть.

Рена тотчас узнала его, и ее охватила непонятный страх, но было почему-то приятно и голос его слышать, и взгляд его ловить. И тут же одолела испуг, почувство-вала себя легко и уверенно.

- А мы знакомы.- И тут же на "ты": - Помнишь?

- Да, я не забыла.

- И я. И очень рад встрече.- Но мужское достоинст-во прежде всего и племянник - родной.- А... Как Ма-миш? Видитесь?

- Нет.- И очень твердо. Почувствовала, что весть эта обрадовала Хасая.

- Что так? - спрашивает, а у самого душа поет. "Ка-кое тебе дело? Говорит "нет", и все!" А Рена почему-то обиделась: "Ведь вижу, что доволь-ны вы, так чего же расспрашивать?" И плечами пове-ла. А тут еще чай вносит секретарша и конфеты доро-гие, Хасай ведь готовился. И ему даже понравилось, что не нарушил законов мужской дружбы. Разве посягнул он на право племянника?! Потом он спросит у Мамиша: "Да, кстати!.." И еще спросит, прежде чем открыться всем: "А ты видишь ту, я как-то встретил вас..." Чтоб потом никакой недоговоренности, никаких обид. Никто ни у кого не отбивал, честная борьба, без обмана - Хасай такие вещи не любит, мужчина есть мужчина.

- Турецкое?! Сдалось оно тебе, боже упаси!

- Но...- попыталась она возразить, хотя не могла бы объяснить отчего; самые красивые девушки, с которыми она училась, особенно одна, из именитых, почему-то рвались на восточный факультет и именно на это отделение.

- Подальше, подальше от всего турецкого! Лучше на юридический! - Но к этому разговору он еще вернет-ся, когда она станет ему близким человеком. Только на юридический! -И произнес торжественно: - "Пре-доставляется слово для обвинительного заключения прокурору Рене-ханум...- И заколебался, а потом, много-много дней спустя уверенно добавит: - Рене-ха-нум Бахтияровой!" И в зале тишина. А на скамье соб-ственный муж!

Но когда она пришла к нему в первый раз, как он ей сочувствовал.

- Ах, если бы я знал раньше!..- И с таким неподдель-ным участием.- У меня же много друзей в универси-тете. Особенно на юридическом.

Хасай говорил правду. До войны он учился на уско-ренных курсах историков, нужны были кадры, чита-лись лекции и по философии, и по юриспруденции, вы-дали диплом, приравненный к высшему, и это приго-дилось, когда Хасая, как комиссара, перебросили за Араке в сорок первом; Мамишу как-то попался учеб-ник по истории - сжатое изложение событий с древ-нейших времен и по наши дни, почти весь исчеркан-ный красным карандашом, где сплошной жирной ли-нией, а где пунктиром... Те, которые учились на этих ускоренных курсах, занимали теперь неплохие посты.

- Но ничего! И сейчас еще не поздно! И созрел план.

- Выйдешь, встань на ту сторону, жди. Откроешь, как подъеду, заднюю дверцу и сядешь. Поедем к моему Другу.

За рулем сидел Хасай. Рена легко вошла в эту таин-ственность, сидит в углу, стекло занавешено, не надо, чтоб его видели с нею. И радостно Хасаю: с полуслова его понимает! Так же она вышла раньше, и он велел ей идти за ним. Тихая улочка в центре. Хасай подо-ждал в подъезде и, когда она оказалась рядом, снова заволновался. Обнять, внести на третий этаж на руках, крепко прижать к груди... Но отпугивать нельзя! Друг уже обо всем знал, проводил их в столовую, и Рена за спиной, в высоком зеркальном стекле серванта увиде-ла, как друг - Хасаю: мол, во! Мировая!.. А Рена удивляется себе: ни скованности, ни робости, будто всю жизнь в этом кругу вращалась. - Ну вот, все будет в порядке!

Нет, он не может, он не отпустит ее, он не может с ней вот так проститься! И Рена не хочет этого - уйдет, и окажется, что не было ничего.

И он помчал ее в своей новой "Волге", а куда, и сам еще не знал. Гнал и гнал, потом - хватит, говорит ей, от чужих глаз прятаться - усадил рядом. И снова по-гнал машину. Ехали они долго, дул ветер, стал накра-пывать дождь. Едет, а куда, не знает. Весь на виду! Везде глаза, куда спрячешься? А потом, когда дни, проведенные без Рены, будут казаться потерянными и сама Рена будет тянуться к нему, Хасай придумает, как быть, даже комнату облюбует на бывшей Балаханской (Хасай про себя называл улицы старыми названиями: Балаханская, а не Первомайская, Чадровая, а не... Он даже не помнит, хотя ему, ведающему сетью движе-ния, надо бы знать: не Чадровая, а Алиева, не Торго-вая, а Низами, не Старая Почтовая, а Островского, не Армянская, а Максима Горького и так далее). Настрое-ние у Рены было преотличное. "Тебя каждый полюбит, а ты не увлекайся",- учила дочь Варвара-ханум. И Рена во всем следовала советам матери: и в круп-ном, и в мелочах. "У тебя красивые глаза, не отводи их, смотри гордо и с достоинством. Никогда не сутуль-ся, держи голову прямо, и шея у тебя прекрасная, и плечи тоже красивые!.." И Рена шла прямо, гордая от сознания того, что она есть, что она ходит по земле, сильная и красивая, идет, зная и чувствуя, что на нее смотрят. Длинные волосы заплетены в одну косу, не идет, а будто летит, и коса петляет за спиной. У высокого холма, уже далеко за чертой города, он свернул на проселочную дорогу, в багажник забараба-нила галька. И остановился. И уже нет сил ждать, не может. И Рена притихшая сидит, что-то будет, она зна-ет, что-то очень важное. Хасай притянул ее к себе сна-чала слегка, а потом крепко обнял. И не помнит Рена, когда откинулось сиденье. Она вырывается, но не очень. А он любит, когда чуть-чуть вырываются и чтоб он пересиливал сопротивление, чтоб она постепенно подчинилась его воле. И чувствовала, чего он хочет, и, сама даже не понимая, что делает, отвечала ему, уга-дывала желания. И не надо спешить. Не надо никуда торопиться.

Такого у Хасая давно не было. Не погасить никак. За окном темно уже... А Рена запуталась: будто и не Гюльбала был в первый раз, а он. Тогда не терпелось пере-ступить черту тут же, немедленно, какой-то вызов, дерзость. И неуверенность, как же дальше? Страх, буд-то обман совершен, преступление какое-то, а здесь ина-че, здесь по-другому, здесь никуда уходить не хочется, никакой боязни, так будет всегда, ни о чем не надо беспокоиться.

А потом Хасай вспомнит Мамиша. Надо у Рены еще раз спросить. "Я должна тебе объяснить..." Глупышка, чего объяснять? И спрашивать он ни о чем не будет. Дитя!

- Ну вот, ты и моя жена.

- А может, я уже замужем?

- Никто, никогда, ты слышишь?

Варвара увидела у дочери дорогое бриллиантовое коль-цо. Откуда?! "А я... но ты будешь очень довольна!" И Рена подстроила так, чтоб мать его увидела. "Это же очень большой человек, Рена!" И целует дочь. "А ты уверена? Не обманет?" Рена молчит, улыбка у нее торжествующая.

Рена тогда боялась первой встречи с Гюльбалой. Он ей не нужен уже, но не было сил оттолкнуть. Потом, потом все само собой, думала она, все иначе, все не так, не надо бы, но как прервать? Она надеялась, что что-то должно очень скоро произойти... А теперь Хасай часто хватается за сердце. И Рена бережет Хасая. "Потерпи до следующей субботы!" И кулачки вперед. Ей ничего не надо, был бы только он рядом, и этого предостаточно.

Хасай сдержал слово, помог поступить, потом Октай, от-срочки, так что диплома еще нет. "Предоставляется слово прокурору Рене-ханум..." И вроде бы пауза перед "Бахтияровой". "Не надо!" - расстраивается она. А он волосы ее целует, хорошо пахнут. "Все в свое время будет, не в этом счастье". - "А я и не жалею. И пусть говорят обо мне все, что хотят". Мамиш сам как-то это слышал из ее уст, будто ему она адресовала свои слова, хотя Мамиш ни жестом, ни взглядом ее не упрекнул. Чепуха какая-то! А упрекнул бы, и не услышала б она. А тут еще Гюльбала!

- Почему ты рассказываешь мне? Гюльбала удивленно взглянул на Мамиша.

- А кому же рассказывать? Отцу? Матери? Ты друг, родственник, ровесник! Один в трех лицах! Ты меня поймешь, единственный на этой земле. Выделишь особую полочку и для меня, моей истории,

а вот я тебе сейчас расскажу, как перила жег!

авось пригодится. Нет, не стыдно, чего мне стыдиться? После такого великого стыда все эти стыдишки - одно сотрясение воздуха. Я в такой ливень попал, что дождь мне не страшен. А потом меня женили и ты до упаду на моей свадьбе танцевал! Отец сам подыскал, из семьи большого человека, породниться думал через меня, укрепиться, а тут такое - раз, и полетел канатоходец! Здесь крах, там мать ему сильно карьеру подпортила своими жалобами, сам ей небось писал, ты же у нее штатный писарь!

- Да, было такое.

а мне бы Хуснийэ-ханум сказать: "это Р обо мне:

"ни рыба - ни мясо"...

- Я устал лгать! Лгать жене, лгать отцу, лгать само-му себе! А ты? Ты не устал?

- А кому я лгу?

- Всем! Что вы будете делать со своими ржавыми конструкциями через десять, через пятьдесят лет? Из-гадили море, извели рыбу, набросали в воду сотни тонн металла, который ржавеет... Что, не согласен? Не солги хоть здесь, при мне, нас ведь никто не слышит, мы с тобой вдвоем!

- Давай, давай, послушаем, что ты еще скажешь.

- Интересно знать, стали бы французы или какой другой народ в своей столице, найдись там нефть, буро-вые вышки ставить... Ты, конечно, чистюля, никому ни-какого вреда от тебя, никаких подлостей.

- Я и тебя считаю порядочным человеком.

- Меня?! После всего, что я тебе рассказал?!

- Ну... считал, пусть будет так!

- Считал!.. А знаешь ли ты? Знаешь ли, что я свою начал, так сказать, деятельность с самоанонимки? Ты даже не знаешь, что это такое, да?.. Еще в школе настроил на себя анонимку! И послал домой, что, мол, ваш сын Гюльбала подлец из подлецов, мразь и так далее. И знаешь, почему я это сделал? Надо мной измывались ребята, дразнили, что я выскочка и сын выскочки.

- Мы же лупили их!

- Да, но мать и отец, когда я рассказывал им, не верили, думали, что это я заводила в драках.

- И ты,- изумился Мамиш,- настроил на себя анонимку, чтобы поверили?

- Да, я был неопытен. Мать пришла в школу возмущенная, сличили мое письмо с

почерками наших уче-ников и, к ужасу матери и учителя, обнаружили, что почерк мой. Это еще больше ожесточило меня, как ты помнишь, я всю школу лихорадил, пока в один прекрасный день не вышвырнули.

"Неужели это он только что рассказывал об Р? Об от-це? Уйти, уйти..."

- Наш Селим благодарен тебе.

- Какой Селим?

- Ну тот, Селим из Крепости. Отучил ты его, сам он мне признавался.

- Ладно, что мне твой Селим? Я бы на его месте после того позора весь город поджег и сам бы в нем сгорел! Но что вы знаете о чести? В состоянии хоть один из вас подумать о том, чтобы отомстить? И отомстить не какому-то чужаку, а собственному отцу? Нет? Вы на такое неспособны! А я хотел убить отца!

- Стражай, стражай, мне уже не страшно.

- Я хотел подкараулить, когда он от Рены возвращался. Стоял у парадного входа, и нож у меня был с пружиной - подставь и лезвие само войдет. Пока он подходил, все силы у меня иссякли, вся глотка иссохла. А как кашлянул он, душа в пятки ушла. Потом решил избить, маску даже приобрел, чтоб не узнал.

- Как же, хватит у тебя сил!

- Хотел даже тебя с собой взять, чтобы вдвоем.

- Прекрасная сцена: сын и племянник избивают отца и дядю.

- Увы, тебя на такое не подвигнешь. Надо было бы тогда открыться во всем... Но я избрал другую месть! Я был убежден, что Рену прельщают высокий пост и большие доходы. Свалить отца, вот какая у меня была цель. И я стал подкреплять жалобы матери своими анонимками.

- А она знала?

- Кто?

- Мать.

- Ты что, спятил?

- Что же ты писал?

- Не писал, а поливал грязью! Но, увы, поди разбей его крепость козлиными кругляшками! От них и следа не остается.

Но все эти анонимки, а главное, жалобы чуть было не возымели действия. Хасай тогда, исчерпав ресурсы терпения, пошел прямо к Джафару-муэллиму: "Вы меня не ограждаете от потока грязи, устраиваете допросы, вот мое заявление, ухожу". А Джафар-муэллим ему: "Ореол обиженности? Демонстрация? Нет, мы тебя не отпустим! Забирай свое заявление!" Хасай ни в какую. "Если каждый за правильную критику будет устраивать подобные демонстрации...- внушает Джафар Хасаю.- Ты что же, хочешь уйти героем? Не дадим! Мы и тебя заставим работать, и других на твоём примере учить будем! Разреши тебе уйти, черт знает какие фокусы выкинешь! - Хасай притих, но пытит.- Сплетни отметем, факты оставим, будем тебя воспитывать! Да, да! И не таких воспитывали". А о том, сколь наивны были его анонимки, Гюльбала узнал после.

И речь завел Амираслан, отцовский заместитель. Встретились они случайно (такое бывало и раньше. "Мы с тобой ровесники, пойдем друг друга лучше", сказал как-то Амираслан. И эта фраза пришлась Гюльбале по душе, в разговоре с Мамишем он не повторял ее, добавляя при этом, что они еще и братья...) у крепостной стены, рядом с чайханой, уставшие, они присели отдохнуть (чайхана славилась искусным заварщиком чая). Хасай тогда приходил к Рене измотанный и раздражительный после потока жалоб и анонимок, но "хитрая Рена", как об этом однажды сказала Хуснийэ-ханум, еще крепче привязывала к себе его, мол, анонимки и жалобы - дело обычное, прилипнут - отстанут, щеткой ототрем, и Хасай отходил, успокаивался. Рена была единственным прибежищем от невзгод.

- Анонимки - это же целая наука! - говорил Амира-слан, разливая из чайника в грушевидные стаканчики чай цвета петушиного гребешка.- Чудак человек ду-мает: возьму-ка я и оболую другого грязью. И кидает в него не то что камешки, от них больно может стать, а козлиные кругляшки (и это взял Гюльбала на воору-жение от Амираслана). Ты, по-моему, знаешь, что на отца в свое время писали преподленькие анонимки (Гюльбала, кажется, поперхнулся, сахарок поцарапал горло). Я как-то разбирал архив наш, чтобы что надо сдать, а ненужное активировать и сжечь. И попались мне эти анонимки, хохотал до упаду, хотел собрать и на память Хасаю-муэллиму подарить, да нельзя, этика не позволяет. Какой наивный и глупый человек их писал! Хасай, мол, и взяточник, и карьерист, и пьяница, и баб-ник!.. Ну кто всерьез станет обращать внимание на такие банальности? Анонимка - дело подлое, конечно, но наука ох какая хитрющая! Возьми даже твоего отца и моего дорогого начальника. Он прекрасный органи-затор, человек многоопытный, с огромными связями, знающий свое дело и так далее. Согласен? (Еще бы не согласиться сыну, думает Амираслан. Так тебе и пове-рил я, лиса лысая, думает Гюльбала. Но чай вкусен, один пьет маленькими глотками и слушает, а другой ждет, чтоб чай чуть остыл,- горло у него катаральное). Ну, в общем, не мне его тебе расхваливать. Надо соблю-дать чувство меры, не валить на одного все челове-ческие пороки. Надо знать, кому ты пишешь, психоло-гию того, кто прочтет эту твою писанину. Есть люди, которые с первой строчки угадывают, что в корзину, а что в дело. Удивляюсь, как эти анонимки не угодили сразу в корзину. И в каждом обвинении должно быть подобие правды. Это же искусство, точный математи-ческий расчет, ажурная вязь! Надо знать, чего больше всего опасается твой враг.

- Извини меня, Амираслан, ты рассказываешь так, будто сам этим занимался,подколол его Гюльбала.

- Я? Бороться анонимками - это примитивно! Лучше подписывать.

- Чтоб узнали?

- Чудак, не свою фамилию, а чужую! Я же говорю, изучить связи! Знать, кто в данный момент может иметь зуб на твоего врага! Кого он может заподозрить! Тем самым вовлекаешь в игру нового человека! Твой враг непременно пристыдит того, а тот, естественно, бу-дет отпираться. Вчера еще нейтральное лицо становит-ся врагом твоего врага! Но непременно в таких случаях в анонимке должны быть детали, известные именно тому, чья подпись стоит под письмом! Есть, кстати, одна любопытная форма анонимок - автоанонимки! Это когда ты сам пишешь на себя анонимку! Чрезвы-чайно поучительная форма саморекламы! Но об этом как-нибудь в другой раз.- Амираслан пил чай с удо-вольствием. Ему было приятно, что ошарашил Гюльбалу, который ловил каждое его слово с нескрываемым изумлением. "Жаль,- думал Гюльбала,- не встретил-ся ты мне раньше!.."

Круг замкнулся, и Гюльбала снова увидел перед собой Мамиша.

- Осточертело мне все, и отец, и мать, и ты со своей моралью, и собственная жена! Противно. Тошнит от ее вида, от ее ласк, от сладкого ее голоса. От груди ее!

- Зря ты так!

- Не укладывается в твою мораль? Давай еще вы-пьем!

- Ты уже!

- Я? Как стеклышко! Хочешь, продекламирую: "При-вет тебе, привет, источник вдохновенья!" Давай вы-пьем, знаешь, за что? За целесообразную гармонию и гармоническую целесообразность! И можешь ка-титься на все четыре стороны, хоть на север, хоть на юг!

"Шесть минут первого ночи. Отрывки из Моцарта". Это "Маяк".

"А он тебя ждал, ждал..."

И снова истерика: она то затихает, то накапливается, собирается и вдруг как хлынет!.. "Ну что вам стоит? Скажите же, что все это мне снится. Ну что вам стоит?" Но перед этим

крик. Крик Хуснийэ. Такого крика Мамиш не слышал еще. Сначала в оболочке сна, а потом как ощутимо твердое. Отчаянное причитание. Мамиш вскочил и выбежал на балкон - обезумевшая Хуснийэ рвала на себе волосы.

На рассвете, когда солнце только-только появилось из-за моря и окрасило его в багряный цвет, дворничиха, подметавшая улочку в верхней части города, отпрянула, споткнулась о цветочную клумбу - из открытого окна упал человек, плашмя упал на край асфальтового тротуара. Затрещала сломанная ветка, но никто этого не слышал. Дворничиха сидит - ни встать, ни слова сказать не может. Но подошел один, второй, еще. Кто же у него там, дома? Никого? Вывалился, бедняга! Ох, эти пьянки!.. Вопросы были потом. Сначала милиция. Ноющие пронзительные гудки "скорой помощи". Тело еще жило, но разум был уже мертв. Кто был с ним последний? Мамиш! Да, да, это он видел его последним. А что он скажет? Да, был у него, пили, потом разошлись. Не в себе был? Что значит не в себе? С ума не сходил, только много рассказывал. О чем? О само-убийстве? Что вы! Нет, нет, не говорил! Он просто вывалился. Ведь рост какой!.. А окно раскрыто. И ло-жился ведь, и даже спал. И спросонья встал и к окну, чтоб отдышаться... Помнится, он подходил к окну, чуть ли не по пояс высывался. Где жена? Но в какой семье ссор не бывает? С Мамишем говорили вме-сте и врозь, а он сам как в тумане, что тут выяснять? Хуснийэ то ли спрашивает, то ли сама с собой говорит. И снова в забытьи. Приставала ко всем: "Мне это снится? Да? Это неправда?" Соседи окружали кольцом, за-ставляли пить валерьянку. И она снова спрашивала Мамиша: что? о чем? При Хасая молчали, но стоило ему уйти, как Хуснийэ причитала: "Да чтоб ему света божьего не видать со своей Реной! Это он виноват! И его братья! А-а-а-а..."

Из морга привезли домой к матери, а завтра похороны. Хасай купил уже давно себе участок, отгородил высоким, из настоящего белого камня забором. На де-сять могил. "Думал, иду первым я.- Говорил и пла-кал.- Сам первый переселюсь, думал, а оказалось, сын". Даже нечто вроде мавзолея построил, храм - не храм, склеп - не склеп. С минаретом и куполком. Мно-го разговоров было, но что толку? Не разрушать же! По-хоронят Гюльбалу не в склепе, это для Хасая, а рядом. И будет первая могила на семейном участке. Такого Гюльбалу, как в тот вечер, Мамиш раньше не знал. Готовился в дальний путь. Потом отметят, как положено, день третий. И снова в доме Хуснийэ-ханум - там, где родился, а не где жил. И не любил. Же-на это чувствовала. На портрете Гюльбала не похож на себя. Здесь серьезен, а когда говорил, ехидный такой, и теперь: смотрит точно живой, с издевкой. Хуснийэ как-то выступала: "Отсталые обычаи! Иссушают душу на-рода! Третий день, седьмой, каждый четверг!.." Отме-тят день третий. И, посмотрев в глаза вдовы, Мамиш поймет: знала она, догадывалась, "...от ее груди". На нее сразу столько ударов: отец, муж... Держится, моло-дец. Что же ты так, а, Гюльбала? Ничто не скроется, годом раньше, годом позже. И в который раз Хуснийэ смотрит на портрет Гюльбалы, увеличенный кем-то срочно, и пристает к каждому, кто приходит выразить соболезнование: "Мне это снится? Ну скажите же, что все это неправда, что вам стоит?" Будто вся высохла, и слезы находятся, и какая-то сила держит, не дает умереть. И шли, шли люди. Казалось, весь город про-шел в эти дни через их двор: женщины сидели на первом этаже, а мужчины поднимались на второй. То си-дят тихо, молчат, а то вдруг - в мужской половине - заведут обычные разговоры о том о сем. "А я ему: "Мы с твоим отцом..." - "Слышали? Сняли! Да еще как!.." - "Не сегодня завтра... Дни его сочтены... А что врачи? Только диплом!.." - "...Но на его место надо другого, а людей откуда возьмешь? Вот и земляков своих вынужден..." Разговоры, разговоры, и все реже по-минали Гюльбалу. А Хасай на седьмой день уже улыб-нется! Даже улыбнется! Как не улыбнуться, если смеш-ные анекдоты сочиняют! Нескончаем людской поток, нескончаем.

Суд родных, суд свой, суд официальный. Первый бесцельный, потому что всего не расскажешь, что знаешь, третий для папки, так положено, надо вы-яснить: убийство? самоубийство? несчастный случай?

нет! нет!

- Конечно же... Да, да, несчастный. От своего не уйдешь, оставив, как ящерица, кожу. Хасай ночевал у Хуснийэ: оставлять одну опасно. Ноче-вали здесь и жены Гейбата и Аги.

"Неправда это!" - вдруг кричала Хуснийэ. И крик про-никал к Мамишу, и спать страшно, невозможно.

Мамиш и не предполагал, что следователь давно, мо-жет, о том и мечтал, чтобы увидеть наконец Мамиша, поговорить с ним не для протокола, а так, по душам, начистоту. И что следователь, звали его Саттар, знает нечто такое о Хасae и о Бахтияровых, о чем и понятия не имеет Мамиш.

Можно даже сказать, что именно Хасай, но не прямо, а косвенно, стал причиной выбора Саттаром профессии. Но он - лицо не частное и вызвал Мамиша по вполне определенному делу, и не дозволено ни словом, ни на-меком выразить свое пристрастие к семье Бахтияровых, дабы не отстранили тебя от расследования. У каждого ведь есть тот неожиданно случайный день в жизни, который оказывается вдруг поворотным в судьбе. Сидишь, с увлечением решаешь сложную ма-тематическую задачу, и вдруг приходит друг, показывает тебе стихи, вот, мол, какой интересный сочинитель объявился по соседству! Тебя за живое задевает вос-торг друга, ревность вспыхивает в тебе, и ты, сам того, может, не желая, говоришь: "Ну, это пустяки, я тоже так могу!" Бросаешь задачу, и, пока друг знакомится с ее условиями, в тебе неожиданно рождается нечто, ты сочинишь двустихие-экспромт, причем сразу два, шуточную пародию на друга, будто он зеленая завязь на инжировом дереве, переиначивая то ли читанное, то ли слышанное. И рифмы есть, и мысль высекается, и самому удивительно, и другу. Ты снова кумир, ты снова первый, и прости-прощай биномы, или погиб ты, про-паций человек, или вознесся, сжигая себя и обжигая публику, или и то, и другое вместе. Нечто подобное случилось и с Саттаром, у которого и в мыслях не было стать юристом, он и слова такого не знал, когда у них по соседству поселилась семья братьев-ев-близнецов. Саттар горевал, потому что с братьями поменялся, отдав две маленькие смежные комнаты, их сосед, человек одинокий, тихий, дядя Христофор, как называл его Саттар, или Колумб, как называл отец. Христофор, пристрастивший мальчика к шахматам и научивший его матовать голого короля королем и ладь-ей, подарил Саттару пропахшие табаком шахматные фигурки в картонной коробке и раскладную бумажную доску с изображенными в клетках шахматными чем-пионами мира и знаменитыми гроссмейстерами и уехал поближе к своей сестре, у которой недавно умер муж, оставив ее с годовалой дочкой.

О том, что новые соседи братья-близнецы, Саттар узнал позже: один из братьев, седой и женатый, казался стар-ше. Общая галерея была небольшая - они да эти братья. Мать Саттара в отличие от отца отнеслась к жильцам с участием, и Саттар вскоре понял причину этой материнской жалости и отцовской настороженно-сти: отец, как однажды невольно подслушал Саттар, боялся за него же, за сына, ведь один из братьев слаб умом. Но братья жили здесь недолго. Вскоре им дали отдельную квартиру в новом доме, выстроенном на-против: у седого, Ильдрыма, родились, надо же такое, тоже близнецы. Мать Саттара отвезла роженицу в боль-ницу, потом примчался туда и Ильдрим. Тут же им сообщили, что родились два крепыша-близнеца. Мать Саттара расплылась в улыбке, кинулась было поздрав-лять молодого отца с такой редкой удачей, но ее будто Кипятком облили - лицо Ильдрыма при этом известии стало белым, как мел... Отцу Саттара пришлось, когда те вернулись из больницы и жена рассказала о случив-шемся, пригласить молодого отца, посадить его рядом и успокоить: природа не обязательно должна повторить их судьбу в судьбе новорожденных. До поздней ночи сидели тогда с Ильдримом отец и мать Саттара. Стра-хи, как потом оказалось, были напрасными - дети ра-стут, вполне нормальными, только один флегматик, а другой взрывчат, как холерик. С тех пор много раз сменялись в родном городе Саттара времена года. Были зимы буранные, с большими снегопадами, и Саттару приходилось, прилетая из

Москвы, где он учил-ся, на каникулы в Баку, чистить дорогу с аэродрома в город; чистить от снежных сугробов небывалой высо-ты; были лета странно холодные, будто и не июль во-все, когда от жары прежде, бывало, плавился асфальт, а московская осень. И Саттар стал работать старшим инспектором уголовного розыска в районной милиции, неподалеку от углового дома, где жили Бахтияровы, о которых он так много слышал, в том числе историю в тот памятный вечер, поразившую его, историю о Хасая и Дэли Идрисе.

Разошлись пути-дороги с одноклассниками, однокурс-никами, сверстниками; кто-то позабыт начисто, даже имени не помнишь, другой очень высоко поднялся и не дотянешься, а случится заговорить, и не поймешь, верить ему на слово или нет, третий и вовсе забросил юриспруденцию, на ином поприще действует. Но все пока на подступах к ключевым позициям. Для поко-ления Саттара время еще не подоспело, они где-то ме-жду тридцатью и сорока годами; пройдет пять-шесть лет - и кто знает, кто где окажется. Жмет, жмет поколение, накапливает силы для прыжка; бесспорно, и мини-стры будут, и повыше кто пойдет. Как-то случайно встретился с одноклассниками. Один, оказывается, уже лауреат, как это он пропустил в газете, за автоматиза-цию нефтедобычи получил. Но лишь Амираслан, пожа-луй, подает пока надежды на взлет; разговор о том о сем, и, к изумлению своему, Саттар узнал, что Амира-слан, оказывается, в замах у Хасая ходит, чуть ли не всем городским транспортом ведает, артерию в руках держит. И всего добился без помощи именитого мужа сестры - Джафара-муэллима. Пока Саттар в Москве учился, Амираслан "биографию делал" - к удивлению сестры и с одобрения зятя, пошел рабочим на вагоно-ремонтный завод, вступил там кандидатом в члены партии; работая, учился, и в выборе специальности" может быть, сказался, как бы тешил себя Саттар, и его совет; но Амираслан и без него решил, что юриспруден-ция - основа основ знаний; учился заочно и вскоре получил диплом; и армия была обойдена ("Между на-ми, это же потерянное время!" - сказал он сестре, но так, чтобы слышал и зять; тот хотел было снять очки, выйти к ним и возразить, но миг был упущен и он мах-нул рукой - связываться с ними, тем более спорить не было ни сил, ни желания, выпадал редкий день, когда можно отдохнуть); член партии, и работа тут же, на вагоноремонтном заводе: юрисконсульт по трудовым спорам; облысел спереди чуть ли не до макушки, за-щищая интересы рабочих, обострил отношения с на-чалством и в один прекрасный день, года через три, совершил свой оригинальный рейд к Хасая и выслу-шал затем его нотации: "Жена есть... дети есть..." Но об этом в свое время.

Так вот, случилась беда, какая бывала в большой прак-тике Саттара не раз, и он взялся за расследование: тот-час выехал на место происшествия, определил и заак-тировал смертельный исход; затем осмотр квартиры, комнаты, подоконника; экспертиза: не было ли умыш-ленного убийства? степень опьянения? временные параметры - выпадения и клинической смерти; и не-медленные допросы; Мамиш был третьим, после Хуснийэ-ханум, к которой Саттар отправился тут же, и жены, увы, уже вдовы, Гюльбалы.

Пришел в угловой дом, но там толпилось столько на-роду и так причитала Хуснийэ-ханум, что потолкался и ушел, понимая еще до прихода сюда бессмысленность своего визита. Уходя, встретился глазами с Мамишем. Тот, глядя на человека в милицейской форме, с капи-танскими погонами, решил, что это из знакомых Хасая или Гюльбалы. "Как будто нельзя в штатском!.." А ко-гда кто-то из соседей шепнул: "Следователь",- Мамиш невольно подался вперед. Следователя поразил по-дет-ски страдальческий взгляд Мамиша, так не соответст-вовавший его росту и широким плечам, и он тихо, как и пришел, спустился по лестнице и вышел, выбираясь из толпы, на улицу. Пройдет третий день, решил сле-дователь, самый пик траура, тогда можно будет прийти снова. И уже зная данные экспертизы. От Хуснийэ-ханум лишь то и узнал Саттар, что именно Мамиш накануне несчастного случая виделся с Гюльбалой, почти всю ночь сидел у него. "Они же как братья были, самые близкие, где же ты, Мамиш, почему не расскажешь, отчего погиб мой сын? Иди же, где ты?.." А

Мамиш стоял неподалеку, дойдет очередь и до Мамиша, Саттар знал Хуснийэ-ханум как активист-ку района, но не был знаком с нею и даже недавно встречал ее как-то на "улице и, приблизительно пред-ставляя ее возраст, подивился ее совсем молодому об-лику: шла она быстро и решительно, одетая не броско, но нарядно, гладко причесанная, с гордо посаженной головой. А тут перед ним женщина с дряблыми щека-ми, старая-престарая, с распущенными седыми волоса-ми; сквозь выкрики, причитания и вопли, от которых у Саттара по спине пробегали мурашки и холодела ма-кушка, нетрудно было и неследователю понять, сколь велика ее ненависть и к Хасаю, и к его второй жене, имя которой не сходило с уст Хуснийэ-ханум в минуты, когда рыдания на миг оставляли ее. "Убили, убили моего сына,- кричала она.- Оставили меня одну перед этой бандой! На кого мне теперь положиться на старо-сти лет? Накажите убийц,- умоляла она, и тут же в голосе ее угроза: - Я этого так не оставлю, я накажу преступную шайку! Они убили моего единственного, моего родного, моего мальчика ненаглядного!..- И сле-зы, такие горячие, такие обжигающие, текли и текли из ее воспаленных глаз.- Где же Мамиш, куда он дел-ся? Вы у него спросите, он все-все знает!.." Потом жена-вдова Гюльбалы.

Так вот она чья дочь!.. У нее свое горе, не меньшее потрясение, чем это.

"Странно,- думал Саттар,- но Хуснийэ-ханум ни ра-зу не вспомнила о невестке, будто и не женат был сын, хотя именно жена Гюльбалы и должна была ночью быть дома и о ней в первую очередь и следовало ска-зать".

- А я ему не нужна была вовсе. Он другую любил.

- Кого?

- Это вы узнайте сами.

- Может, вам кажется?

- Ну, да, вы мужчина, женщина-следователь об этом бы не спросила.

- А сами-то вы знаете, кого именно любил, или толь-ко догадывались?

- Я видела, что не нужна ему, а он же мужчина, он не может без женщины.

Она оперировала двумя категориями - женщины и мужчины.

Вот и Мамиш. Он сидит напротив Саттара, и Саттару отчего-то симпатичен этот парень; может, это чувство обманчиво, кто знает? Но как вызвать его на откровен-ный разговор?

Надо же, оба они почти ровесники, одно поколение, у каждого за плечами жизнь, о которой можно рассказы-вать, вспоминая забавные истории, сидя за чашкой ко-фе или, если Мамиш играет в шахматы, за шахматной доской. Глядеть с балкона на огни родного им обоим города, который разросся, раскинулся, ах как похоро-шел, чистый и нарядный, потом выйти к бульвару, к бухте, похожей на серп, побродить по знакомым до боли улицам детства, вспоминая, а что же было здесь прежде, ведь изменился, очень изменился родной го-род!.. Как жаль, что вебти им иные речи, когда один спрашивает, доискиваясь истины,- ведь надо же! Случилось такое!.. - а другой, да еще в шоковом состоянии, когда погиб близкий друг, должен отве-чать, поведать самое сокровенное незнакомому че-ловеку.

Но именно здесь, сидя у следователя, у которого ум-ные, добрые и понимающие глаза (обидно, что именно при таких трагических обстоятельствах они встрети-лись!), Мамиш вдруг вспомнил то, чему не придавал осо-бого значения в ту ночь, когда возвращался от Гюльбалы; потому, видимо, не придавал, что факты были ошеломляющие, а это лишь слова. И вспомнил, кажет-ся, оттого (Мамиш был как в тумане, и верил, и не ве-рил случившемуся, и никак не мог отогнать от себя крик Хуснийэ, который разбудил его; это было дня два или три назад, но такие длинные и длинные дни, никак не кончатся...), что следователь задал ему вопрос: "Не было ли у него разлада между жизнью, которой он жил, и тем, что он думал?"

- Надо хоть раз в жизни,- сказал Гюльбала в ту ночь Мамишу,- каждому из нас суметь

ответить самому себе: зачем ты приходил в этот мир?

- И что бы ты ответил?

- Я бы сказал так: друзья мои, перед вами человек, который думал одно, говорил другое, а поступал по-третьему. И вот что удивительно: он всеми считался нормальным и, в сущности, был им. Но это что?! Па-радокс состоит в том, что, говори он, что думает, и поступай, как говорит и думает, ой что было бы на свете! Какой бы переполох и тарарам начался! "Хватай! - кричали бы.- Гони его в шею!" Это в худшем случае, а в лучшем все бы сочли его ненормальным или чудако-ватым, которого в приличный дом и пускать нельзя, избегай и сторонись!..

- Ты говоришь страшные вещи!

- Но зато чистую правду.

- Правду ли?

- Послушай, перестань лгать! Признайся хоть раз в жизни, что я говорю правду! И признайся, что не один я такой!.. Нет, нет, тебя я не имею в виду, не волнуй-ся!.. И почему я такой? Как же я дожил до такого? Неужели все это говорил ему Гюльбала? Не присни-лось же Мамишу! Каждое слово Гюльбалы врезалось в память, и не вышибешь оттуда. Но как ясно говорил он; Гюльбала вообще-то иногда излагал свои мысли с железной логикой, это у него с детства; Селиму-то он доказал, что тот для блатного мира не человек! И по-лучил право по законам того же мира делать с ним все что вздумается.

Но следователь, задав свой вопрос и видя, что Мамиш молчит, и непонятно, думает он, как ответить, или ско-ван, подавлен случившимся, добавил:

- Это не для протокола, мне хочется, чтобы вы об-рисовали его как человека. Вы, именно вы можете осветить причину гибели Гюльбалы.

а вы с Хасаем поговорите! с Р!

- Не мне вас учить, дорогой Мамед, что это очень и очень важно. И не только для меня, но и для вас, для всех нас! Идет борьба, идет по всем направлени-ям, сверху донизу, вы же видите сами. Надо понять, очень многое надо понять нам, и смерть Гюльба-лы... Неужели вы думаете, что это несчастный слу-чай?

- да, вы правы, это самоубийство!

- вот! я так и думал! я был убежден, что это именно самоубийство! и именно это я хотел от вас услышать! так и запишем!., "а чего ты радуешься?!"

- а теперь давайте по порядку: что толкну-ло? на основании каких его слов вы так счита-ете? каков характер разлада? личный? се-мейный? общественный? гражданский?., дай-те нам веские доводы!

"ах тебе веские доводы!., вот ты какой ока-зался!.."

- как вы сказали? "говорит одно, думает дру-гое, поступает по-третьему?" ну и ну!., может, на магнитофон запишем, а?

- что ж, записывайте! все записывайте! я вам такое порасскажу!., такое!., он... в глазах у следователя снова блеснула колкая улыбка. Мамиш осекся, бездна слов. люди, ли-ца, маски, гримасы, ужасы, шарахаются, как от огнедышащего дива, поедающего своих детей, смотрит и Гюльбала: "ну, давай строчи!.. чего же ты умолк, валяй, выпотрошись!.."

- идите-ка вы знаете куда!

- тогда остается предположить, что именно вы, да, да, вы, когда он высунулся из окна, помогли, так сказать!

кулак Мамиша ударился о скулу следовате-ля, а потом в него полетело все, что подвернулось под руку, кажется, как это всегда случается, пресс-папье.

Мамиш вздрогнул. Гюльбала говорил только ему. И никого рядом... Подло!..

- Извините, я думаю, что это именно несчастный случай. Не было у Гюльбалы никаких

причин выбра-сываться из окна. Есть много иных способов кончать жизнь, и этот не самый надежный, можно остаться в живых, искалечиться на всю жизнь.

- Но как вы объясните его частые перемены работы? Эти бесконечные уходы по собственному желанию, причем иногда с очень перспективной, увольнения? Ни-как не скажешь, что все шло у него гладко. Ни трений, ни серьезных недовольств. Это очень важно, поймите, Мамед!

- Недовольства были... Но они так мелки, что из-за них вряд ли надо было обрывать жизнь. мелки?! ну-ну, выкладывай!

- Ну, а все же. Каков был он как социальная личность? Взгляды его на жизнь? Его гражданский облик, а?

- вот-вот! немедленно изложу!., эх вы, не там ищите, следовательно!

-?!

- а может, и там, не знаю.

- Представьте себе, он был озабочен будущим Мор-ского больше, чем собственными невзгодами.

- В каком смысле?

- Захламили, говорит, прекрасное наше море тон-нами ржавого металла, сгубили и море, и рыбу, и никому нет дела до завтрашнего дня.

- А вы? Что же вы ему ответили?

- Я ему нарисовал картину будущего, когда на Мор-ском иссякнет нефть. Сказал, что здесь будет не груда ржавого металла, а музей-пляж.

- А нефтяные загрязнения как?

- И он мне об этом. А я тут же сочинил о проекте моментальной очистки моря от нефтяной пленки. Мол, целый институт разрабатывает. И просто, и никаких затрат - водят, как прожектором, по поверхности моря особым лучом, и пленки как не бывало. И рыба плодится на славу: загорай, дыши, ешь осетрину на вер-теле!

- И он поверил вашему розовому будущему?

- Почему бы и нет?

- А на самом деле как? Что вы сами думаете о буду-щем вашего Морского?

- Я же рассказал вам.

- И никаких пятен?

- Металл-то ржавеет, говорит мне Гюльбала. Увы, говорю ему, с этим трудно бороться. Но не вся труба ржавеет! То, что под водой, и то, что над водой, убе-речь еще можно, но беда в том, что ржавеет та часть, которая постоянно на стыке воды и воздуха. Отлив - высыхает, прилив - мокнет. Но кто придумает лучи, тому нетрудно и эту задачу решить.

- Я слышал о вас двестише-экспромт.

- И это вы знаете... Просто мое имя легко в рифму ложится, вот и сочинили.

- Вы сказали о невзгодах. Не зря ведь он вас ждал! Может, крах тестя?

- Не думаю.

- Я заметил, что жена Гюльбалы не очень горевала.

- Ей своего горя достаточно.

- Может, разрыв отца и матери? Он, кажется, под-держивал сторону матери.

- и писал на отца анонимки!

-?!

- даже убить его хотел!

-П

- И в то же время был дружен с новой семьей отца, очень был привязан к... как ее зовут? Рена, кажется.

- Это вы спрашиваете или утверждаете?

- Как я могу утверждать?
- Тогда спросите об этом у них самих - у Хасая и его молодой жены.
- Я и собираюсь. Кстати, могу позвонить при вас, знаете телефон Хасая?
- А он в вашей книжечке.

- Мне Хасая Гюльбалаевича... Следователь Саттар Макинский... Не Бакинский, а Макинский, от слова Ма-ку, деревня есть такая... Записывайте, буду ждать. Хасай занят, как освободится, немедленно позвонит сам. И очень скоро. И все же. Вы считаете, что можно под-держивать сторону матери и в то же время дружить с новой женой отца!

- А вы непременно повидаетесь с Реной.
  - Идеал женщины и человека?
  - Как же! Неземное создание! Сама красота!
- ждет и не дождется, она вас!

Мамиш то замкнут, то серьезен, то иронизирует. И не поймешь, где он настоящий.

И тут позвонил Хасай. Телефонный разговор получился кратким: Хасай не приедет, он пошлет машину за следователем, Саттаром-муэллимом, как почтительно назвал его Хасай, и привезут его к ним. Следователь мог настоять на своем, но не стал. Пусть будет, как хо-чет того Хасай.

Итог разговора с Мамишем уместился в несколько фраз, но в душе Саттара осадок недоговоренности - Мамиш ускользал и даже его твердый ответ на глав-ный вопрос - несчастный случай - показался Саттару неискренним. Придется вернуться к Мамишу, когда замкнется круг.

Хасай провел Саттара в дальнюю комнату, и первое, что увидел Саттар, это словно вымершую квартиру и большие серо-черные круги под глазами у Хасая. Весь его облик - безутешное горе: и огрубевший от слез го-лос, и влажно-грустный взгляд, и седая щетина на не-бритых щеках.

- Да, да,- говорил Хасай, избегая взгляда Саттара и будто стыдясь своей слабости, - это мы сами виноваты, нас и судить мало, не удержали, не уберегли нашего Гюльбалу. Раздражительным он стал, а мы, ай какие мы жестокие, не люди, а звери, дразнили его, масло ему в огонь лили и лили... Как вспоминаю нашу последнюю с ним встречу вот здесь, у меня в квартире, редкий, прекрасный вечер был, сидели всей семьей, всем родом, и братья мои, и дети моих братьев, Мамиш, племянник мой, а Гюльбала... Что ни слово, раздражается, а мы его отовсюду пинком, загнали колкостями своими, как измывались, а нам бы ласково с ним, мне, старому ду-раку, извините, стукнуть бы кулаком по столу, за-ткнуть всем рты, обнять Гюльбалу... Так нет же, со всех сторон на него набросились, он нам раз, а мы ему сто, взвинчивали и взвинчивали его. Пил, а отчего, почему, не задумались, не спросили... Очень много пил он в последнее время, и в ту ночь они с Мамишем тоже пили, и в семье нелады, прогнал жену.

- Но он был трезв,- перебил его Саттар,- когда (поискал, как сказать) случилось несчастье.

- То есть? - не понял Хасай.- Но Мамиш с ним в ту ночь пил!

Это уже говорил другой Хасай.

- Мамиш да, пил, но Гюльбала не притронулся к напиткам.
- Значит, пил до прихода Мамиша, какая разница?
- Экспертиза показала, Хасай Гюльбалаевич, что Гюльбала в момент смерти был трезв.

- Что вы хотите этим сказать? - насторожился Ха-сай.- Как бы то ни было, но Гюльбала не мог решиться на такое. Я, как отец, чистосердечно делюсь с вами сво-ими сомнениями, своей болью, и, учтите, не для прото-кола вовсе, а говорю вам, как сыну. Я не исключаю раздраженности, некоторого затмения, сами помните, какая духота была в ту ночь... Мамиш,

думаю, сказал вам, что те разговоры, которые они вели, вряд ли дают нам повод прийти к иным толкованиям того несчастья, которое свалилось нам на голову. И не надо беречь раны ни матери его, ни мне, ни кому бы то ни было. Саттар слышал шорох и, повернувшись, увидел "в полутьме коридора ослепительно белое женское лицо. Коридор будто засветился. Саттар поклялся бы, что он впервые видит такое белое-белое лицо, как лунный серп. Оно так же незаметно, как появилось, исчезло, и комната, где уже сгущались сумерки и они сидели, не зажигая света, вдруг погрузилась во тьму.

- Мне надо, если позволите, поговорить и с Реной-ханум, так, кажется, зовут вашу супругу?

- А это к чему? - Хасай чувствовал, что еле сдерживает себя.- Прошу ее к этому делу...- Но понял, что следователь вправе, не спрашивая позволения, говорить с Реной, резко встал и, с шумом отодвинув стул, позвал Рену.

Та, войдя, тут же зажгла свет, и Саттар, как только она посмотрела на него, встал, волнуясь, поздоровался, буд-то чувствуя вину за то, что беспокоит столь хрупкое существо, которому и свет-то электрический причиняет боль.

- Я только хотел бы,- глядя не на нее, а на Хасая, проговорил Саттар, задать вам единственный вопрос.

Хасай с подчеркнутой обидой вышел, оставив их наедине.

- Скажите,- все еще находясь под впечатлением удивительного ее появления в полутьме коридора, спросил Саттар,- вы были дружны с Гюльбалой? О, наивный вопрос!.. Рена вздрогнула, как показалось Саттару, и ему стало жаль ее. Рену от страха и впрямь била мелкая дрожь.

- Простите, я еще не все осознала, так ужасно, что Гюльбала погиб, извините меня.

- Ну что вы, это вы меня извините, если вам трудно, можете не отвечать мне, пожалуйста. Этот короткий разговор двух людей, извиняющихся один перед другим, стал причиной неуправляемого раздражения Хасая, и он, как только Саттар ушел, искренне подавленный состоянием Рены и пораженный ее чуткостью, тут же позвонил домой к Джафару, что делал последнее время редко, и, чуть не плача, стал умолять его заставить этого Макинского больше не терзать и без того подавленных горем Бахтияровых. И Джафар-муэллим на следующий день 'позвонил, хотя и без особой охоты. "Что вы тянете, Саттар Исмаилович,- как можно спокойнее, но твердо, мол, я не люблю, когда меня слушают, сказал Джафар.- Я понимаю, это ваш долг, но дело ведь, по-моему, ясное". Джафар, правда, вовсе не хотел оказывать нажим на следователя и, честно говоря, был бы рад, если бы следователь, пусть не дерзко, но все же вполне определенно, возразил бы ему, мол, что вы, Джафар-муэллим, я никак не могу этого дела оставить, не завершив.

Но следователь выслушал его почти молча, сказал что-то невнятное, мол, дело идет к концу, можно сказать, завершено даже, потому что все показания собраны. И это согласие следователя огорчило Джафара, погрузило его в грустные думы об уступчивости, небоевитости идущего вслед им молодого поколения. Но Саттар вовсе не намеревался ставить точку. Предстояла вторая встреча с Мамишем... Он повесил трубку, и тут же новый звонок. Амираслан.

- Амираслан?! - и сразу после разговора с Джафаром-муэллимом.

- Поверь мне, клянусь, это чистая случайность,- сказал Амираслан, и сам удивленный таким совпадением, разумеется, никакой договоренности с Джафаром-муэллимом у него не было, хотя позвонил он именно по делу Хасая и собирался воздействовать на Саттара, брось, мол, старика мучить.- При чем тут Хасай?! Давно лица твоего не видел, стал забывать, как ты выглядишь, не мешало бы и тебе на меня взглянуть.

Заехал за Саттаром, повез его по душам поговорить в привокзальный ресторан.

- Кстати о Хасая,- Амираслан потом, когда они уйдут, удивит Саттара, сказав ему, что

встречал их в ре-сторане и проводил в укромную, на двоих, прохладную кабину родной брат Хасая.- Старик совсем плох, как бы не слег, у него ведь был недавно почти инфаркт. Разве не знал? Прекрасный человек, только с одним крупным пороком, хотя смотря как взглянуть: порок это или признак жизнелюбия. Ни одну бабу не пропу-стит, страсть как их любит.

Ехал как-то Хасай из микрорайона на работу и не ус-пел завернуть за угол, как тут же на повороте "про-голосовала" девушка в ярко-синем брючном костюме и с длинными распущенными волосами. Хасай, хоть и спешил на работу и не имел привычки сбавлять ско-рость, остановился. "Куда так рано спешит красави-ца?"спросил он, открывая дверцу и приглашая сесть. Им оказалось по пути. Девушку звали Нигяр. Услышав ее имя, Хасай даже пропел строчку из популярной пес-ни: "Полюбил я тебя, полюбил, о, моя Нигяр!.." Она улыбнулась, и улыбка шла к ее широкоскулому лицу с чуть раскосыми глазами. И это покорило незащищен-ное сердце Хасая. Ехала она в тот же дом, куда и Ха-сай, в Министерстве культуры ей обещали помочь устроиться на телевидение. Прощаясь, Хасай сказал Нигяр:

"Если не помогут, приходите ко мне, я вас устрою". И она пришла. И он, как обещал, устроил... Они изредка виделись. А когда старшая сестра Нигяр уехала в от-пуск, Хасай впервые пришел к ней домой. Сегодня утром Нигяр решила, что пора действовать: хватит им встречаться по углам, она хочет стать закон-ной женой Хасая.

Хасай обещал Рене быть дома в шесть. И погода не-ожиданно испортилась: до полудня небо было чистое, а теперь ветер-чабан гнал и гнал с севера тучные стада, и низкие облака казались особенно зловещими здесь, в микрорайоне. И телефон молчал. Погасила в комнате свет, чтобы лучше видеть улицу. И дождалась: вот она, голубая "Волга"! "Октай, отец приехал!"- крикнула. Рена быстро пошла на кухню разогревать обед, но ко-гда снова выглянула в окно, машины на месте не оказалось. Но вскоре опять затормозила под окнами. Ха-сай не выходил из машины и не выключал мотор, зад-ний красный свет таял в молочном дыму. "Машаллах,- позвала Рена племянника Хасая, он привез им два крупных арбуза,- спустишь, узнай, что там с дя-дей!" Машаллах выскочил, и в это время Рена увиде-ла, как Хасай с трудом вылез из машины и, не при-крыв дверцу, шатаясь, неуверенно пошел к дому. "Вы-пил?" Но Хасай давно не напивался допьяна. Что же с ним? Машаллах подбежал к дяде, потом сел в машину и поехал. Рена взгляделась и увидела в машине жен-щину. И тут открылась входная дверь, Хасай зашел в квартиру и, шатаясь, вытянув руки, направился к Рене, у которой от обиды на глазах выступили слезы. "Как тебе не стыдно!" "Рена, мне плохо!" "Меньше бы пил!"

"Рена, я не пил, мне плохо! ""И обнял ее, а она несильно оттолкнула его, и он, к ужасу Рены, вдруг, как куль, свалился на ковер. Рена вскрикнула, бросилась к Хасаю, быстро расстегнула ему воротник, сняла галстук. Хасай учащенно дышал, лицо было мертвенно-блед-ным. Рена тотчас позвонила маме: "Вызови нам "скорую помощь" и сама немедленно приезжай, Хасаю плохо!" Октай сидел возле отца.

Появился Машаллах. И они вместе с Реной, осторож-но подняв, уложили Хасая. Пришла и Варвара-ханум. А вскоре приехала "скорая помощь". И в это время по-звонил телефон. Варвара-ханум приоткрыла дверь в комнату, где были врачи и Хасай, и взяла трубку; Жен-ский голос спрашивал Хасая. "Он подойти не может,тихо сказала Варвара-ханум.- Он болен". И положи-ла трубку. Телефон зазвонил еще, женский голос на-стойчиво требовал Хасая. Женщина кричала так, что Машаллах понял, что это та, везти которую поручил ему Хасай. "Я же вам сказала,- все так же тихо про-шептала в трубку Варвара-ханум,- Хасай Гюльбалаевич болен".- "Не говорите неправду! Я только что была с ним!" Не отвечая, Варвара-ханум повесила труб-ку. Телефон тут же зазвонил опять, и не успела Варва-ра-ханум приставить трубку к уху, как та сказала: "Я вчера была с ним, сегодня..." Голос кричал в труб-ку, и Варвара-ханум, к изумлению Машаллах, неожи-данно басом сказала:

"Иди ты!.." - громко стукнула трубкой по аппарату.

А в машине случилось вот что. Нигяр-ханум пристала к Хасаю, что называется, с ножом к горлу: "Мы сейчас пойдем с тобой к Рене, - это когда они сидели в маши-не, - и ты ей скажешь, что мы муж и жена!" А за час до этого Хасай здесь же, в микрорайоне, в квартире сестры Нигяр, куда она его пригласила, выпил крепкий кофе с рюмкой коньяку и почувствовал легкое голово-кружение, закололо в сердце. "Сейчас поедem и ты ска-жешь!.." В машине Хасаю стало плохо, и он вовсе пе-рестал слушать, что говорит Нигяр, решил, что надо немедленно ехать домой, и ему стало безразлично, си-дит ли кто-либо в машине или нет. Нигяр подумала, что Хасай притворяется, и отступила: "Тогда вези меня домой!" Хасай чувствовал, что с ним происходит что-то неладное, руки его не слушались, но он поехал. На по-вороте машина запетляла, к счастью, аварии не случи-лось, свисток милиционера сработал мгновенно, и Хасай остановился. Подбежал регулировщик. Он узнал Хасая. Хасай дал ему десятку и тихо сказал: "Мне плохо, пе-рекрой движение, хочу завернуть к своему дому!.." Ми-лиционер задержал машины, чтобы дать Хасаю возмож-ность развернуться. Хасай не помнил, как довел маши-ну до дому, открыл дверцу, вышел. Нигяр оказалась той недозволенной нагрузкой, которую не выдержало сердце. Она еще несколько раз пыталась предъявить свои права на Хасая, но после разговора с Гейбатом, ко-торому Хасай поручил "уладить дело", больше ни разу не набрала его номер телефона. К счастью, до инфаркта не дошло и Хасай вскоре оправился.

- Так что брось, не бери грех на душу, пусть другой наносит последний удар.

- Признайся, шефа своего решил выручить?

- Возможно, но, поверь мне, чихать я хотел и на Ха-сая, и даже на Джафара-муэллима.

Меня волнует со-всем другое...

Но прежде чем узнать, что же волнует Амираслана и почему он не так уж заинтересован в том, чтобы исто-рия с Гюльбалой затянулась, послушаем о нем. Амираслан самый младший в семье (разница в возра-сте между первой, Сеярой, и им была большая - два-дцать лет; Сеяра даже корила мать, когда та Амира-слана носила: "Стыдно ведь!"), воспитывался, как по-шел в школу, у Сеяры; у них с Джафаром своих детей не было и они привязались к Амираслану, как к сыну. К тому времени, когда Амираслан стал задумы-ваться о женитьбе, у него сложились житейские принци-пы, которые он сформулировал и которым пытался следовать; тут и "необходимость делать биографию", и связи, прямые и косвенные, и умение играть на слабо-стях сильных мира сего, и теория смелости и риска. "На-до, чтобы биография была чистая, как окна, вымытые перед весенним праздником новруз-байрам"; теория трамплинов - двигаться не постепенно, не эволюционно, а скачкообразно, прыжками; или уходить в сторо-ну, обходить преграду, чтобы затем неожиданно ока-заться намного впереди; добиться должности, чтоб иметь возможность делать добро - реальное, весомое, осязаемое. Для Амираслана праздник, когда звонят ему с просьбой о транспорте, а транспорт нужен всем: тут и похороны, и свадьбы, тут и всякие переезды-пере-движки - город ведь большой, народ в постоянном дви-жении... Упустишь момент и застрянешь навсегда; надо перескочить - и вверх; времени в обрез, но нельзя и спешить!.. Пытался как-то пойти на откровенный раз-говор с Джафаром-муэллимом, хотя знал, что тот помо-гать не любит, а возьмется помочь, испортит дело, что-нибудь непременно будет не так. "Выдвини моего на-чальника", - говорит ему Амираслан, имея в виду Ха-сая, а заодно и себя.

А Джафар-муэллим, как это с ним часто случается, будто и не слышит, смотрит отсутствующим взглядом, в котором порой мелькает нечто, похожее на удивле-ние: очень знакомое лицо у собеседника, где-то он его видел, а где, вспомнить не может... Амираслан развернул бурную общественную деятельность; избрали в профком; важно, чтоб начали склонять по-хорошему твое имя; он член жилищной комиссии, он в товарище-ском суде; и везде слышен его голос; затем избрали в партком; Амираслан дельный, быстро схватывает

суть предложений и дает четкие формулировки постановлений, обтекаемо, гладко и конкретно, свежо и в рамках общеизвестного, и критика есть, и в меру самокритично, удовлетворен и тот, кто предложил, и тот, кому адресовано; сказались и образование и "хобби" Амираслана; на районной конференции, куда его тоже избрали, остро выступил по наиболее важному вопросу о сфере обслуживания, "толкнул", как потом делился с Сеярой успехом, "патетическую речугу" о высоком звании бакинца; и волна новых веяний вынесла его на своем гребне на городскую конференцию. "Ты совсем перестал работать",- упрекнул его как-то Хасай. "Ревнует!- подумал Амираслан.- Или за место свое боится!" Хасай понял и шутиливо добавил: "Смотри, пожалуйста Джафару-муэллиму!.." А потом неловко ему было, что зря одернул: рассказали, как Амираслан защитил его на днях в горкоме. Инструктор намекнул тому: "Может, на место Хасая, а?" Неясно было, мысль эта сверху идет или сам додумался, причем в комнате были еще люди, насто-рожились: "А ну, посмотрим, как ты среагируешь?!" Амираслан спокойно, но твердо стал защищать Хасая и защитил, и свое благородство продемонстрировал: лишен, дескать, карьеристских побуждений. Но это после.

Так вот, пользуясь афоризмами Амираслана, тогда не-сколько наивными, потому что это было время, когда они только-только рождались-"Женитьба - на век, любовь - на миг",- Амираслан, решив жениться, составил "картотеку невест"; потом на основе картотеки возникла схема должностных и семейных связей, кото-рая затем обновлялась, разветвлялась и уточнялась; появлялись новые линии, обрывались исчерпавшие себя...

Захватывающее занятие!.. Амираслан составил список лиц (скажем, первая десятка!), затем узнал, у кого из них есть дочери, получалась любопытнейшая картина: у первого в десятке детей нет;

у второго старшая дочь после третьего развода, кажется, дома сидит, а младшая еще не выросла; у третьего - ровесница, даже чуть старше Амираслана, а это плохо, надо, чтобы жена была моложе, но не в этом суть; уж очень эта дочь серьезна, очкаста и не-красива;

у четвертого - единственная, лелеют, с телохранителем ходит; а когда сессия, телохранитель с зачеткой от одного преподавателя к другому, аккуратно и предметы вписаны, и оценки, любо поглядеть, круглая отличница, лучше не связываться;

у пятого - это надо разузнать, кажется, сын... Да нет же! Дочка, красивая, умная, кончает школу, надо чуть-чуть подождать, в резерв ее. Пойдем дальше (а пока составлял, она и упорхнула, стала невесткой Хасая!..), у шестого три дочери, сам красавец, жена красавица, а дочери уродки;

у седьмого одна дочь, весь город о ее нарядах и жизне-любии говорит, гроза знаменитостей, особенно по ве-домству искусства;

у восьмого дочь в маму, а мать, упаси аллах, такая бое-вая, никакой жизни не будет; у девятого... жених у нее, и неплохой парень; у десятого - сами они еще молоды, но надо держать на примете, авось у Амираслана родится сын или дочь и, кто знает, может, к тому времени... И унесли-унесли Амираслана думы далеко-далеко!..

Первый список исчерпан, Амираслан принялся за кар-тотеку знаменитостей второй десятки; продумал, каким требованиям должен отвечать идеал: скромность, здо-ровье, красота, образование, рост, фигура; но на первом месте - скромность как синоним верности, домовито-сти; чтоб взглядом - ни-ни (рты потом не закроешь!). И тут же на одиннадцатом - стоп! Вот она! Ко всему прочему еще и добра!.. Стал приглядываться и узнал, что дружит с девушкой, которая живет во дворе Саттара; тут же к сестре за советом, та - к мужу, муж - подробности об отце: прекрасный человек, превосходная семья; пока то да се, сглазил будто кто семью: отец де-вушки надолго выбыл из строя (вирусный грипп и, как осложнение, катастрофически прогрессирующая слепо-та), а уже и Саттар был подключен, уже и сваты на-шлись, даже обручение состоялось. Отец, предчувствуя недоброе, не стал тянуть; но попросил, чтоб без пышно-сти; свадьбу сыграли, а через неделю он умер, Амира-слан с

болью заштриховал на своей схеме линии, кото-рые вели к тестю. Некоторое время спустя сбоку на своей схеме Амираслан записал: "Стремясь к большему, довольствуйся малым"; он счастлив, жена - его тыл, жена - его любовь, жена - это все для него. Схема, схема...

Есть, конечно, момент везения, счастья, но главное, чтобы утвердилась за тобой молва как о везучем. И, кроме того, надо, чтоб люди видели и знали, что ты осведомлен, знаешь мельчайшие подробности из жизни тех, кто "наверху",- кто с кем, кто против кого, кто как думает о том или другом.

Схема разветвляется: кто на ком женился; кого куда переставили, кто кого обошел; неожиданная смерть - и надолго клетка не заполнена, и Амираслан думает, глядя на нее: "Кто же?" И догадки рождаются: этот? Он связан с тем-то по материнской линии, а с этим через жену; но есть еще один, кто может эту клетку за-полнить: внучатый племянник такого-то и зять тако-го-то!.. А если догадка кажется ^ему стоящей, сообщает о ней Сеяре при Джафаре, та еще кому-то, тот даль-ше, и пошло гулять по городу: "Б. идет на повышение, занимает место Г., и Ш. идет на место Б".- "А куда же Г.?" -"А он на свое старое место и возвращается". Линии появляются, прочерчиваются, приходится новые узлы завязывать - жизнь-то идет, кто-то на пенсию, кто-то умер, кого-то ушли, кто-то подрос, кто-то же-нился, перемещения всякие, неожиданности. Иногда для ясности Амираслан выделяет какой-то важный участок, отдельно рисует микросхему, и порой она при-чудливый вид обретает, эта схемка: вроде акула из во-ды высунулась или удивленный бегемот пасть рази-нул.

Неплохо бы, думает Амираслан, сигнализацию приду-мать, чтобы сразу видеть, если потянул нужную тебе нитку, как она приводит другие в движение.

- Так вот,- говорит Амираслан Саттару,- не уди-вляйся! Да, да, чихать я хотел, и даже на Джафара-муэллима! Кругом такое творится, и не только у нас, но и у соседей, что Хасай и прочее - мелочь. Можно вмиг и взлететь высоко и пасть так низко, что, как Гюльбала, в пору головой вниз.

- Значит, самоубийство?

- Да отстань ты, маньяк! Я к примеру. О тесте его даже какой-то заграничный голос вещал. Я, правда, не слушал, рассказывали.- Амираслан понимал, что такое дело, как гибель сына Хасая, а Гюльбала связан род-ственнымными узами с вчера еще могучим человеком, не из пустяковых. Только потяни ниточку! Сын. Шурин. Са-моубийство.- Тут можно, конечно, прославиться на всю республику, но тебя, знаю, такая слава не прельщает, хотя все мы люди.Потянут, думает Амираслан, за ни-точку Хасая, а там, кто знает, может, подденут и Джафара; для Амираслана такой поворот пока ни к че-му. И, понимая, что нельзя ничего пускать на самотек, недооценивать ни одну ерундовую деталь, он и решил перестраховаться, позвонил Саттару, да вышло некста-ти ("А Джафар-муэллима, между прочим, только что мне

-звонил! Не успел я повесить трубку..."). Надо же, чтоб такая накладка!

- Я убежден, то, что делается у нас, вселяет на-дежды!

- Ты наивен, Саттар, неужели не видишь, что по-крываем себя позором на всю страну? В газете целая по-лоса про все эти дела: бассейн в квартире! Бриллианты в банке с вареньем! Хищническая охота в заповедниках! Разбазаривание музейных ценностей!.. Смотрят все и дивятся: "Ай да мы!.." Ты думаешь, такая реклама нас красит?!

- При чем тут реклама? По всему фронту идет борь-ба! И я думаю, что эта борьба очень даже нам необхо-дима!

- Но надо же с умом подходить! Разве только у нас эти безобразия?! Но другие-то делают шито-крыто!

- Извини, но это старо, насчет сора из избы!

- Старо, но верно, черт побери! Поснимали одного, другого, третьего, надо же меру знать! А ты убежден, что их всех заменили люди, как Говорится, с чистой со-вестью?

- А как же? И не сомневаюсь я!

- Наивен, ох, как наивен ты!.. Нет, я не скрою, на-до обновлять, омолаживать, пора и нашему поколению дать простор, кое-что в этом направлении делается, не сегодня-завтра и твой друг, да, да, не удив-ляйся...

- А я не удивляюсь и не удивлюсь.

- ...может взлететь. Но вообще-то ты прав, нику-дышные мы!

- Я этого не говорил.

- Ты не говорил, так я говорю.

- И зря!

- Нет, нет, вялые мы какие-то!.. Чем мы можем по-хвастаться, так это снами!

- Чем, чем? - не понял Саттар.

- Наши земляки много снов видят. У любого спро-си! Видит сон, но этого ему мало! Рассказывает, потом требует отгадки, множество людей в это вовлекается, и мусолят, и мусолят. Вместо того чтобы окунуться в реальную жизнь, активизироваться, сны да их разгадки! Вчера вот один рассказывает, цветной, говорит, сон. То ли море голубое, то ли лодка розовая. Черт знает что такое!..

Амираслан не случайно ополчился на сновидцев. Два f его начальника непосредственный и, так сказать, се-мейный, один дома (Джафар), а другой на службе (Хасай) - расскажут, а потом ждут. А когда сбывается - мол, дорожи нами, мы не только сновидцы, но и ясно-видцы.

"Увидел я во сне",- Хасай Амираслану рассказывает. "А я снов не вижу". "Быть не может!"

А чего Хасай удивляется? Его Хуснийэ тоже не видит. Вернее, раньше не видела, до смерти Гюльбалы. И ей Хасай так же, как Амираслану, говорил: "Быть не мо-жет!" А она ему: "Ты тоже раньше не видел, как со своей Реной связался, так и стал всякие сны видеть!" Хасаю приснился сон. Диковинный. Но он не знает, что такие же сны снятся не только ему в этом городе. Ну скажем, Джафару-муэллиму. А удивляться нечему: од-ни корни, одна географическая и иная среда, с детства привык слышать, как рассказывают о снах, это вторая жизнь его земляков. Рассказывают, как помнит Хасай, непременно в кругу семьи, и кто-то берется отгадывать. И, случается, совпадает. Конечно, таких отгадывателей почти не осталось, вымерли знатоки, а сны снятся, и ничего с ними не поделаешь, приходится самому голову ломать. Часто, ложась спать, Хасай долго не может уснуть, ворочается на горячей простыне, подушка стано-вится жаркой. Об этом Хасай, между прочим, как-то сказал Джафару-муэллиму: "Знаешь, Джафар, ложусь спать, на сердце тяжело, кажется мне, что усну и не проснусь больше". И что же ответил Джафар-муэллим? "Хорошая смерть, когда во сне... Повезло ему". "Ко-му ему?" - "Ну, тому, о ком ты рассказываешь".- "Да о себе я говорю!" "Ах, о себе-е-е-е!- протянул Джа-фар-муэллим и незаметно зевнул.- Это бывает!" Амираслан отреагировал взволнованно, прямая противопо-ложность своему родственнику. Встал, подошел, в глаза заглянул, за руку взял, чуть ли не пульс пробует. Хасай даже растерялся: "Да нет, я здоров, что это ты?" - "С этим не шутят. Электрокардиограмму сде-лать надо. Не пойдете сами, позвоню, скажу, чтоб си-лой повезли вас. Вы что? Со здоровьем не шутят!"

- Черт знает что такое! - гнет свое Амираслан.- Погрязли в снах!..

- Ну зачем ты так?! - Но Амираслан перебил Сат-тара:

- Сколько у нас знаменитых ученых, на всю страну известных? А? Я этим специально занимался. Составил список, получился он очень и очень жидкий!.. С искус-ством ничего, терпимо. Афиши так и пестрят: Ибрагим-беков Максуд, Ибрагимбеков Рустам! Родные братья, а работают врозь. Был Бейбутов, теперь вот Муслим.

- Почему был? Он и сейчас, слава богу, как соловей поет.

- Пусть, но я не о том! Есть у нас, к примеру, Ал-18? Или Маг-24?

- Что за ал и маг?!

- Ну, самолет! Алияров-18 или Магомаев-24! А светило по части астрономии? Кибернетики? Теория, к примеру, Бахтиярова?!

- Стоп! Ты неточен! Говори, да знай меру! Большие люди у нас были и есть. И будут! Есть и в астрофизике, и в нефтехимии, есть, кстати, и немало теорий, даже теория моего однофамильца, походи и поинтересуйся!.. Да, да, теория Макинского, нашего земляка. Я тебе скажу еще вот что. Даже бригада, в которой, кстати, работает и племянник Хасая, ты читал о ней недавно?

- Коллективная знаменитость?

- Хотя бы! Наклонно пробурить в море такую скважину, да еще впервые в мире, да еще с таким наклоном!.. Это, знаешь ли, не меньше, чем в космос слетать!

- Это какой же племянник? Магомед? Я, кажется, с этой бригадой знаком, вместе у Хасая пировали... Да, ничего не скажешь, знаменитость!

Хасай их познакомил, мол, ровесники, крепко друг за Дружку держитесь. Мамиша удивило: ровесник, а среди лысый, только виски черные-черные; потом Гюль-бала шепнул: "Подкрашивает виски!" Сначала представился Мамиш, как младший; ему всегда кажется, что он моложе собеседника; зовите меня, мол, просто Мамиш, "Но вы выглядите на всю полноту имени - Мухам-мед,- заметил Амираслан.- Я понимаю, старомодно. А, Мамиш, вы что же, из южных? Это у иранских азербайджанцев принято". Какой он выходец? Материнская линия бакинцы, а вот отцовская - он из туркменских азербайджанцев. "Ну тогда ясно! Там много из южных выходцев, лица у них, знаете, продолговатые такие и кожа потемнее". "Что правда то правда",- подумал Мамиш, но почему-то ему не понравилась, обидно стало, что отец точь-в-точь соответствует нарисованному этим бесцеремонным человеком портрету.

Амираслан не смог бы объяснить, почему не назвался полным именем, опустил первую часть; видимо, после "Мамиша" напыщенно прозвучало бы "Амираслан" "Эмир среди львов" или "Лев среди эмиров"... Если бы тот сказал "Мухаммед" или хоть искаженно "Маго-мед", можно было бы тогда и "Амираслан". А потом в день поминок по Гюльбале пришел почти одновременно с бригадой; старший сын Гейбата Ма-шаллах, не стриженный, обросший щетиной в связи с трауром, заправлял всей поминальной процедурой: встречал пришедших, следил за очередностью входа, помещение-то маленькое, за подачей чая, чтоб никто не был обойден; а народ все идет и идет. Знакомые, родные, родственники, друзья, знакомые друзей, соседи по кварталу, сослуживцы отца, матери, самого Гюльбалы, приятели братьев, просто любители ходить на поминки: здесь и разговоров наслушаешься о городских новостях, о мировых событиях, диспуты и споры между верующими и неверующими, истории всякие, последние известия... Хорошо, когда много помощников: сразу же моется посуда, быстро заваривается чай, кто-то подает, кто-то убирает со стола, откуда-то принесены большие самовары, и на плите стоят здоровенные чайники для заварки. А народ все идет и идет... Минуту-другую Амираслан постоял с бригадой Мамиша на улице, пока не освободилось наверху место. Амираслан шепнул тогда Мамишу: "Твое счастье, что есть алиби, дворничиха видела..." - "А если б не видела?"-Мамиша возмутила бестактность Амираслана, а тот пожал плечами: "Что с тебя взять, раз в таких элементарных вещах ничего не смыслишь".

- Да, слава у них мировая, все вокруг трубят о феноменальном изгибе наклонного бурения!

- Значит, собираешься совершить скачок? Занять ключевой пост?

- Поверь мне, все силы я отдаю своей нации... Не сердись, может, я лишнего наговорил, всякое иногда в голову лезет. Живем, боремся, анонимки друг на друга строчим, а жизнь-то уходит. Ты, кажется, не был на похоронах сына Хасая?

- Был на кладбище.

- Я тебя не заметил.

- А я в штатском в толпе стоял. Амираслан то к Хасаю подойдет, то к вдове.
- Жуткая картина, когда в гроб, в землю... Иногда ночью как представлю, что когда-нибудь и я вот так... В землю, а сверху плиты каменные, и все! Глаза у Амираслана влажные. Удивительно, как быстро он по-лысел.

- Перестань, нам с тобой еще жить да жить... Где же официант, расплатиться надо.

- Кто пригласил, тот и платит, не знаешь разве?

Когда прощались, Амираслан напомнил:

- Оставь Хасая, прошу. Саттар пожал плечами.

- И чего вы так всполошились? И ты, и твой зять. Дело как дело. Необходимые формальности, не более. Странно, но Саттар вспомнил Рену, как она появилась в полутьме. И как волновалась, напуганная несчастьем. Именно Рену не Хуснийэ, не вдову, не Хасая, за которого так хлопочут, а именно ее, Рену. Окончательный разговор с Мамишем - и дело _ закрыть.

Повестку в угловом доме подписал кто-то из Бахтияровых, здесь их много в связи с трауром. А Мамиш - на работу. Только он за ворота, как на углу какой-то человек стоит, насупился, на Ма-миша смотрит, да так пристально, что Мамиш поздоровался. Незнакомец молча свернул за угол. Мамиш глянул в ту сторону, куда тот ушел, - ни души.

Недоумение перешло в тревогу, и она не оставляла Ма-миша всю его недолгую дорогу до пристани и весь длинный путь на теплоходе. Люди поглядывали на Ма-миша, а один даже спросил: "Не болен?" Не станешь же каждому объяснять, что в трауре. И Гая с упреком сказал о бороде, которая так не к лицу Мамишу. А небритость - это признак лени, и нечего прикрываться традициями. Долгий траур тоже косит живых, иссушает душу: первые три дня, седьмой день, каждый четверг до сорокового дня, сороковой день. А потом годовщина. Мамиш насупился. "Бриться я все равно не буду". Грохот и лязг.

Крытый брезентом грузовик привозил рабочих с буро-вых в жилой поселок. В застекленных дверях общежития Мамиш увидел себя: черная борода, щетина впивается в руку, когда засыпаешь. А чего злишься? Злость на себя, Р, на братьев матери, Хасая. "Разрешите познакомить вас..." На Гюльбалу надо бы-ло смотреть, не на меня! В глазах Мамиша вспыхивала злоба!.. "Что еще случилось?" - удивился, взглянув на него в эту минуту, Гая. Он стоял рядом крепили трубу. И не трубу вовсе крепил Мамиш, а наглухо затыкал сытые наглые пасти своих родичей. "И это все твои друзья?!" Именно в такую минуту встретились взглядами Гая и Мамиш, и Гая вскрикнул удивленно: "Что еще случилось?" Мамиш, продолжая крепить трубу, качнул головой, мол, ничего, все в порядке.

надо! надо!

"Да нет, лучше меньше, но зато настоящие друзья!" И уже отброшен нож со сгустком теплой массы. "Ну как, сын Кочевницы?" И Гюльбала тут же, и те-чет, объединяя их всех, кровь. Родной дядя, как отец.

с тебя и начнем!

Должен же он открыться кому-то близкому! Стой и крепи, и кричать нельзя. Гая даже отпрянул: "Что еще?!" - "Ничего". Расим подскочил к Мамишу: "Дай я!" "Уйди, я сам!"

"Отдохни!" - кричит Гая Мамишу. Мамиш мотает головой. Закрепил трубу, можно начинать вращение. Гая - Араму. И загудел мотор, Арам к его равномерно-му рокоту прислушивается.

сказать! сказать им!.. Гюльбала сам!

а где ты раньше был, Мамиш? Выспались, отдохнули, до начала смены еще минут двадцать, и каждый хочет использовать их в свое удо-вольствие: тут и морской воздух, дыши им, без лязга, грохота, металлических запахов с примесью гари, лип-кой глины.

Шли с Гая по эстакаде. С ним всегда спокойно. Что бы ни предложил. Казалось ведь

сверхъестественным: бу-реть с наклоном в три с лишним километра... Пришли к Араму, в Арменикенд, а там вроде обручения, Арам с невестой их знакомит. "Из племени Колумба!" Мамиш не понял, Гая потом объяснил: "Ее дядю Христофором зовут, вот и шутит Арам". Потом Гая вроде бы идею свою проверял, схему чертил; похожа на амираслановскую, только попроще: "Вот линия моря (у Амираслана таких волнистых линий нет), а вот морского дна. Здесь мы, а здесь нефтишой пласт. Прямым бурением его не возьмешь, надо наклонно, сбоку, вот так",- и выводит кривую линию. "Утвердят?"- спрашивает Расим. Гая смотрит на него удивленно: что за наивный вопрос?.. Идут с Гая по эстакаде. "Сказать?" Белеет в синеве, как отточенное лезвие, тонкий полумесяц. Гая чуток: у Мамиша большое горе.

- Это жизнь, Мамиш, случается, и умирают люди.

-. А он не умер, Гая.

- Как не умер?! Ну да, он будет жить в твоей памя-ти, в памяти близких.

- Они постараются его забыть.

- Как это?

- Они сами во всем виноваты. И умолк.

...сам выбросился!

- как сам?

- да, сам.

- почему? вот и ответь! "Что же ты?- напишет мать.- Как ты мог?"

- а сама? а ты сама?., сбежали все! и ты, и

Кязым!.. Тоже мне герои!

Хасай вырастил ее, помогал, когда училась, всех Бах-тияровых на ноги поставил. "Что плохого сделал тебе дядя? И чего ты хочешь? Чтобы Хасай оставил Рену и вернулся к Хуснийэ-ханум?"

скорее отрастет до земли хвост у верблюда...

но как забыть о Теймуре? Али?

И тариста вспомнил бы, да не знает про тариста Ма-миш.

а хромой, что мимо окна моего проходит, сту-чит палкой!., это же он! он!

Вдруг осенило Мамиша - это тот же самый человек, который утром повстречался Мамишу, с ненавистью глядя на него. Это его палка часто стучала по балкон-ным доскам, когда он с "дарами" приходил к Хасаю и Хуснийэ, часто приходил. Думает, наверно, что при-шло к Хасаю возмездие. Как же, придет!.. А мать напи-шет: "Что же ты сгубил своего родного дядю, старшего в нашем роду?!" Нет, она не напишет, не имеет права. К общежитию подкатил автобус за новой сменой. Месяц ярко серебрился, белея в синеве, как отточенное лезвие.

Вторая встреча со следователем состоялась позже, ко-гда Мамиш вернулся из Морского.

- Мамед,- говорит Мамишу Саттар,- вдова Гюль-балы сказала мне...

- А чего вы не спросите,- перебил его Мамиш,- почему я пришел?

- Я же вас пригласил. Послал вам повестку.

- Никакой повестки я не получал, я еще домой не за-ходил... Так что она вам сказала?

- Сказала, что Гюльбала любил другую. Мамиш смотрит хмуро. Все об Октае думает.

- вот вам загадка, а вы отгадайте.

- ?!

- Смогли бы хоть как-то прояснить?

- "то ли сын, то ли брат".

- Кто это может быть?

- "то ли отец, то ли дед".

- ?!

- Что вы от меня хотите услышать?

- Мне важно установить истину.
- В этом конкретном вопросе я вам не помощник.
- А в каком?
- помещу я в центре Хасая и выведу линии, а на остриях будут: "Алик", "Теймур", "красные тридцатки".
- "Дэли Идрис".
- ?!
- "Гюльбала".
- Ну вот, вы и сами знаете!
- Я о деле хотел узнать.
- В момент смерти рядом с покойным никого не бы-ло. Доказано и ваше алиби, и алиби всех членов семьи.

Не было совершено насилия, нет прямых виновных, и поэтому следствие заканчивается.

- Все, значит?
- нет фактов?., есть самоубийство, а нет убийства?
- А вы думали иначе?
- разве не совершено преступление?
- Я хотел уяснить для себя.
- Следствию вы не очень помогли. В общих чертах причины и без вас были ясны: неустроенность жизни, неприятие жены, конфликт с отцом и так далее.

- Вы на меня возлагали надежды?
- Если откровенно, то да, возлагал.
- вы возбуждаете дело, состоится показа-тельный суд, вход неограниченный, большие помещения у нас есть, трансляция по радио, телевидению, это ваш праздник, вы к нему давно готовились, я сижу на почетном месте, общественный и семейный, так сказать, обвинитель. Прилетает мать... Хасай ее воспи-тал, был вроде отца родного. Сидит, весь осунулся, как его жалко!., я предан проклятию! "да выйдет тебе боком материнское молоко". Но нет, не может, не может она против сы-на!., новые линии, новые факты, кое-кто из вчерашних свидетелей сидит сегодня рядом с Хасаем... позор на весь город!

- республику!
- на весь мир позор! имущество конфиско-вано, обширный инфаркт, семьи разорены, а дальше? дальше что?
- в газетах пишут! ваш пример!
- но вы сами знаете столько же, сколько знаю я!
- о Хасае?
- при чем тут Хасай?
- ?!
- надо же быть слепым, чтобы не видеть!
- Я сказал все, что знал.

Тупик. Саттар молчит. Саттар думает: "Неужели я ошибся в нем? Ах как жаль!.. Многого ты хочешь, Саттар!.. Но ведь такое время!.. Мамиш, Мамиш, ай Мамиш!.." Обыкновенный тупик: вперед, налево, снова вперед, направо, а там глухая стена.

- но вы обо мне еще услышите! будет вам и убийство!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ - рассказ о том, как Мамиш по-шел к Хасаю и Р одна в доме. Идет, идет... ИР - одна в доме.

Обо всех подумал Мамиш - о Хасае, о Р. И об Октае думал. А вдруг и он дома? Как же при Октае? Он ' ведь любит Мамиша, очень привязан к нему, об этом Ма-миш подумал? Идет, идет...

Именно к нему обращался Октай с неожиданными во-просами. "Что такое осень?"-спрашивал Октай. Ха-сай насто-раживался, Гюльбала недоумевал, а Мамиш, готовясь к тому, что ответ должен быть оригинальным, не спешил. И Мамиш в детстве, бывало, слушает и слушает ашхабадскую бабушку... А она рассказывала небылицы, но Мамишу, видите ли, хотелось узнать, как в животе петуха (а он шел в Стамбул заполучить свою золотую монету, отданную на хранение бекскому сыну-обманщику) умещались и рыжая лиса (она потом спасет петуха от гусака), и лю-тый волк (а он спасет от ишака), и речушка, жаждущая увидеть Мраморное мо-ре (она погасит пожар, в огне которого должен был сго-реть петух). Див спорил с Плешивым - кто кого пере-хитрит; вырвет из головы самый длинный волос: "Смотри!" А Плешивый выдергивал волос из конского хвоста, и его волос оказывался длиннее. "Откуда взялся конь?"-спрашивал Мамиш, а бабушка уже о новых хитростях-небылицах рассказывает: Див из головы вошь тащит, а Плешивый лягушку, будто она по го-лове его меж волос ходит: "Ну, так у кого больше?" Див злится, потому что никак не выиграет спор. "Я сей-час такой здесь ветер устрою!.." И стало кидать Пле-шивого из угла в угол, еле в себя пришел. "Ну ладно, теперь моя очередь,- как ни в чем не бывало говорит Плешивый.Закрой-ка все щели, а то выдует тебя от-сюда, духа твоего не останется..." Див, ясное дело, испу-гался... Бороться с Дивом - что есть проще? Он страш-ный в гневе, но он же наивен, как дитя; да и Плешиво-му везло: конь с густым хвостом объявился, подверну-лась под руку лягушка... А Октай пристал со своей осенью: - Так что же, а?

Мамиш ждет, он терпеливее, и Октай, ерзая в кресле, говорит:

- Это гранат на ветке, а ветка висит на стене!

- Ну, учудил!..- говорит Хасай. Очень ему не нра-вятся эти вопросы-ответы сына. Что-то чудное в них, странное. "А что? Очень интересно!"- думает Мамиш.

- Ну как по-азербайджански гранат? - спрашивает Гюльбала у Октая. Ему, как и Хасаю, тоже не по себе от туманных вопросов Октая, и он (а ведь Рене нравят-ся, кажется, эти заумности сына) спешит исправить не-ловкость.

- Нар,- выручает сына Рена.

- А как ветка?

Лицо Рены залила краска, она мучительно вспоми-на-ет, но так и не может вспомнить. Не знает и Октай. Ой как стыдно Хасаю. А Октай - хоть бы что, никак не уймется.

- А что такое лето? - спрашивает он у Мамиша.

- Это гроздь винограда, и каждая ягодка зовет:

"Съешь меня!"

Но от шуточного ответа Хасая Октай никнет.

- Нет,-говорит он,- не то! - и выбегает из ком-наты. И никто не скажет, что же такое лето. Может, шай-тана на помощь призвать? Если что найти надо было, бабушка завязывала узелок. "Вот мы и поймали шайта-на за хвост!" И странно: потерянное тут же находилось. "Что за чушь!"- удивляется Мамиш.

Идет, идет...

И Р одна в доме. И больше никого. Мамиш приходил сюда всегда с Гюльбалой, и, ясно, не потому, что Хуснийэ-ханум разгнева-ется, узнает ведь; или потому, что дядя приревнует; так честнее и перед собой, и перед дядей; они ведь с дядей поговорили, как мужчина с мужчиной: Хасай спрашивал тогда его, вро-де бы не посягал на любовь племянника; а потом: "Зна-комьтесь!.." И Р одна в доме. Тонкие губы побелели, лицо такое некрасивое, искажен

ТМ°еЛ КаК Же? Гюльбалу вспомнила! И та, и эта - Р? И Мамиш с ходу:

- Ну как? Ни рыба - ни мясо? Она смотрит с недоумением.

"Не затем ведь шел сюда! Чего морочишь ей голову?!" нет, и затем!

- Мне Гюльбала все рассказал!

"Тогда Рена была осунувшаяся, бледная..."

Сразу, с ходу.

Щеки вспыхнули, и в глазах вопрос: "Не понимаю.

О чем рассказал?" ' '

Молчание затянулось.

ну вот и выдала себя!

- О чем именно?

И Мамиш слышанной где-то фразой:

- Снял пелену с ваших тайн!

Губы стали почти не видны. Надо ее опередить:

- О вашей любви рассказал. Да, все рассказал! - злорадство какое в голосе. А она будто этого и ждала.

- Бедный Гюльбала,- вздохнула.- Разве можно де-литься своими бредовыми мечтами, да еще с таким че-ловеком наивным!

"Неужели Гюльбала?" И вдруг облегчение. скажи, скажи еще! не молчи!

- Нет, это правда! - говорит он.

- И ты поверил? ' '

Почему-то легко на душе, будто чудо какое.

говори же!

- ...Он был влюблен, а я жалела его, не говорила Хасаю, чтобы не навлечь гнев.

- И записку показал! - Надо хоть факт один.

- Он же порвал ее при мне!

- Значит, была!

И стало вдруг тоскливо-тоскливо Мамишу.

значит, правда! Но надо еще и еще, нельзя молчать.

- Ну вот сама и призналась! Все до конца сказать.

- Я знала, что ты доверчивый, но настолько!

скажи, скажи еще! Еще, до конца:

- И об Октае сказал!

Лицо ее покрылось крупными пятнами, как в тот раз,

когда Гюльбала вдруг заплакал.

вот-вот! правда! И пустота в душе.

- Сказал мне, и хватит! - И уже другая, на глазах сразу другая стала.Скажешь еще кому, засмеют. А Хасай узнает, он сейчас придет, ох и худо тебе при-дется!..

- Гробишь?

- Я ему, знаешь, что скажу?..

"И с нею, как со всеми!"- думает, а в ушах слова Хус-нийэ: "Я бы на вашем месте!.. Да будь я на вашем ме-сте!.."

- ...тебе и самому нетрудно понять, что я скажу. И он поверит! Разве ты не видел, как он на тебя смотрит, когда мы рядом?..

ах, как красиво ты говоришь! как нежно, как

мелодично!..

Мамиш смотрел на нее странно, и ей стало вдруг без-различно - зачем она его уговаривает? Оправдыва-ется?..

- Ну и что? Допустим, поверит тебе. Бросит меня? Я без всех вас проживу!

- Надоело?

ты ли - и та, и эта?

- Да!

- И Хасай?

- Да! Да! И ты, и он, и все вы!

- Гюльбала тебе уже не надоест!
- Чего добиваешься ты?
- Мы оба собирали в пучок, и я собирал, и ты соби-рала! Р стало не по себе: "О чем он?"

- Поди проспись!
- Думаешь, я выпил?
- Что тебе нужно? Чего ты хочешь? А Хасай шел домой, к Репе, от всех и всего подальше. Он был полон ею, и никто ему не нужен. Особенно по-сле истории с Нигяр. Раньше стрелял глазами, ловил и не отпускал хотя бы в мыслях, а теперь никого, кроме нее, Рены. Прозвенел звонок. "Хасай!" Но то ли до звонка, то ли вместе с ним, то ли после:

- А я его люблю! Запомни! И никто мне не нужен! Да, люблю!
"Вот оно!" И такая тоска. Это же ясно, и сейчас, и рань-ше еще, когда в саду Революции...

Как будто слышал Хасай, а может, и не слышал; зво-нок, а потом тут же щелк ключом, это он всегда так: коротко звонком и ключ в дверь...

Стоило Хасаю, придя домой, застать здесь Гюльбалу с Мамишем, как он тут же - взгляд на Рену, а потом на Мамиша; как-никак он их познакомил; и если на лице Рены он читал радость, мрачнел, ах, как мрачнел Ха-сай!.. Ловил их взгляды, отыскивал в них тайный смысл. А- потом, с улыбкой проводив гостей, обрушивал на Рену упреки, устраивал допрос, обвинял, оскорблял, распался в гневе. Но Рене удавалось, главным обра-зом, лаской доказать свою невиновность, убедить, что ревность его беспричинна, а упреки беспочвенны, ведь она любит его, глупого! Большого и глупого! "Он? Он?- допытывался Хасай.- Это он первый?" Ре-на краснела. "Я же объясняла! Говорила! Не он! Не он! Не знала я! Глупа была! Я же говорила! Я не хотела! И не знала, как получилось!" -"Он? Это он?" -"Я же рассказывала!.." Но Хасай не мог вспомнить, ведь не рассказывала! Чего он мучает ее? Бросить ему: "Где и с кем? А в доме твоём! Где дед похоронен!" И когда снова в воскресный день в этой же квартире на третьем этаже раздавался переливчатый звонок, спе-циально привезенный издалека Хасаем, и к ним ввали-валась молодежь, а чаще всего Гюльбала и Мамиш, Рена, помня прошлые скандалы, напускала на себя стро-гость, даже неприветливость. Это тоже оборачивалось против нее - гости уходили, и Хасай вскипал: "Так ли встречают людей?! Ты должна веселиться, радоваться, вести себя так, чтоб приятно всем было! Еще подумают, что плохо тебе у меня, что жизнь со мной - хуже ка-торги! Особенно Мамиш".- "Да, хуже! Ты же сума-сшедший!- кричала Рена.- Когда я с ними весела, ты ревнуешь, когда я строга, ты снова за свое! Как мне прикажешь поступать?" -"Не с гостями, а с Мамишем!" -"Опять о нем!"

И тогда наступал черед Хасая успокаивать Рену, и мир снова витал в их доме.

Сцены как сцены, а Хасаю доставляло наслаждение по-сидеть с молодыми, беседовать с ними, как равный с равными. Он сбрасывал сразу лет двадцать. И нрави-лось ему именно при молодежи, если даже это сын или племянник, заводить разговоры о любви, о женщинах, чтобы и самому покрасоваться и чтоб отношения мо-лодых, особенно Мамиша и Рены, еще раз проверить, хотя Рена и сумела убедить его в полном равнодушии к Мамишу, но женщина есть женщина, думал Хасай. "Как можно сравнить тебя с Мамишем? Я же с ним еще раньше порвала! Теперь-то понимаю, что из-за те-бя! К тебе тянулась, дурень ты мой!"

"Почему не женишься? - спросил как-то у Мами-ша.- Вот и Гюльбала обзавелся семьей". Что-то дерз-кое, вызывающее виделось Хасаю в том, что пле-мянник упорно остается один. Чего же? На что надеется?!

Мамиш и Рена стояли в коридоре, когда Хасай щелк-нул ключом и открыл дверь. На Мамиша взглянул, на Рену и помрачнел. Дорогостоящего племянника никто не звал и не ждал сегодня, мало ли какие у Хасая могут быть дела?! Ну и нравы!.. И возбужденный вид Ре-ны

не понравился Хасаю. На лице его менялись краски от багрово-малиновой до серовато-пепель-ной, и все мерещится - Рена и Мамиш... Ну нет! "Я ее!.."

Да, да! Именно готовность к измене прочел Хасай в ее взгляде, в том, как густо покраснела. Так же, это было давно, но Хасай помнит, покраснела Рена, когда она на той самой бывшей Балаханской бывала с Хасаем в ком-мунальной квартире, в комнате, снятой для встреч, если при этом неожиданно звонили в дверь или шаги соседа приближались к их комнате.

Прочел и отогнал. "Ну вот, только дал себе слово не спешить с выводами, это он по дороге себя убеждал,- а уже готов взорваться. Не в комнате же они! (Как буд-то это имеет значение.) И Мамиш не похож на уходящего, он только что пришел (это существенно?)". И все же, как это случалось не раз, больно кольнуло в груди. Страх вытеснил все другое. "Надо показаться врачу". Ночью хватается за сердце: "Остановилось! Не бьется!" Или застучит быстро-быстро изамрет, будто навсегда. Хасай понимает, что в такие мгновения надо - так ему говорил знакомый врач - лежать тихо, не поддаваться панике, и все пройдет. "Но не бьется!" И Хасай вскаки-вал, садился, шарил рукой по груди. Рена просыпалась, , но не подавала виду, пусть успокоится, Хасай мнитель-ный очень, его легко убедить, уложить при малейшем недомогании. Вот и сейчас Хасай не имеет права выда-вать незваному гостю, пусть даже и сыну сестры, что у него болит сердце. Но боль, нежданно возникнув, тут же и прошла. И это наполнило Хасая маленькой радо-стью, показалось: гору на гору перетащит, не устанет. И гнев остыл, ушел с болью. Мамиш - это было видно сразу - только недавно пришел, и не чужой ведь, сын родной сестры, племянник его, парень бесхитростный, друг-брат Гюльбалы, в некотором роде замена ему'. И Рена - ну что ей в нем, в Мамише?

- Какими судьбами? - спросил.- Чего в коридоре стоишь, проходи в комнату.

И Мамиш... Мамиш сказал, что в микрорайоне товарищ из его бригады живет, заболел, пришел проведать, за-одно и завернул к дяде, а его дома нет. И умолк.

ты подонок! ты взяточник! ты негодный че-ловек! ты! ты!

И никто не слышал, как Мамиш плюнул себе в душу. Плюнул, а потом срезал рукой воздух, прошел в ком-нату и все же решился, выпалил:

- Выдумал я про товарища!

- ???!!

- Пришел поговорить откровенно.

Будто бросился с эстакады в море, пошел ко дну, а по-том вынырнул, оглянулся и, широко размахивая рука-ми, рванул вперед.

- О чем?

Мамиш сказал и поперхнулся, голос дрогнул. Гулко за-стучало сердце. Стрела была выпущена. И неведомо как завершится разговор.

Мамиш пытался унять дрожь в голосе, но не мог. Встал. Хасай обнаружит его робость и примет за слабость.

- Рена! - И тут же при Мамише снял брюки, бро-сил на диван, чтоб потом повесить вместе с пиджаком в шкаф, надел пижаму. В дверях появилась Рена.

- Готова еда? - И Мамишу: - Начинай, кого ждешь?

- Серьезный разговор.

- Тем лучше... Не жди, рассказывай.- Повесил брюки на вешалку в шкаф.- Ну вот, я готов!- Сел, за-курил сигарету, прищурился, внимательно посмотрел на Мамиша: "Послушаем, с чем ты пришел..."

- Наша жизнь ==- сплошная ложь!

- Ну, зачем же так? Давай попроще.

- Жизнь нашей семьи.

- В чем именно?

- Во всем!
- И кто в этом виноват?
- Ты прежде всего! И в смерти Гюльбалы тоже ты виноват!

"Вот она, неблагодарность! Он ее ждал!!"

- Рена, ты слышишь, что говорит этот... мерзавец!

Рена - ни звука, вся внимание. И не помнит, как по-дошла к плите, газ зажгла. Спички словно и не брала.

- Ай да сын Кочевницы!..

Хасай знал, что когда-нибудь этот Мамиш... "Ждал я, ждал!.."

Мамиш молчит.

- Уж не Хуснийэ ли прислала тебя?

- При чем тут Хуснийэ?

она такая же, как ты!

- Так вот, походи и скажи Хуснийэ-ханум, послав-шей тебя ко мне, что я ни на что не посмотрю, приду и на сей раз до смерти ее избыю! Пойди и скажи, а с тобой мы потом поговорим!

- Меня никто не посылал. Ложь...

- Что ты заладил одно и то же?! Ложь да ложь!..- перебил Мамиша Хасай.

- Гюльбала, думаешь, случайно выпал?

- Кто ж его вытолкнул? Уж не ты ли?! может, и я...

- Или Рена виновата? Может быть, она?

- Да!

- Ну, Мамиш, и с этим ты посмел прийти ко мне?!

- И ты, и Рена!

В комнату ворвалась Рена.

- Клевета! Все выдумал! В бреду сочинил Гюльба-ла!- Вены на шее раздулись, голубые-голубые, а на лице багровые пятна. Пошла на Мамиша.- Выдумал, да! Завидуете Хасаю! Они твои враги, Хасай! Я гово-рила тебе! Заживо в могилу хотят тебя!

- Что ты! Что ты! - растерялся Хасай, забыв о Мамише.- Успокойся, пожалуйста!.. Успокойся...- Он мельком бросил взгляд на Мамиша и прочел в его гла-зах злорадство. "Простить не может!"-Что ты ска-зал Рене? Что?! Рену обидеть?! Да я с тобой знаешь что сделаю! До смерти не оправившись!

- Пусть сама расскажет!

- Что ты мелешь?

- О любви своей!

- Да я тебя...- поискал глазами, схватил хрусталь-ную пепельницу на ковровой скатерти.

- Чего не открывали? - влетел в комнату Октай.- Я целый час звоню!

То ли услышал, то ли понял, что ругают Мамиша, или лицо матери напугало его, Октай сообразил, что это из-за Мамиша так кричал отец и мать на себя не похожа.

Вспыхнуло в нем, загорелось что-то внутри, и он ки-нулся на Мамиша, даже больно ушипнул, и Хасай как держал пепельницу, так и остался стоять - бросит, может попасть в ребенка или напугать его... Видел од-нажды. Октая таким взвинченным, долго не могли успокоить; подскочила температура. Хасай и Рена поссо-рились, и Октай бросился вот так, как теперь, защи-щать мать.

- Уведи мальчика! - крикнул Хасай Рене. Та пыталась оттащить Октая, и он, брыкаясь и выры-ваясь из рук, все хотел ударить Мамиша в лицо, да ру-ка не доставала.

- Дорого ты заплатишь! - говорила Рена, уводя Ок-тая.- Лучше о своей матери подумай,

о чести ее поза-боться!.. "Улыбаешься не мне... Вся облеплена комарами. "Свет моих очей!.."

- А ты, а Гюльбала...

а Октай, ты думаешь...

И вдруг глухой то ли звон стекла, то ли стон; пепель-ница полетела в Мамиша, он вмиг увернулся, и тяже-лый хрусталь ударился в висящую на стене за Мамишем раму - портрет Хасая на настенном ковре. Стекло разбилось, и осколки посыпались на диван.

- Если я не задушу тебя этими вот руками!.. Мерза-вец без роду и племени! это ты! ты!

- Да я твою чернорабочую душу!.. И лепет Мамиша:

- А гордился, что сам... Трамвай! Автобиография!

- Собачий сын!

"Еще хватит удар!- Хасай был бледен и не сообра-жал, что делает.- Только б сердце выдержало!" Кто знает, чем завершилось бы все это, в руках Хасая что-то блеснуло, если бы не тот же мелодичный зво-нок...

- Джафар-муэллим!.. Рена, быстро! А что быстро? .

- С дивана! Осколки!.. А с тобой мы потом! Поваля-ешься еще у меня в ногах!

я свое слово сказал, и с меня довольно, нам говорить уже не придется!

Рена тут же, вмиг, собрала в совок осколки. "Совсем не та, и не было той, только эта". То ли слышал он, то ли нет: "Подлый!"

Хасай пошел открывать, и Мамиш за ним, чтобы уйти. Навсегда. Не видеть ни Хасая, ни Р, никого!

- Добро пожаловать в наш дом, Джафар-муэллим! Высокий, в широких роговых очках, сильный мужчи-на, довольный собой и миром. Протянул руку Хасаю и, бросив внимательный взгляд на Мамиша, проба-сил:

- Племянник твой?

- Да... А почему вы один, без Сеяры-ханум?

- Не смогла прийти, просила извинить... Знаю, знаю, даже робу его надевал.

Хасай не понял, о чем это гость. А Мамиш хотел по-меняться местами с Джафаром-муэллимом - тому ближе к комнате, а ему, Мамишу, к двери, выскочить и бежать. Но Джафар-муэллим и ему руку.

- Куда уходите, оставайтесь с нами.

- Нет, нет, у него срочное дело.

- Дело не уйдет, пусть остается.- Джафар не при-вык, чтоб ему перечили. Взял Мамиша под руку и чуть ли не силой увлек в комнату.- Мы с твоим племян-ником знакомы!

- А я и не знал.

- Я работал у него на буровой! Помнишь? - Мами-шу.- Ну вот.- Хасаю. А тот, между прочим, удивлен: как это Джафар работал у Мамиша?- Да, в его ро-бе работается хорошо!.. А я к тебе ненадолго, тоже спе-шу, пришел, во-первых, выразить соболезнование, го-ворил тебе, что специально приду посидеть, побеседо-вать.

Хасай и Рена обменялись взглядами и промолчали.

- Но,- продолжал тем временем Джафар-муэл-лим,- нам не к лицу долгий траур. И об этом больше не будем!

Прошли, сели. На диване на ковровом ворсе поблески-вали кусочки стекла. Не успела Рена как следует под-чистить.

- Кто это тебя так изувечил?

Вмятина на фотографии под глазом, отчего Хасай косит.

- Да так, случайно вышло, Октай баловался.

врешь и не краснеешь!

- Бывает, бывает. Лишь бы стекло и разбивалось,- не жизнь, мол.

Джафар любил афоризмы; не от него ли перенял Амираслан? Но надо менять тему.

- Ну как? Ладишь с нашим рабочим классом? Не обижаешь?

- Что вы, Джафар-муэллим,- улыбнулся Хасай.

- а он, между прочим, до вашего прихода с ножом на меня лез! и зарезал бы!

- ?!

- честно говоря, струсил я.

- Да. Рабочий класс - ведущая сила! Опора наша. И я очень рад, Хасай, что у тебя такой племянник! Все мы вышли из рабочего класса!

Джафар действительно родился в семье рабочего в Черном городе. И сам после окончания нефтяного тех-никума в Балаханах года три работал на промыслах "Лениннефти". Так что никакой рисовки и Мамишу не надо ухмыляться. И Хасай кивал головой, не глядя на Мамиша, не то выдаст себя. Он во всем согласен с Джафаром-муэллимом. И с тем, что тот сказал, и с тем, что скажет.

- Как Сеяра-ханум?

Но Джафар еще не договорил.

- Если бы знал, какое удовольствие я испытываю, когда беседую с простыми людьми, с нашими рабочими ребятами! И здравый смысл у них, и широта мышления, и глубина понимания высокой политики!

- Вы правы, совершенно правы.

Рена принесла закуску, зелень, поставила высокую литровую бутылку водки с латинскими буквами на этикетке. И перед Мамишем пришлось положить нож и вилку - воткнуть бы в глаз ему!

- Вот этого не надо! - Рена даже вздрогнула, а Джафар-муэллим гладит бутылку. Гладит-поглажи-вает.- В другой раз.

Хасай знал, что Джафар пьет только водку. Рена унес-ла, а Хасай промолчал. Не подашь - обидится, а по-дашь - "в другой раз". А то и упрекнул бы: "Неужели и мы будем пить на поминках?"

получил свое? и как ты смел? сын ведь умер! Вышла заминка, но Джафар сделал вид, будто ничего особенного не произошло:

- Да, романтическое место Морское! Ездил я туда, повез кубинскую делегацию. Сели в вертолет, здорово нас качало. А за спиной резиновые мешки на случай аварии, чтоб не утонуть. Смеялись кубинцы: к чему это? На полчаса полета. И не океан ведь! А я им: "Озеро, да пострашнее вашего океана!" Но инструкцию прочел на всякий случай, как надуть спасательный мешок. Пока надуешь - на дно пойдешь... Не был в Морском?- И добавил, пока Хасай отвечать собирался: - Непременно съезди! Легендарное Морское! Чудо техники! А Хасай действительно не был - не пришлось.

- Очень понравилось гостям. Правильно ты поступил, что работаешь там. Отовсюду в республике видать!

- Я его туда устроил. "Ну вот, началось..."

- И сказал: "Поступай в институт, учись!" И про-писал. Проявит усердие, еще помогу.

- Очень хорошо делаешь, Хасай! Помощь рабочим - первейшая наша обязанность! "А сам-то ты прописан вообще где-нибудь?"-сказал бы ему Мамиш, если б знал, что Хуснийэ-ханум в од-ну из вспышек выписала Хасая из уголовного дома и жи-вет он теперь, не ведая о том, без прописки: ни там не прописан, ни здесь, в микрорайоне, квартира ведь на Рену куплена!.. Хасаю взгрустнулось вдруг. "Сейчас именем Гюльбалы спекульнет!" И Хасай вспомнил сына. Оборвалась, сломалась ветвь Бахтияровых, его ветвь! Пока Октай подрастет, пока то да се, а тот был его первенец, его плоть!

- Какого сына я потерял, Джафар! Какого сына!.. Клеветники всякое о нем говорят, очернить пытаются, но я знаю, я чувствую, это был настоящий человек!

- Ничего не поделаешь, такова жизнь! - Еще, чего доброго, заплачет Хасай, а Джафар этого не любит, не выносит слез, особенно мужских.- Да,- перебивает он Хасая,- давно мы с тобой 'не сидели по-семейному. В последний раз... Когда мы в последний раз виделись?

- Не помнишь? У меня же, вот здесь, но это было очень давно... Тогда, помню, смеялись мы... Ну да, я рассказывал об Амираслане.

А было так: сидели у Хасая, и он рассказывал Джафару, и тот, кто рассказывает, хохочет, и тот, кто слуша-ет. "Сижу я у себя,- рассказывает Хасай,- вдруг при-ходит ко мне молодой, хорошо одетый человек и гово-рит: "Я не скажу, кто меня послал, кто мой покрови-тель, если скажу, возражать не будете, сразу на ва-кантное место примете!" Я опешил, но виду не подал, думаю про себя: раз знает о вакансии, только вчера я ее получил, место теплое, значит, человек он сведущий.

Давай, думаю, рискну, не буду спрашивать, кто и что, а приму. Парень, вижу, смекалистый, с достоинст-вом, на него можно положиться, не подведет. Пиши, го-ворю ему, заявление! Он встал, учтиво поклонился, ру-ку мне жмет. Я, говорит, оправдаю ваше доверие! И по-дает уже написанное заявление. Я сбоку резолюцию: "Оформить". А спустя месяц приходит он ко мне с кон-вертом... Рена, завари свежий чай.- "Не надо при ней",- думает Хасай.

"А я предысторию эту не знал",-говорит ему Джафар.

"Эх, Джафар, многого ты не знаешь!" "Что же дальше?"

"А дальше приносит мне этот молодой человек кон-верт. "Что это?"-спрашиваю. Вижу, молчит, стесня-ется вроде. "Что это?"-спрашиваю снова. Пальцами чувствую, деньги! "Знаешь, как это называется? За такие вещи по головке не погладят!" Строго говорю ему, а он молчит, а я еще больше распалюсь. "Это,- говорит он мне,- за доброе ваше отношение, за дове-рие". Решил я, что надо по-тихому уладить, по-умно-му. "Садись,- говорю ему.- За доброе отношение ко мне спасибо". Он сел, а я спрашиваю: "Жена есть?" "Есть". Как в "Аршин мал алане". "Дети есть?" - "Есть".-"Эти деньги,-говорю ему,-я дарю тебе. Пойди и от моего имени купи жене, что ей захочется. Выпишу тебе специальный пропуск, пойди и приобрети в нашем магазине. И детям от меня подарки купи". Как рак красный стоит. "Что ж,- сказал он,- пусть будет по-вашему". А потом вы, Джафар-муэллим, меня к се-бе вызвали и спросили: "Жена есть?.." И я тотчас по-нял, что вы и есть покровитель Амираслана". "Хохоту было, когда он рассказывал!.." - говорит Джа-фар.

"Хохот хохотом, а многого вы не знаете, Джафар-муэл-лим, какая это птица, ваш Амираслан!" Хасай резолюцию-то наложил на заявление, да только завкадрами знала, что если Хасай не полностью свою фамилию вывел под резолюцией, значит, день-другой повременить надо с приказом. И, как ушел Амираслан, стал наводить справки, кто он и чей человек. Тут же Хуснийэ позвонил: "Не знаешь такого? Амираслан Велибеков". - "Что-то знакомая фамилия".- "И мне то-же так кажется".- "Да это же брат жены Джафара-муэллима!" Вот это связи у Хуснийэ! Два-три телефон-ных звонка, и полная справка о человеке, его отце, его родственниках, его тайных связях - кто за кем ухажи-вает и кто с кем водится. "Ну да, конечно, Сеяра-то Ве-либекова!.."

Остроумный парень Амираслан! Врал первое время Хасаю, мол, долго работал в Африке. "Как за колючей проволокой жили,- рассказывал.- В джунгли нель-зя звери, в саванну нельзя - змеи, в реку нельзя - крокодилы". "Да, Джафар-муэллим, вам и не снилс-я такой работник!" Амираслан как-то сказал Хасаю, он знал, когда у шефа хорошее настроение. Утром лучше ему не попадаться, за ночь накапливалась желчь, во сне, что ли? А утром тяжесть на душе, в горле от желчи горит. Лучше первым не попадаться ему на работе. Какая сводка? И звонит Главному по трамваям и трол-лейбусам: "Жалуются на вас! Часами болтают на оста-новках!" Потом главному по автобусам. Так вот, Ами-раслан знал, когда с Хасаем пошутить можно: "А знае-те, в конверте-то ведь не деньги .были!" - "А что?" -

"Обыкновенная бумажка!.. На всякий случай!" Ну, до такого бы Хасай не додумался! Чтоб бумажки вместо денег!.. Вот и подвели пальцы Хасая, а он им очень и очень верил, этим пальцам, сколько через них этой са-мой бумаги прошло шуршащей!.. А может, врет Амираслан? Но с какой стати? Это он сказал, когда все же решил сделать первый подарок: бритву "филиппс-люкс" с плавающими лезвиями.

Слово в слово помнит Хасай тот разговор с Джафаром, когда он рассказывал об Амираслане: "Но парень что надо, ваш протеже. Культурный, работающий, знает, с кем и как разговаривать, учтивый... Люди иной раз думают: мол, хорошо живет человек, значит, не на зар-плату". Вот бы сказать Джафару: "А это и не деньги были, липа!.." Очень на Амираслана разозлился Хасай, но не подал виду: "Ах ты наглец! Меня надуть?" Не будь здесь замешан Джафар-муэллим, прочил бы его, как вместо денег бумажку простую подсовывать! "Да вы же знаете, друзей у меня в районах видимо-не-видимо, не мне вам рассказывать, Джафар-муэллим, люди меня уважают, посылают часто кто ягненка, кто сливки, ножом можно резать, кто фрукты, орех, фун-дук... А я все раздариваю соседям, родственникам, друзьям. Сколько сам съешь? И как не взять? У каж-дого с десятков овец, бараны, не примешь, обид не оберешься!"

- Нет, забыл я, не у нас мы виделись! - сказал Хасай.- На поминках, третий день, кажется, по тестю

Амираслана!..

"Опять Амираслан!.." - подумал Джафар, а Хасай уже о других поминках думает.

- Да, Джафар-муэллим, жаль, что мы все чаще по горестным случаям видимся...

- Ладно, давай о другом! - говорит Джафар.

вот-вот! о другом расскажи! о хромом, что ходит к тебе!

"Ты думаешь, откуда у него столько денег? Видал хро-мого?- это Гюльбала рассказывал Мамишу.- А когда отец в дорогу собирается, как по команде несут, на блюдечке". Но о блюдечке Мамиш слышал и другое, о прабабушке в их семье любили вспоминать, особенно Хасай, мол, она то ли на золотом, то ли на перламут-ровом подносе дары подносила, и кому бы - самой им-ператрице!

ты о хромом расскажи, а мы с Джафаром-муэллимом послушаем!

- Плоть довольна, сейчас никто с голоду не умирает, на черный хлеб и белое масло у каждого найдется, но дух мечется и покоя ему нет.

а ты все-таки расскажи! И уже Джафар-муэллим:

- Усталый, утомленный вид у вас, Рена-ханум.

- Тяжело у нас женщине, дом вконец изматывает. А где Октай?

- В группу ушел.

- Да, да, ходит он у нас в группу немецкую, к ста-рой учительнице, и ей подмога к пенсии, и нам хорошо. Мамиш смотрит на руки Рены, на них выступили жи-лы, взбухли вены, пальцы неухоженные. "Неужели и та и эта - Р?" Репа поймала взгляд Мамиша, поспешно убрала руки. Но куда их спрячешь? Молодое лицо и старые руки. Посидев, вышла. Когда выходила, слег-ка наклонила голову, будто кто-то собирается ударить. Ушла торопливо, бочком. Раньше Мамиш не замечал за ней этой пугливости.

а ты расплачься, Мамиш! и капнут твои сле-зы на ее старые руки!

Джафар-муэллим давно приглядывался к Хасаю, хотя знал его еще с войны. А когда Амираслан рассказывал о нем, Джафар-муэллим и жена вдоволь повеселились, а что смешного, и сами не знают. И Джафар-муэллим все никак не соберется к Хасаю - на новое жилье его посмотреть и с новой женой познакомиться. Лет десять назад Хасаю крепко досталось бы за всю эту затею со старой и новой женой. Десять? Нет, чуть больше. А как круто изменилась карьера Джафара! До этого шел в го-ру, с промысла выдвинули в райком,

несколько наград в годы войны получил, потом в горком направили, и по одному только заявлению совсем незнакомой женщины-ны, Джафар как-то мельком ее видел, по злобе, а за что, и сам не знает, выдуманной историей о его домоганиях, сняли и снова на промысел сменным инженером направили...

Трудно понять Хасая: не разводится со старой и не женится на молодой, любимой. Причина была, конечно, да о ней не знал никто, кроме самих Хасая и Хуснийэ. Вздумал бы Хасай "опозорить" Хуснийэ - а развод для нее и есть позор на весь город,- Хуснийэ такое натворила бы, что Хасай провалился бы в глубокий колодец и никогда не выкарабкался оттуда. И самой Хуснийэ, конечно, достанется, но она пойдет на все, Хасай ее знает. Хуснийэ напомнила мужу о тех историях, что знал и Мамиш: "А что я теряю? Не я, а ты измывался над Дэли Идрисом! И они живы - и Идрис, и Ильдырм!" А потом перечень совместных акций, неведомых никому, кроме них, хотя Мамиш и мог слышать, как однажды Кязым сказал Тукезбан: "Твоего братца знаешь как прозвали? Бриллиант Хасай!" А Тукезбан заступилась за брата: "Это сапожник приклеил ему еще со времен войны".- "Но не отклеилось!" На все пошла Хуснийэ-ханум, когда Хасай обнародовал свои отношения с Реной и даже в гости стал ходить с нею. А сколько раз Хасай бил Хуснийэ за то, что не сдержала язык. Но она еще не выговорилась и это удерживало Хасая от окончательного разрыва. Именно потому, что Хасай проявил благоразумие, Хуснийэ укрепились в убеждении, наполнявшем ее чувством гордости, что никакая Рена, да что там эта Рена, тысячи Рен не отнимут у нее Хасая. Первая все же она. И пусть пока Хасай с той. Пройдут годы, поулягутся страсти - не век же ему скакать верхом,- и он снова вернется сюда. Кто-то собственноручно слышал и тут же выложил Хуснийэ: "Хасай говорил: "Старшая моя жена!" И если она, Хуснийэ, старшая, Рена, выходит, младшая.

Но встрече с Мамишем Джафар-муэллим очень рад. А почему бы и нет? Только зря этот молодой человек так недружелюбно смотрит на него. Уж не ставит ли его на одну доску с Хасаем?! "Ну, это он зря!.." Джафар любил предаваться размышлениям, подолгу вглядываясь из окна своего кабинета в морские дали. Смотрит молча и думает, пока не раздастся глуховатый звонок телефона. "Аскеров слушает!" Телефоны разнятся по цвету и по звонку: красный, зеленый, вишневый, шоколадный, белый; и звонки тоже, но нюансы эти различает только Джафар; может, и помощник тоже, он работает у Джафара давно; секретарша, как зазвонит телефон, а Джафара нет, вбегает и не знает, какой звонит. "Вы прежде всего эту трубку поднимайте",- Джафар показывает ей шоколадный телефон с глуховатым звонком.

Джафара бы очень обидело, если бы Мамиш уравнивал его с Хасаем, будто с одной бахчи арбузы. И, глядя на Мамиша сквозь толстые стекла роговых очков, мысленно говорил ему: скороспело судишь, все гораздо сложнее, чем тебе кажется. А посиди на моем месте (так его и пустят!). И нельзя знать, как бы ты поступил, окажись на месте своего дяди. А что? Разве не так? И со скобками и без них. А ты попробуй узнай (как сообразить Мамишу, что Джафар-муэллим с ним по душам беседует?), каких страстей раб твой Хасай? (Окажется, и философские пласты бурить надо - и все Мамишу да Мамишу: и для Гюльбалы, и для Р, и для Джафар-муэллима, и для Гая - бурить и бурить!..) Потолкуем давай (пока телефон на столе молчит) о Ха-сае. Одну минутку! "Аскеров слушает!.. Да... нет". Хо-рошо, что не надо спешить. Так вот. И снова телефон. Но, к счастью, здесь у Хасая телефона нет и Джафар может вволю беседовать с Мамишем. Как общественная личность, дядя твой, я согласен, вреден, может быть. Это ясно? (Только им двоим, Мамишу и Джафару, если они заговорят без Хасая. Но ни в коем случае не в кабинете! "Аскеров слушает!" А именно здесь, в микрорайоне.) А как отдельно взятый человек, так сказать, Робинзон, по-своему он находчив, энергичен. И родственные связи для него, к примеру, ты, племянник, превыше любых иных. "Джафар-муэллим, можно слово?" - "Ну, конечно".- "Давайте вернемся к связям общественным, производственным, деловым..." Ну вот, и обиделся Джафар-муэллим. "Вот

вы говорите: "Если даже по ту сторону окажется брат". Что это? Дуло против дула?" Нет, любо потолковать с Джафаром-муэллимом после плотного ужина и если при этом прекрасная погода. Потолковать, гуляя по бульвару, поблизости от гостиницы "Интурист", в новых районах набережной. Ищешь в Хасае слабинки, продолжает Джафар-муэллим, и начинаешь распутывать, и ниточка или рвется неожиданно (ведь гнилая, как не рваться?), или приводит к такому твоему другу, что ахнешь только (и в этом Джафар-муэллим, как всегда, прав). Ты с Хасаем борешься в открытую, и вдруг но вы же в гостях у него! едите с ним, пьете и тут же толкуете о борьбе?!

сбоку или сзади тебе наносят (он этого, правда, еще ни разу не испытывал) неожиданный удар; оказывается, человек, которого ты считаешь нужным изобличить, муж дочери некоего большого человека (предположим, и. о.), или его двоюродная сестра замужем за таким деятелем, которого и увидеть-то можно издали, разве что в праздник; тут гляди в оба! Можно ли (любит Джафар-муэллим риторические вопросы!) с легкостью вырвать корни старого дуба (голыми руками нет, а с бульдозером - да), которому сотни лет или все полтыщи, семеро не обхватят такой дуб (и Джафар-муэллим видел такие дубы, Мамиш тоже как-то ездил к родст-веннице Хуснийэ-ханум в Закаталы и даже сфотографировался на память возле такого дуба)? Вот и пойми, что предлагает Мамишу Джафар-муэллим. Джафар осмотрелся, и этот его взгляд был замечен Хасаем. "Пусть глядит,- подумал Хасай,- пусть видит, что со мной можно дружить, будет мне щитом, стану ему мечом".

Неплохо живут. Вся квартиру увешана и застлана ков-рами, кроме, конечно, потолка, и то потому, что не удержатся там. Рена после замечания Джафара ушла, переделалась, в ушах серьги, на пальцах кольца, и рука тотчас заиграла; кого теперь удивишь хрусталем, сервизами и прочими теле-магами? Рена хороша, не срав-нишь даже с молодой Хуснийэ. Джафар раньше, чем с Хасаем, был знаком с Хуснийэ, может, поэтому долго не принимал приглашения Хасая, чтоб та не обиделась. Перед войной и в годы войны он часто слышал Хуснийэ на митингах; о дисциплине, о подростках, которых надо организовать, о массовых воскресниках, о сборе метал-ла - сколько медных ручек с дверей было снято, сколько казанов и подносов сдано. Говорила она горячо по поручению женотдела.

Мамиш изучающе, как показалось Хасаю, смотрел на Джафара. "Еще ляпнет глупость!" И тут же заговорил ни с того ни с сего:

- Да, Джафар-муэллим, ваш опыт, ваши стратеги-ческие способности...- "Ты" здесь неуместно прозвуча-ло бы.

- Но без вас,- перебил его Джафар,- без тех, кто делает каждодневную работу на своем посту, вряд ли мы добились бы успеха.

давай и ты, чего молчишь?

- Что вы, Джафар-муэллим! Если бы не ваши свое-временные указания и решения!..

И что это он вдруг? Или что-то было сказано и он про-пустил?

Мамиш как-то странно смотрит, неудобно стало Джафару, и он, как ему показалось, перевел слова Хасая в шутку:

- Ну, я должен сказать, что наша наука не отрицает роли личности в истории.

"Ах, Джафар-муэллим, многого вы не знаете!.." Вот взять бы ему, Хасаю, да сказать: "Знаете, что мне сего-дня Амираслан ляпнул? Я спешил домой, от всех и от всего подальше, к Рене, в свою крепость, где только я и Рена, и вот на тебе - Мамиш собственной персоной явился!.. Но я не о нем, я об Амираслане! Я ему вас хвалю, а он вдруг возьми да буркни: "Мямля Джафар-муэллим!" Я опешил. А он, будто я не расслышал, рез-ко так повторяет: "Да, мямля!- И поясняет: Народ движется, а он застрял на первом замае и ни шагу впе-ред! Двигаться надо всем!" -"И тебе?"-спрашиваю. "А как же?"-отвечает. "На мое место?" -"На ва-ше?- и расхохотался.- Кому нужно ваше место? Мне оно уже не нужно!" Люблю его за эту откровенность, кровь не застаивается, играет, когда с ним беседуешь. "От ступени к ступени -

это не по мне! Нужны качественные рывки! Отсюда меня, к примеру, сперва в за-мы, потом на практическую работу в главк, потом за-вом, а там, глядишь..." - "Министром?" - "От зава - к министру, ну нет, маловато, давай повыше!" - "На место Джафара-муэллима, что ли?" - "А хотя бы!" - "Ай-ай-ай!- говорю ему.- Выживать своего роди-ча!.."- "Почему выживать? удивляется он.- Когда вы перестанете мыслить этими устаревшими катего-риями? Не выживать, а вытолкнуть его повыше и на его место сесть!" - "Ах вон оно что!говорю.- Надо мной, значат!" - "Если вы будете сидеть сложа руки... Вы должны будоражить, беспокоить, о себе напоми-нать, не давать передыху: "Месячник безопасности!", "Неделя взаимной вежливости!", "Ни секунды про-стоя!" Напоминайте, выводите из сонного состояния!" А мне интересно, что он о себе думает. "Ну, а дальше вы куда?" - "Дальше? Движению нет предела!!!" "Ого!- подумал я.- Мы с тобой, Джафар-муэллим, дети! Вот оно подрастает, поколение!.." Надо же чтоб так совпало! Когда Джафар-муэллим ехал сюда, он думал о том, какой сон приснился ему минувшей ночью. Там тоже Амираслан фигуриро-вал. Вернее, не во сне, а в разгадке его участвовал. Потому и завел речь с Хасаем о всяких передвиж-ках именно сегодня. А сон у Джафара был стран-ный.

Джафар-муэллим рассказал о нем во время завтрака. Во второй этаж двухэтажного дома, стоящего на берегу быстротечной реки, врезалась машина, запряженная конем; конь сломал перила балкона, подался всем кор-пусом вперед и почти повис на рекой; Джафар будто на козлах стоит за конем, но перед машиной, застряв-шей в комнате. Стоит и рыбу удит; вернее, поймал на крючок, да вытащить не может - удочка слаба, гнется в дугу, вот-вот сломается. Но Джафору жаль расставаться с добычей; именно эта самая рыба, кото-рую он поймал, рванулась и вынудила его врезаться машиной в дом, и конь повис над рекой; если рыба рез-ко, подается вперед, и конь, и Джафар-муэллим, и ма-шина полетят в реку; но очень уж не хочется ему отпускать рыбу - такую большую, серебристую; он подтягивает ее слегка, сдерживает, чтоб не уплыла, удочка гнется, и конь, как статуя, стоит, не шелох-нется.

- Абсурд какой-то! - рассказал и сам же ответил.

- Нет, с большим смыслом! - сказал Амираслан, приходивший иногда завтракать к своей сестре, чтобы жену не обременять.

А Джафар, когда проснулся, еще лежал мину-ту-дру-гую с закрытыми глазами, ломал голову: что бы сие означало? Вспоминал разговоры и думы последних дней, хотя бы вчерашнего: о рыбной ловле не говори-ли, коня не вспоминали, о реке и не мечталось, когда за окном целое море, гляди и любуйся; да и удочку Джафар, вот в чем загадка, ни разу в руках не держал!

Говорили, правда, об осетрине, которую ни за какие деньги не достанешь.

- А я вот что думаю, Джафар.- Сеяра стала вдруг серьезной.- Рыба серебристая. Рыба - удача. Сереб-ро - к новому известию. А вода - это ясность. Ты ее поймал, удачу, и держишь, это очень даже хорошо, а известие будет ясным, новое повышение!

- Ну, скажешь тоже! Просто я устал!

- Нет, Джафар, бывают вещие сны! - не соглаша-лась Сеяра.- И сон этот не из простых. Вот только не пойму, что бы это означало: машина, запряженная ко-нем! Конь, как статуя,- хорошо, памятники славы все с конем, машина-фургон не знаю, и то, что Они врезались в дом, тоже непонятно. Но главное я сказала: засиделся ты, пора двигаться.

- Вот-вот! - заметил Амираслан.

- А куда? И без того высокий пост,- заметил Джафар. "Мямля!"-подумал про себя Амираслан и возразил Джафору:

- Бывает выше!

- Что ты имеешь в виду?

- Одним из трех!

- Куда хватил! - улыбнулся Джафар.

- А что? - Лицо у Амираслана круглое, довольное. Он сказал то, над чем нет-нет и задумывался Джафар.

- Почему бы не стать?- продолжал Амираслан.- Со-лидный опыт работы есть? Есть! Республика знает? Знает! Один из них болеет, и неизвестно, какая у него болезнь, так что Сеяра права.- Амираслан страсть как любил собирать вести о больших людях, на каждого папку завел, вписывал новости: кто за кем и кому кем доводится. Вот почему и с Хасаем сегодня говорил о передвижках.

День близился к концу, а сон требовал разгадки.

- Чует мое сердце, что-то у вас на языке вертится!

Угадал?

Джафар дружелюбно посмотрел на Мамиша. На него же настороженно уставился Хасай. И Р, почувствовал Мамиш, сжалась вся на кухне в ожидании нового уда-ра. Гость, сузив глаза, улыбался Мамишу.

- Он всегда такой, Джафар-муэллим, сидит и мол-чит, не беспокойтесь.

- А чего мне беспокоиться? Я птицу узнаю по поле-ту.- И опять смотрит на Мамиша, непременно услы-шать его хочет,- Ну?

- Вы правы.

_ Вот я и говорю, от вас ни слова не слышали. уж так и ничего?

- Взглядом скажешь больше.

- Ну, это не всегда! Вот вы, например, и не подозре-ваете, о чем я только что думал. Или какие мысли в голове Хасая роятся.

- Вы совершенно правы!

а вы, оказывается, и не просты!

- После всего, что случилось...- Мамиш умолк. "Стоит ли?" Все молчали, ожидая, что он скажет, а Ма-миш и не думал продолжать.

- А что случилось? - Джафар недоуменно посмот-рел на Хасая.

- Я же сказал, не обращайтесь внимания,- успокоил гостя Хасай.

- А все же? - допытывался Джафар.

- Случилась смерть.

- Ах, вот вы о чем!..- Джафар вдруг остыл.- На каждом шагу подстерегает человека.

- Да, одно к одному, одно к другому... И тесть его. Уж не это ли, я думал, потрясло моего сына?

- А что тесть?

- Как что?! - изумился Хасай.- Скандал ведь!..

- Это который?

- Насчет кадров-то, по сигналам!

- Так это...- сказал и осекся Джафар.- Это он и есть?!

- Ну да, это тесть моего сына!

- Как же я забыл! Конечно, ты говорил мне, просил даже сватом пойти, да не смог я. "Как хорошо, что не пошел тогда!.."

- Да, вы заболели неожиданно... Бедная невестка! Там отец, здесь муж... Но я их не оставлю, помогу непре-менно.

- Да, хлестко на пленуме о нем говорили, яркая речь была, ничего не скажешь, давно таких речей не слы-шал. Газету потом из-под полы, киоскеры нажива-лись... Из рук хватали!

- Ну, ед, ну, копил, так остановись же! - негодовал Хасай.- Куда столько? Нет же, дорвался человек, оста-новиться не может!

"Вот где! вот где!" - Хуснийэ тычет пальцами, а по-том по слогам читает, заучивает, прекрасная память у нее.

- Соседи наши тоже, читал?

- А как же, Джафар-муэллим!.. Я вот тут себе запи-сал, на память.- Хасай с шумом отодвинул стул, выта-щил из ящика записную книжку.- Вот: "Теперь мало кто бравирует количеством дач и бриллиантов!" Вида-ли? Или: "Предпочитают иметь репутацию человека скромного, живущего на трудовые доходы"...- И за-крыл книжку.- Соседи наши, Джафар-муэллим, мо-лодцы, но первыми все-таки мы начали!

- Ну да, мы.

- Я так думаю: надо чистить и чистить!

и с вас начать!

Хасай и Джафар вдруг оба посмотрели на Мамиша. А он что? Он молчит.

- Это ты правильно говоришь, Хасай, что верно, то верно.

Джафар тогда слушал внимательно, а потом целую неделю изучал фразу за фразой, конспектировал. Ока-зывается, и Хасай кое-что себе записывает, не ожидал Джафар!..

- А как же? Слова-то какие замечательные! "Как хорошо, что я не пошел сватать!.. Сейчас все учи-тывается" . Как у Амираслана.

- Охо! Мы тут сидим, а меня внизу машина ждет! Уже десятый час, а машину просил прислать к полови-не девятого.- Грузно поднялся.

- Рано еще, куда вы? Я думал, в нарды поиграем...

- Ах, блаженное время!..- вздохнул Джафар. "До нард ли?"

- Пошлю Рену, чтоб шофера пригласила.

- Нет, время уже,- сказал твердо.

Рена стояла у порога, вытирая, мокрые руки. Обычные заботы, что с нее возьмешь! '

- Хорошие у вас руки, спасибо за теплоту! - И Ха-саю:- И тебе спасибо, познакомил меня с племянни-ком. Только молчал он, но ничего, по дороге мы с ним поговорим по душам, все у него выведаю!- И улы-бается. Вышли.

Выходя, Мамиш бросил взгляд на Хасая. Зрачки его глаз вращались, как ротор. Что здесь будет твориться?.. Хасай должен сказать что-то напоследок Мамишу. И сказал:

- Дурь,- знак рукой: мол, выкинь из головы.

- Куда вас отвезти? - спросил Джафар, как только они вышли из подъезда.

- Я люблю ходить пешком. __ Я тоже.

так вам и поверили!

- Но не получается.

подумают, что машины лишили!

- Уже час ждем тебя! - окликнул из машины звон-кий голосок.

- Видал? - Мол, прошелся бы пешком, да не дают.

ГЛАВА ПЯТАЯ - рассказ о том, как Мамиша опереди-ли ("У дурной вести быстрые ноги"), как на него напа-ли ("Если б знать, где упадешь, подстелил бы перин-ку"), угостили звонкими оплеухами ("Не поднимай камень, который не под силу"), но Мамиш не сдается, Мамиш упорствует ("Две ноги сунул в один баш-мак - и ни шагу назад!"), Мамиш контратакует, Ма-миш тянется рукой к отпиленному бивню мамонта. Ма-миш...

А зря не согласился он сесть в машину Джафара-муэллима!.. Ему, видите ли, пешком нравится ходить! Как только Джафар-муэллим и Мамиш вышли, Хасай, чтобы вытащить из сердца занозу, тяжелой пощечиной обжег щеку Рены. Даже качнуло ее, а заноза тор-чит. Хасай выскочил на улицу, открыл ворота гаража, выкатил машину и к Аге. Посадил Агу и к Гейбату, а потом с обоими братьями к старому своему дому, но не совсем к воротам, а кварталом выше, чтоб никто не увидел, не растрепал: "А Хасай все ходит к своей Хус-нийэ!.."

А Мамиш был еще в пути: дядя на колесах, а ,он пеший. Хоть и несказанно изумил Хуснийэ неожиданный визит братьев Хасая (сам он не пришел, остался сидеть в ма-шине), она

все же подавила возмущение, потому что, как доложили Ага и Гейбат, приход их вызван вопиющим поступком Мамиша, который осмелился ворваться к Хасаю и оскорбить его. Если разговоры пойдут, пятно на всех, скандал на всю республику, позор перед знакомыми. "Что сказал? На Гюльбалу напраслину возвел! Будто тот ему сказал, что Хасай взятки берет! И у Хуснийэ своя доля с каждой взятки. Ему, Гюльба-ле, тоже перепадает!" Хуснийэ и слова вымолвить не могла. "Он бы, конечно, не осмелился так вот и сказать Хасаю, но именно этот яд источали его слова!.. Хасай даже подумал, что ты его натравила из-за этой, будь она неладна (так нужно для дела), Рены". О любви ни слова: ни Хасай братьям, ни братья Хуснийэ. Хасай оскорблен как глава семьи, венцом которой является она, Хуснийэ. Мыслимое ли дело, чтобы она не заступилась за своего законного мужа-кормильца? Чтобы сын Кочевницы так обнаглел!.. На кого руку поднял? Чуть ли не на отца. Тот, что в Ашхабаде, не в счет. Ай да Мамиш! Отрастил верблюд крылья, с орлом тягаться вздумал! Она Мамишу - пусть только явится,- она ему такую свадьбу сыграет!.. И Мамиш явился.

На балконе, где на перилах выжжено Р, его торжественно встретили Хуснийэ и дяди, почтительно проводили в комнату и заперли дверь.

- Что ты по дороге рассказал Джафару?! - спросила Хуснийэ-ханум.
вот что вас напугало!

- Джафару? А кто это? Ах Джафару-муэллиму! Забыл и вспомнил, потому что опустили "муэллим", а без приставки этой имя звучало как чужое, незнакомое.

- Говори! - пригрозил Гейбат.

- Он на колесах, а я пеший.

- Что-что? - переспросила Хуснийэ. Братья недоуменно переглянулись.

- Хватит дурачка разыгрывать! - Это Ага сказал.

- Позор какой! Кто ты такой, чтоб портить кровь Хасаю?! Ты и мизинца его не стоишь!- Хуснийэ не стерпела, бросилась в бой, нарушив тем самым уговор: выведать все у Мамиша, и то, что сказал, и то, что подумал.

- И вы с ними?! Вам ведь радоваться! внук у вас!

- Клянусь честью, помутился у Мамиша разум! - Это все Ага в одну точку бьет: что с дурака возьмешь? Спятил, не иначе.

- Что за чепуху мелешь?

И тут Хуснийэ осенило. Но, к удивлению Мамиша, она вдруг запричитала:

- Пепел на твою седую голову, Хасай! Человек, которого ты называешь племянником и чье имя даже в со-бачьем роду не значит, топчет твоё доброе имя!.. Причитает и плачет.

- Почему я не умерла раньше тебя, мой Гюльбала?

На кого ты меня оставил?

Слезы Хуснийэ были никак не предусмотрены.

- Мы еще не умерли...- это излюбленное бахтияровское,- чтоб кому-то позволить пятнать главу рода! А взбесившегося образумим не словом, а кулаками!

- Чего же вы ждете? Образуйте его! Честно говоря, надеялся на нее Мамиш, ведь соперницы. И братья, думал, племянника не тронут, сестра им не простит. Да и что он такое сказал, еще ведь впереди то, что скажет им. "Надо бы выбраться отсюда". Но Гейбат пригнул его книзу.

- Сядь!

Мамиш оттолкнул дядю.

- Драться? Да я тебя, как цыпленка! Сиди, щенок! Слегка коснулся подбородка, будто срезал воздух, а из глаз посыпались искры.

- Руку на меня! - Мамиш провел пальцами по губам, увидел на них кровь и вскочил. Пнул ногой Агу, увильнул от удара Гейбата и к выходу. Ага схватил его за ногу. Мамиш упал. Падая, задел кровать, прижался к стенке. Протянул руку, чтобы взять что-нибудь тяже-лое,

задел будильник. Часы звякнули коротко, свалились на пол, и в ту же минутку Гейбат прыгнул к Ма-мишу на одной ноге. Мамиш увидел лишь кулак с арбуз величиной. Почувствовал, что из носу пошла кровь - след ее на кулаке Гейбата. "И отброшен с липкой массой нож". И голос Хасая: "Вымоет кто-нибудь этот нож?!" И бежит к нему жен-щина, и смотрит на Мамиша мальчик, чем-то похожий на Гейбата. От обиды зажглась огнем гортань, просту-пили слезы.

- Осторожней, вы! - шепнула Хуснийэ.

- В тюрьму вас упечь!.. Молодец Рена! - И пере-дразнил:- "Она на вас глаза пялит!" Хуснийэ подскочила к Мамишу, чтобы глаза ему вы-царапать, но Ага остановил:

- Он же сумасшедший, не видишь? Стукнет!

- Еще? - спросил Гейбат, а Мамиш вскочил, схва-тил стул, кинул в него, но попал в шкаф. До бивня рука не дотянулась, схватил будильник, метнул в Гейбата, снова не попал. И тут же спину обожгло - Гейбат уда-рил его массивной палкой с резиновым набалдашником. И Ага по голове со всей силой.

- А это,- сказал тихо,- за тюрьму. Придушим, и следа не останется. ,

- Поплатитесь! зверье!

- Я вас выведу!

- Выводи! Выводи!

И снова удары, никак не увернуться. Огрел раза два Гейбата, но рука будто о скалу, что ей, скале? Повали-ли на кровать, Ага - за ноги, Хуснийэ - за руку, дру-гую придавил к железному краю кровати Гейбат, и перед глазами Мамиша снова замаячила огромная рука, она закрыла все лицо, вдавила голову в подушку.

- Всех вас!..

- Жаль, что племянник, заставил бы мать запла-кать! - От удара по лицу потемнело в глазах. Приду-шат, им ничего не стоит. Умолк, отвернулся. Першило в горле. Видя, что Мамиш затих, Гейбат отошел, выпря-мился.

- Давно бы! Если еще что услышу, язык вырву! Я таких перевидал много, голову, как цыпленку, сверну! Мамиш молча смотрит на Гейбата.

- Смотри и запоминай!.. Хуснийэ-ханум, если осме-лится хоть словом!..

- Я ему осмелюсь!

' В это самое время вошел Хасай. Он долго ждал в ма-шине и, видя, что братья не возвращаются, решил идти сам, как бы чего не натворили, особенно Гейбат. Увидев Мамиша лежащим на кровати, сперва перепугался, а потом возгордился: вот какие они у него, братья... В огонь и в воду за него пойдут! Заботило одно - заста-вить Мамиша молчать, чтоб разговор не вышел за сте-ны их дома. Потом придумают, как его наказать. И раз-берутся, что правда, что ложь. Зря ударил он Рену. Зря! Чтобы Гюльбала, его сын?! Чего только не делает с человеком ревность?! Ведь, кажется, как мужчина с женщиной договорились! И сама же ушла от него! "Ни рыба - ни мясо". Придумал и подло соврал! От Кязыма только такой и уродится! Как он мог считать его своим, Бахтияровым?! От этого племянника всего мож-но ждать. Так вот, Мамиш! Получил свое? Это только начало!..

- Надоумили его, вижу. Теперь, прежде чем рот от-крыть, подумает. И ушли. Дым табачный.

И тихо на балконе.

Даже лампа тускло горит. Если бы не распухший нос и не кровь, прилипшая к щеке, будто и не было их. Встал, умылся, подошел к зеркалу. Не беда, сойдет. Не жаловаться же в суд, мол, дяди избили. А неплохо бы! Нет, не годится. Надо прежде всего отобрать у Хасая красный билет. Нельзя, чтоб оставался у него, ни-как нельзя.

"А у Дива душа хранилась в стеклянной бутылочке. И кто ту бутылочку возьмет, с тем Диву не сладить". Поднял часы. Будильник четко отсчитывал секунды. Отстукивает свое и на

боку, и циферблатом вниз, и ко-гда падает. До чего живучий. Холодит горячую ладонь. И бег секунд успокаивает. Уже два ночи. Поставил рядом с бивнем. Скоро начнет светать. Достал из холо-дильника бутылку пива. "А у Дива... в этой самой бутылке!" В холодильнике пусто: пяток яиц, брынза. Завтра сделает яичницу. На берегу, в городе питался нерегулярно - и некогда как-то, и неохота. Не то что на острове: и вкусно, и дешево. А здесь ломай себе голову, где и когда. И с кем. Какие шашлыки бывали у Гейбата! Раз-раз-раз - и шкура отброшена вместе с ножом. "Вымыл бы кто этот нож!" Отобрать, отобрать!.. Из бутылки сначала пошел легкий дымок, потом пена через край полилась. Холодная струя остудила горло, налил еще. На дне осталось немного, два-три глотка, выпил прямо из бутылки. Разлилась по телу прохлада, мысль заработала четко. Они еще пожалеют! Не раз-деваясь, прилег. И вдруг боль в руке, той самой, кото-рую Гейбат придавил к железному краю. В кармане брюк что за бумажка? Полез, а это визитная карточка Джафара-муэллима. Прощаясь, дал. Помялась карточ-ка, стала как тряпка. Если бы Джафар-муэллим знал, во что она превратится! И почему?! Имя, фамилия на русском и английском, без "муэллима", и два номе-ра, оба служебные. И адрес, тоже служебный. Ска-зать ему? Но как быстро простила Хуснийэ-ханум Рену.

И горе отодвинулось. Пора уже идти. И Мамиш пошел. И Р дома одна.

Если бы Хасай тоже был дома, начать было бы труд-ней. И Хасай спешил подальше от всех! От Амираслана! От всяких накачек, звонков, забот!.. А тут Мамиш! Вез спросу!

Если бы не Джафар-муэллим... Как-никак спаситель Мамиша. Погиб, спасая честь? А чью? Погиб, мстя? Но за что? И за кого? Гюльбалу? Или за себя? "Всех женю! И начну с вас, с Гюльбалы и Мамиша!" И начал. "Схва-тишься за горло бутылки, и Див тут как тут, только успеи разбить бутылку!" А во сне кругом песок - как разбить? Бутылку о песок, а она набок валится и ниче-го с нею не делается. Песок и песок, а Див уже тут, і рядом, вот-вот достанет рукою до тебя. Черт знает что! Сказки какие-то.

ГЛАВА ШЕСТАЯ - рассказ о том, как Мамиш весь день был на ногах и его носило по городу - нырнул в центре и вылез на окраине, заблудился на узких ули-цах и в тупиках Крепости, ходил по Баилову, а вести о нем доходили из Арменикенда, и в Черном городе побывал и во дворе мечети Тазапир, и посмотрим, чем завершились его скитания. В кабинете у Хасая висит карта города, на ней ясно: где Крепость и где Баилов. Даже мечеть обозначена в виде минарета. Ну, и Черный город тоже. И Арменикенд. У каждого свое лицо, своя история, свой запах даже.

Мамишу бы спать и спать, да только тщетно бутылкой об песок - надоело, встал рано. И быстро покинул дом. Так осторожно, будто братья Хасая сидели в засаде, поджидая его. Конечно, Хуснийэ узнает, что Мамиш ушел рано. Спускаясь, глянул на ее балкон. И когда она только спит? За стеклом сверкнули глаза Хуснийэ. По спине Мамиша мурашки побежали. А потом она пальцем поманила его. Шайтан нашептывал Мамишу: вернись, повали старуху, избеи... Это же дьявол!.. Но не стал слушать он нашептываний шайтана, спустил-ся и вышел на улицу. Никого! Даже того мужчины нет, который подозрительно смотрел на Мамиша, провожая его взглядом. Если б на карте, что висит в кабинете Хасая, прочертили путь Мамиша - а он разрешил бы испортить карту ради такого дела, все-таки интересно знать, куда это носит сына Кочевницы, а кочевье в ду-ше, в крови Мамиша,- так вот, если б и прочертили, ничего бы не поняли: ни тот, кто чертит, ни тот, кто за городской транспорт отвечает, даже за подземный. Тем более что вначале маршрут Мамиша не уместился на карте, а вышел за черту города. Но прежде Мамиш двинулся в сторону Сабунчинского вокзала, где жил Гая. Вошел в огромный1 двор, над которым нависли длинные балконы - квадратные, застекленные. Из од-ного конца двора просматривался другой. И все.окна и двери отворялись во двор. Крикнул снизу:

- Дашдемир!- Рабочую кличку Гая кто знает?

На крик отозвался мальчик, босой, черный от загара, как уголь, с курчавыми волосами.

- Вам Гая нужен? Вот тебе и не знают!

Мальчик внимательно смотрел на Мамиша. Такой здо-ровый дядя, а подбородок у него покраснел и разбух, под глазами синяки. Сам Гейбат постарался, знаешь его, он работает тут неподалеку, только рано еще, спит, наверное. Как и следовало ожидать, Гая с семьей на даче. Что ему жариться в городе? Мамиш знал дорогу туда и тут же обогнул памятник Самеду Вургуну, про-шел мимо городского вокзала, прозванного в свое вре-мя Тифлисским, и к электричке, на бывший Сабунчинский вокзал. Взял билет на Бузовны. А у Хасая карта удивительная, почти волшебная. И Мамиш на той кар-те вроде лампочки. Он ходит, и свет двигается, марш-рут прочерчивает. Долго стоял и ждал у карты Хасай: лампочка горела, но не двигалась. А потом вышла за пределы карты - значит, уехал Мамиш за город, а ку-да и зачем, вот и ломай голову.

.Мамиш приехал в Бузовны... Вниз и вниз - к морю, к даче Гая. А Гая там с песком воюет... "Все наступает и наступает!.." Удивительно, на дюнах, где они служи-ли - Сергей, Расим и он,- собирают песок, чтоб морю не отдать, берегут его, а здесь... А здесь песок наступает и наступает на сады, на дома, на виноградники. И ни-как от него не защититься. И злющий какой, полчища несметные мириады... Гая втыкал в землю доски - щиты. День-два, и песок заносит их, сыплет и сыплет - не удержишь, шагает и шагает на сады. Мамиш Гая как-то сказал: "Люблю я песок! Жаркий, мягкий, чистый!.. Искупался, ознобно, а ты грудью на песок, и сразу теплынь по телу... Хорошо!"-"Это,- огрызнулся Гая,- пляжное отношение к песку. А по-воюешь с ним, как я... На зубах хрустит, никак не уй-мешь его, жмет и жмет, все на своем пути заметает... Мириады песчинок, тьма-тьмущая, желтая масса так и Прет!.."

- Брось с песком воевать!

- А с кем же мне воевать, как не с песком? - гово-рит Гая. И удивленно смотрит на Мамиша.- Кто это тебя так, а?

А Мамиш молчит, всю дорогу, пока он ехал к Гая, ви-дел, как тот, разгневанный, с ходу стал одеваться: "Как? На тебя руку подняли? Дяди? Да мы их в мо-мент!.." Чтоб Гая да не заступился? И вот они идут, а куда? Ясное дело, говорит Гая, всех ребят позовем и...

К дядьям? Драться? Зачем же, пожимает плечами Гая. Даже не в милицию, а в райком, к первому секретарю! На бюро часто вызывали знатного мастера, когда дела буровой обсуждались, и не только. Именно туда, и всей бригадой, потому что рабочий класс оскорблен в лице Мамиша!..

А Мамиш молчит.

- Так кто это тебя? А?

- Хасай!

- быть этого не может!

- это дяди меня!

- Гейбат, Ага?

- а что? не ожидал? шашлыки его застила-ют тебе глаза?

- за что?!

Вот и выворачивайся наизнанку! Только начни - и уже каждый раз сначала. А в глазах: "Ну и интриган!.." - "Ну и кляззник!" - "Ну и..." - "На своего дядю-то!.." "Дошло до нас,- пишет Тукезбан,- что ты Хасая осра-мить вздумал..."

- Скажешь ты наконец, кто это тебя разукрасил?

- Да так... И сам не пойму.

- Не знаешь, кто синяк поставил?

- Упал я... Темно было...

- ...и скользко? Да?

- Откуда знаешь?!

- Расскажи кому другому! Подрался? Говори, не темни, если надо, постоим за тебя!
отдуваться-то потом мне! "за недоказанно-стью..."

- И что я тебя разговорами? Завтракал? После чая, отведав сочный черный тут, шелковицу, Мамиш вздремнул в тени инжирового дерева, на паласе. Жена, две дочери и два сына Гая, десять недоуменных черных глаз, удивительно похожих, точно тутовые ягоды с одной ветки, разглядывали Мамиша, такого большого и здорового парня, которого не побоялся кто-то обидеть; один человек с ним не справился бы, это ясно даже самому младшему, Поладу, их, напавших, было много, а это уже нечестно.

- Что же привело тебя сюда? - снова пристал Гая.

- Не рад, что ли?

- Да нет, молодец, что пришел! Мы сейчас на пляж!. море не опротивело?

- Я ненадолго.

- Такую дорогу одолел, и не искупаться?

- В другой раз.

- Марджан,- Гая повернулся к жене.- А что, ес-ли мы завтра? Мамиш не сообразил, а той сразу ясно.

- С удовольствием уступят половину.

А понимать, собственно, и нечего: очередной барашек, купленный в складчину с соседями.

- И соберем всех... Марджан, предупреди их. И Марджан Поладу:

- Беги к соседям.

- Не пойму, о чем вы?

- Вот тебе задание, раз своей охотой прибыл: уст-раиваем завтра пир, собираем всех наших. Давно вы у меня не были, а лето в разгаре. Перед последним штур-мом неплохо бы собраться!

"Вот и хорошо, голову забивать не надо. Пусть их!.. А из-за Октя ты еще помучаешься!.."

- Но как ты с такой физиономией по городу коле-сить будешь? Хорошо, что еще голова цела! У вас, между прочим, на крыльце всегда очень скользко.

- Вот, вот, там и поскользнулся!

- В родном доме падать не больно. как сказать!

- Это точно!

- И тебе надо от горя отойти.

только заикнулся и такая буря поднялась!

а если обо всем, что было?

А Кязым пишет: "Какого черта ввязался? Тоже мне! Молчал, молчал, а тут нате! Герой! Борец!.."

- Успели,- крикнула Марджан.- Полад догово-рился.

- Завтра днем и начнем. Шампуры надо почистить, давно не жарили.

И снова электричка.

Лампочка на карте Хасая загорелась и двигается, вот бы проследить, куда Мамиша носит, а Хасая вызвали на совещание.

В городе у вокзала Мамиш сел в троллейбус и в дру-гой конец города. Проехал мимо высотного дома, где работает Джафар-муэллим и у которого сидит сейчас Хасай, вдоль бульвара, миновал "Азнефть" и - на Баилов, к Сергею.

Маленькое их окно смотрело прямо на улицу, шумную и жаркую. Главное богатство комнатки - просторный аквариум с золотыми рыбками, хвосты веером. Рыбки лениво плыли между водорослями. Сергей удивленно уставился на Мамиша: что за фонарь под глазом?!

Чего рассказывать? Поскользнулся в своем же дворе, сам виноват; надо знать, где падать.

- Праздник какой или просто так собираемся?

- А без повода не можешь?

В прозрачной воде двигались золотые рыбки, щедро освещенные розовым светом. Тяжелые хвосты тянули вниз, но рыбы натужно стремились кверху поймать ртом воздух.

Сергей куда-то записал адрес Расима и не мог найти. Кажется, в Черном городе. Но Черный город - это ог-ромный город в Баку.

Может, Селим знает? И снова в троллейбус, в Крепость, к Селиму. Вошел со стороны Девичьей башни. Очищен-ная теперь от прилипавших к ней дряхлых домиков, башня казалась еще выше. На площадке у башни стоя-ли негры в ярких цветных рубашках, и до ушей Мами-ша донеслась чужая речь - гид, нарядно одетая де-вушка в огромных темных очках, рассказывала исто-рию башни, стены которой некогда омывались морем. Бросались ведь, спасая свою честь, отсюда в бушующие волны. Хуснийэ бы с Хасаем и Р сюда. И пусть разыг-рывают свои восточные драмы. "Старшая моя жена",- говорит Хасай... Пестрая толпа по широким ступеням поднялась наверх и остановилась, а Мамиш прошел дальше, затем повернул влево, снова наверх, еще на-лево. Мамиш однажды приходил в Крепость к Селиму, но со стороны сада Революции, через вновь открытые ворота, десятки лет стоявшие заколоченными. А теперь стоило войти в другие ворота, как сместились ориенти-ры. Идет - будто тупик, а чуть пройдешь, открывает-ся новая улица. Плутал, плутал, да так и не отыскал дом Селима, спросил, как добраться до сада Революции, подошел к знакомым воротам и начал все сызнова.

Здесь (нашел!) в нос ударила сырость, по узкому тупи-ку поднялся вверх и очутился в маленьком полутем-ном дворе. В глубине дома комната Селима, пригнулся и прошел в низкие двери. На улице солнце щедро зали-вало светом город, а здесь горит электрическая лам-почка. У входа медный поднос, а на нем тоже медный кувшин, весь испещренный вязью и узорами. Имя Се-лима выгравировано на кувшине рядом с именем де-да - по-арабски и кириллицей, начищенная медь сверкала, как луч закатного солнца, отражала свет лам-пы. Мать Селима сказала, что сын скоро придет. Низко-рослая, с изъеденным оспой лицом и впалыми щеками. Шесть детей вырастила, а младший - Селим. Только сел на табуретку Мамиш, и Селим тут как тут. - Мне тоже налей чаю,- сказал матери.- А кто те-бя так разукусил? Поскользнулся?! Ну, ты это брось! Кого другого, а меня не проведешь!..

дяди постарались!

Мать Селима, Баладжа-ханум, сидевшая в углу на па-ласе, дремала, а тут зашевелилась, поправила черный платок, упрятала под него седые волосы. "За что же дяди невзлюбили такого племянника?"- спросит. "За то, что племянник невзлюбил их!" - отзовется Се-лим. "А разве можно против родни идти, перечить?" - удивится.

И не ответили ни Селим, ни Мамиш, а мать качает го-ловой: дядя есть дядя, старший в семье, и с ним не считаться грех. "Пускай с нами и Расим пойдет",го-ворит Селим, разучившийся драться,- Гюльбала его отвадил от этого. А Расим - силач, разряд по боксу имеет.

Новый адрес Расима Селим не знал. Жил раньше в Черном городе, но собирался переезжать. Мамиш запи-сал старый адрес, вернее, переписал на клочок бумаги из школьной тетради, сложенной вдвое, в мазутных пятнах. Баладжа-ханум, собравшись в комок, сидела молча, казалось, вздремнула. Но сетка морщин на ее лице в любую минуту могла зашевелиться. Из Крепости, именуемой Внутренним городом, Мамиш поехал в Черный город: сначала на метро, потом авто-бусом: за то и за другое Хасай в ответе; его люди возьят Мамиша, а он, видите ли, отобрать хочет у Хасая его красный билет!

Когда Мамиш выходил из автобуса, взглянул на часы у входа на завод - час дня. Меж оград двух заводов пролегла узкая асфальтированная тропа. Солнце, буд-то облюбовав

именно эту дорогу, нещадно жгло. Мамиш вспомнил черного, как уголь, мальчика во дворе Гая; такое солнце испепелить может!.. В нос ударил едкий тошнотворный запах - химия!.. В ушах то гро-хот, то шипение пара... Пока одолел узкий перешеек, зажатый с двух сторон заводами, в горле запершило, саднить начало. А когда нашел дом, выяснилось, что зря притащился сюда Мамиш. Расим переехал. И жи-вет он теперь неподалеку от Мамиша, во дворе мечети Тазапир; и улица известна Мамишу, и дом; номер квар-тиры неизвестен, но каждый скажет, где живут Гаджи-заде; это сказала молодая женщина, родственница Расима, с такими же налитыми огнем щеками. В ком-нате заплакал ребенок, и Мамиш простился и ушел.

И снова узкая, обжигаемая солнцем тропа, но идти было легче - не вверх, а вниз. Расим живет рядом с ним, а Мамиш и не знал... К Расиму он успеет, надо еще за Арамом, в Арменикенд. Из Черного города - до вокзала, а оттуда на трамвае. Двадцать плюс двадцать пять, около часа.

В два часа Мамиш был уже на балконе Арама, откры-том городу и его ветрам. Двор - как сад, зеленый, про-хладный, а балкон длинный и широкий, с множеством дверей из квартир, из конца в конец уставлен горшка-ми с цветами, кустами, даже лимонными деревьями; не иначе, как Арам рассадил и расставил.

- Никуда тебя не отпустим! - пристал Арам.- Мать сварила борщ, и водка есть - тутовка. отчего про синяки не спросишь?

- А не хочешь, могу коньяк армянский, трехзвез-дочный, или азербайджанский. Хотя ваш,- но тут же поправился:-наш коньяк,-как-никак Арам баки-нец,- не уступает и французскому!

а ты сначала спроси! Спина взмокла от ходьбы и жары.

- Снимай рубашку, лезь под кран! Мамиш вымылся, сел за стол. Вспомнил застолье у дя-ди и как Джафар-муэллим гладил бутылку. Когда это было? Неужели вчера?..

- Не пьешь? Ну, тогда и я не буду. Нет, я рюмку под борщ пропущу, грех не выпить!- Налил и выпил. надо же, и не спросишь!

Глянул искоса в зеркало, а может, сошел синяк? Куда там, красуется во весь глаз. Да еще зеркало кривит, во все лицо синяк размазало. И то ломает лицо, то вытя-гивает.

- А чего Гая не пригласил, когда домой ехали? Сюр-приз? От шашлыка кто откажется? На даче, у моря... Но так неожиданно.

Снова на трамвай. Был пятый час. Долго шел пешком. Проходя мимо пятиэтажного дома, в сквере увидел портрет Хуснийэ-ханум. Как не остановиться? Добрый взгляд, улыбается, волосы гладко уложены, никаких украшений ни на шее, ни в ушах. Скромно, с достоин-ством; не шутка ведь, выставлена на обозрение. Такой же портрет на брошюре; пучеглазый располневший журналист, говорят, сердце у него пошаливает, задумал создать портреты знаменитых людей района, дошла очередь и до Хуснийэ-ханум; "Мать нашего района". "А ты почитай, вслух почитай!"-говорит Хуснийэ Мамишу, и Мамиш читает о том, какая она "энергич-ная и боевая", как организует людей на субботники, денно и ночью ходит по дворам, думает об экономии воды в жаркие месяцы. "Все-все правильно!" Мамиш тоже знает, что правильно; и то, что организует школь-ников в помощь старым пенсионерам; даже дерево лично посадила на пришкольном участке; ни одного приду-манного факта - все, до буквы, верно! Вот и двор мечети Тазапир. Но вошел сюда не со сторо-ны Мирза Фатали, а с улицы Льва Толстого. Когда шел по Мирза Фатали, взглянул через решетку на сту-пени, ведущие в мечеть. Закутанные в черные чадры женщины с протянутыми руками, и в мечети народу полно. "Развели тут!.."

"Я обет дал!- Это Хасай.- У нас контроль всюю под-капывается!.. Не за себя беспокоюсь, за других бы краснеть не пришлось!" Миновало, и Хасай поручил Машаллаху, старшему сыну Гейбата, раздать прямо здесь на ступенях половину бараньей туши. Не

верует, а все же на всякий случай, вдруг заблуждается! Хус-нийэ немало ходила сюда во время войны; вернее, не сама ходила - узнают, несдобровать! - а посылала взамен себя старуху с их улицы, умерла, бедняжка, гадать-привораживать умела, да не смогла Хасая удерживать возле Хуснийэ. Посылала с "жертвами", чтоб раздать, дабы Хасая миновала смерть; и миновала; и после давала обеты: чтобы всегда был рядом; чтобы не сглазили; и так далее; и помогло; не во всем, правда; но все же он рядом и его не сглазили; уйдет вернется. Не успел Мамиш спросить о Гаджи-заде, как тут же пока-зали, в какую дверь. И Расим дома, повезло. Пальцы сжались в кулак, в глазах искры.

- Кто это тебя?

И уже рубашку натягивает, будто тревога объявлена.

Только поспевай за ним, как в армии.

- Сиди, ничего особенного!

- Кто?!

- Да ладно, все это случайной

Вкусен чай у Расима. Жил он сейчас у двоюродной сестры, семья у нее большая, и заработок Расима - в общий котел; детей много, и все в жару в городе, хотя здесь, во дворе мечети,- райский уголок. Зять Расима, худой, высокий, с продолговатой головой на тонкой шее, устроил во дворе в уголке у своей квартиры нечто вроде курятника: высокой железной сеткой отгородил участок, поместил в нем белых инкубаторных куриц и для белых курочек одного рыжего петуха; с какой гордостью, вытянув шею, петух смотрел на Мамиша, сколько высокомерия в его осанке и высоко поднятой краснобородой головке. Мамиш не сдержал улыбки. Тихо, но внятно произнес строку о петухе, запомнив-шуюся с детства:

- Ай да петух с кровавым гребнем!.. Петух вздрогнул, во взгляде его появилась настороженность. Петух - из бывалых, немало куриной крови повидал; не успеет облюбовать по сердцу, как ее уже нет и попахивает паленым.

- Ай петух с глазами-бусами! - вспомнил еще строку. Петух встрепенулся, широко замахал крыльями, раз-дул грудь, зашагал гордо. А тут вдруг мелодичный го-лос моллы зовет с минарета правоверных к вечерней молитве. Мамиш вздрогнул, вспомнил бабушку Мелекханум, в эти часы она молилась. "Кого роди-ла ты, женщина? Один Хасай, другой Ага, третий Гейбат!"- "А Тукезбан? А Теймур?.." Но только запел речитативом молла, как тут же закукарекал петух.

- Всегда так,- усмехнулся Расим, накинув на пле-чи пиджак. Стало холодно в одной майке-сетке.- Как начнет молла звать к азану, петух тут же кукарекать.

Даже если он с курицей, отскочит, шею вытянет и сле-дом за моллой.

- Святой петух, значит,- заметил Мамиш. Расим удивленно посмотрел на Мамиша.

- А кто тебе сказал, что мы так называем его?!

- Проще простого догадаться!

Кукарекал, будто соревновался с моллой. "Грех так говорить!" - это бабушка Мелекханум. А если бы это-го Святого петуха увидела?

Петух впал в такой грех, добром не кончит, это уж точно. "А ты сразу грех!" Молла пел-заливался вдо-хновенно. Достоин был похвалы и рыжий петух не щадил себя.

А что до чая во дворе мечети Тазапир, то цены ему не было: под цвет гребня петуха, ароматный. Домой воз-вращаться не хотелось.

- Может, заночуешь? - спросил Расим.- А то на ночь глядя, чего доброго, синяков прибавишь. Расим поверил. Раз человек говорит, что поскользнул-ся, так оно и есть, как же иначе?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ - рассказ о том, как дяди связали руки-ноги Мамишу, а в рот запихали платок, чтоб и слышать никто не слышал, и знать никто не знал. Окна и двери квартиры Хуснийэ-ханум закрыты наглу-хо, а во дворе тишина такая, что слышно, как капает

из крана вода. Хуснийэ утром человека следом за Мамишем послала, а тот, проводив его до Сабунчинского вокзала и посадив на электричку, вернулся. По логике Хуснийэ выходило, что Мамиш ни о чем не помышля-ет. "Какого-то Дашдемира спросил, а мальчик ему: "Вам Гая нужен?" Что за бред? А я у мальчика потом спрашиваю: "Кто такой Гая?" А тот дикий какой-то, ни слова не сказал, отбежал за угол". Стала Хуснийэ на-бирать номер телефона, чтоб у Хасая спросить: "Что за Гая?" Две цифры набрала и вспомнила, Гюльбала по-койный рассказывал, это же мастер Мамиша!.. Хус-нийэ застыла, стоит, трубку даже положить на рычаг забыла. Что же ты, Гюльбала, со мной сделал? И слезы катятся, катятся. На кого ты меня оставил? И зачем мне жить без тебя на свете? Встать бы тебе из могилы, от-ветить Мамишу!.. Как он твоим именем, подлый, спе-кулирует!.. В окно ворвался крик с улицы, и она, будто одряхлев сразу, усталая, опустилась на стул, положила трубку и еще долго сидела, старая и кляня судьбу, пока тот же назойливый крик с улицы не поднял ее и не подвел к окну: кому там не терпится, будто режут кого там? Улица жила обычной летней жизнью, а кричавший как сквозь землю провалился. Слезы унесли, смыли горечь, и она уступила свои владения злобе. До чего обнаглел Мамиш! Вчера ночью она подняла но тре-воге одного из своих доверенных, и утром чуть свет тот увязался за Мамишем. Затем после стольких лет ссоры пошла к Аге домой. Ее приход всполошил всю семью. Чернобровая жена Аги -"Ух какая, не стареет!"за-волновалась, растерянно забегала по квартире, не зная, куда усадить Хуснийэ-ханум, чем угостить. И в душе благодарна ей: "Очень хорошо, спасибо ей, сидит у нас на шее этот Али, избавимся от его присутствия!" А Хуснийэ, наполнив комнату жаром своих слов и наэлектри-зовав сыновей Аги, которые как стояли у окна, так и застыли, что-то шепнула на ухо Аге и тут же выскочи-ла, не дав опомниться ни жене, а она уже мыла рис, чтобы ставить на плиту плов, ни самому Аге. Потом, схватив машину, помчалась к Гейбату, и у него в доме повторилось в точности то же, что произошло несколько минут назад у Аги, за исключением того разве, что же-на Гейбата кормила пузатого младенца, пятого их сы-на, Ширбалу, и тот ни с того ни с сего вдруг разорался так неистово на весь квартал, будто его в розовую мя-коть щеки оса укусила или вместо молока из материн-ской груди пошла одна горечь.

А наутро, как только Мамиш вышел, спеша в Бузовны к Гая, Гейбат преградил ему дорогу. А как же? Вдруг задумал неладное.

- Куда ты собрался? - спросил Гейбат, деланно зе-вая.

- На шашлык!

- Почему так дерзко? - Это Ага появился.- Мы же твои родные дяди. Зачем это все тебе?- Ага говорил миролюбиво.

- Как шпики!

- Хочешь, чтоб твоему дяде было плохо? Чем он те-бя обидел?- Ага будто не слышал того, что сказал Ма-миш.- Может, нам чего не известно? Можешь на ухо мне шепнуть. Мамиш попытался пройти.

- Сиди дома,-сказал Гейбат.-Когда раскаешься, скажешь, что выдумал все, попросишь прощения, поса-дим тебя в такси и отвезем куда твоей душе угодно! Хоть в Москву!.. Куда лезешь? Я же тебе сказал! Какой непонятливый!

- Пропусти.

Ага бросил сигарету под ноги и зло растер.

- Не выводите нас из себя, мы же контуженные, ты знаешь! Сказал тебе Гейбат сиди дома! Значит, сиди!

- По-доброму говорю, отойдите, не то худо вам бу-дет.

- Еще грозишь! Быстро же забыл наш хлеб! Только хотел легонько оттолкнуть Агу, как Гейбат под-сунул под ноги Мамишу свою палку, тот споткнулся и плашмя на асфальт. Ага навис над Мамишем, Гейбат подскочил и в подбородок племяннику кулаком. За-тащили

Мамиша в комнату, связали.

- Мы тебя отлупим и Тукезбан нам спасибо скажет! Мамиш вырывался, пришлось Гейбату удар почувствительнее нанести, заткнуть его кричащий и грозящий рот ("Здесь же нет глухих!") платком, пусть остынет, угомонится. Тогда прижмут, как дитя, к груди, не бросят же его, сына родной сестры, какой бы непутевой она ни была. А пока пусть полежит, кровать-то своя! Уже десять утра.

Пуускай Мамиш лежит-полеживает, а я расскажу о станции Бузовны, где по уговору должны были встретиться всей бригадой и идти к Гая. Собрались, а Мамиша нет. Сначала Расим пришел, нет чтобы ему за Мамишем зайти, но зять спешил на работу и Расим пошел с ним, тем более по пути им; потом Арам, за ним Сергей и Селим. Собрались, ждут Мамиша, а его нет и быть не может. У Гая костер всюду полыхает, горящие угли накаливает, мясо почти все на вертела нанизано. Где же они? Пошел к ним навстречу Гая. А уже около одиннадцати. А вид у него, думает Гая, какой был! И пришел вчера непонятно зачем! Определенно избили, а он - "споткнулся". И поняли друзья, что беда с Мамишем, и понять это нетрудно; что делать, тоже яснее ясного - конечно же, поскорее к нему домой! И пошли. Вернее, поехали. Тут не до шашлыка, если даже мясо нанизано и угли полыхают. Вот он, угловой дом.

Вошли во двор, на второй этаж. Что здесь вообще творится?!

Это ты, Мамиш?! А эти кто? Ах, это же дяди! Вместе пировали, обнимались, тосты говорили!.. Давайте еще раз знакомиться!.. Они с миром, а тех будто подменили - в темном переулке лучше не попадаться! Гая протянул руку, чтобы вытащить кляп изо рта Мамиша, но Гейбат не позволил: не лезь, мол! Нас пятеро, а вас двое, не боитесь разве?! Гая не сказал этого, и без слов ясно. Но кому ясно, а кому и нет. Гейбата не напугаешь, может и с тремя справиться.

- Слушай, ты! Великий представитель! Шашлык мой уплетал? Люля-кебаб мой ел? Ах ты умник! А как я вас хвалил? А какие я песни вам пел?.. Но вы все такие, еще ни одного порядочного среди вас не встретил!

- Да вы еще и отсталый элемент! Ай-ай-ай! - Это Арам, шусленький холмик перед высоченной горой; Гейбат пока соображал, что ответить, как Ага Араму:

- И ты нас учить будешь?! То-то мне приснилось, что я алфавит твой учу!..

А когда Гая снова полез кляп вытаскивать, Гейбат дал волю рукам. Такой большой дядя, а сдержаться не может! Да разве можно на Гая руку поднимать?! Это все равно что по скале дубасить: ударишь - само-му больно станет. Гейбат это понял, смекнул, что голыми руками здесь никого не возьмешь, поднял над головой палку, и все отскочили назад. Комната не очень большая, но дом родной и стены раздвинутся, если надо. Тут-то и началось!..

В суете Гая вытащил-таки кляп, но трудно было разобрать слова Мамиша, потому что говорили и кричали все, кого вместила комната; не слышали никогда эти стены такой многоголосицы, а когда строили, и в голову мастерам не могло прийти, что настанет день, когда столько мужчин и столько слов, внятных и невнятных, вберет в себя комната объемом 5X 5X 5; Расим в центре этого куба был, решил уладить миром спор, но Ага - когда дерутся, не лезь в серединку - со всего размаху ударил его. Откуда было знать Аге, что Расим спортсмен-боксер, разряд имеет? А у Расима до сего дня, бы-вает же такое на Кавказе, дела складывались так, что ни разу он не воспользовался своим искусством ни до, ни после получения разряда и рад был безмерно этому, гены генами, традиции традициями, а не пришлось. Ах, как жаль, что вынудили его нарушить закон "гостеприимства" и показать кое-какие боксерские штучки из самых элементарных: он, кажется, не дотронулся даже до Аги, а тот, будто мячик, отлетел и на Гейбата, чуть с ног его не свалил. Дядьев двое, это известно, а их пятеро; отняли у Гейбата палку. И сами кулаки их попробовали, и дядьев угостили, даже помощи Арама не понадобилось.

Но пусть они дерутся, а я расскажу вам... О ком? О Хус-нийэ-ханум, конечно.

Когда Гая с товарищами поднимался по лестнице, сна-чала не разглядела, кто идет, очки надела. Это же друзья Мамиша!

И, учуяв, поняла, что драка будет, потому что Мамиш лежит со связанными руками и ногами, а Гейбат не лю-бит, когда кто-нибудь в его дела нос сует, палки ему в колеса вставляет.

И, как только до ее слуха донеслись ругань и удары ку-лаков, а может быть, и чуть раньше, она подняла крик, хотя никто ее услышать не мог, и тотчас позвонила в милицию: "Спасайте!- Вот еще, не узнали ее.- Как кто?! Это Хуснийэ-ханум! Да, да! Бахтиярова! Немед-ленно выезжайте!" А чего выезжать, когда рядом? Ее первейший долг - сигнализировать: "Кровь, понимае-те, кровь льется!" И вскоре прибыли три милиционера, подоспели причем в тот момент, когда Ага на полу сидит, у Гейбата шишка над глазом, Гая в разорванной рубаш-ке, у Сергея и Селима лица в царапинах - комната не очень большая, даже если только размахивать руками, непременно попадешь. Лишь Расим и Арам выглядели более или менее нормально, хотя глаза Расима излу-чали недоумение, но это всегдашнее их выражение, а Арам побелел, как полотно. На кровати Мамиш, руки и ноги связаны, и это на пользу им, друзьям Мамиша: пусть видят!

Хуснийэ-ханум как взорвалась!.. И не нашлось никого, чтоб перекричать ее. И так набросилась, на кого бы вы думали - на Гейбата и Агу!..

- Какой позор! Кто дал вам право бесчинствовать? Варварство! Бескультурие! Как можно измываться над родным племянником?! Дикость какая! Произвол! Мамиш так и лежал с открытым ртом - то ли думал, что кляп еще не вынули, то ли от удивления разинул.

- Вы ответите за это беззаконие!..

Хуснийэ-ханум распалась, подогревала себя, и гнев ее - хотите, верьте, хотите, нет - был естественным, и возмущение, с места не сойти, искренним. Недобрым словом и Хасая вскользь помянула, а потом дошла оче-редь и до "шайки Мамиша".

- Хулиганы! Стыд какой! Вместо того чтобы обра-зумить и усовестить, вы, молодые ребята, деретесь с ин-валидами войны! У Гейбата нет ноги, Ага весь в следах от пуль! Вас пятеро, а их двое!

Никого не пощадила, всем грозила расправой по закону, хотя Мамиш тут ни при чем, его-то за что? Говорила и развязывала петли на руках и ногах, даже потеряла их, чтоб следы разгладить.

Много разговоров вызвало на улице странное шест-вие - колонна людей, занявшая все неширокое про-странство от тротуара до тротуара, причем людей из-битых, с синяками-шишками и кровавыми подтеками на лицах. Впереди милиционер с Хуснийэ-ханум, сле-дом Расим и Арам, за ними дяди, еще милиционер, и после Гая, Мамиша и толпы ротозеев замыкающий милиционер. Неясно, кто бил, а кто бит; и не только глазающие не могли это определить над этим лома-ли головы и в отделении милиции, составляя про-токол:

"В четверг, 29 июня с. г. по неотложному сигналу, теле-фонному звонку, общественницы нашего района Хус-нийэ-ханум Бахтияровой оперативная группа сержанта милиции Агаева, милиционеров Бабаева и Вагабова (А, Б, В...) в 11 ч. 30 м. срочно направилась в дом 59/15 по улице..."

И в это время в милицию нагрянул Хасай. Когда Хуснийэ-ханум сообщила в милицию о драке, она позвонила тут же Хасаю на работу, пожалев при этом, что у нее нет прямой телесвязи с ним или хотя бы на-строенных на одну волну с ним карманных приемни-ков. Хасая на месте не оказалось; позвонила в микро-район, но трубку подняла - да провалиться ей в преис-поднюю - Рена! По пути в милицию Хуснийэ-ханум попросила соседского парня немедленно разыскать Ха-сая и сообщить о случившемся. И деньги ему дала, чтоб машину взял и мчался к Хасаю на работу или домой, пусть предупредят его - станет она произносить

вслух имя этой Рены,- пусть он скачет в милицию выручать братьев. Вот и нагрянул и тут же с ходу, будто догова-ривался с Хуснийэ, обрушился на них:

- Как вы смели?!

А потом на Мамиша глянул.

- Ты тоже хорош!

Парни подобрались, насторожились: что будет дальше; Мамиш с трудом узнал дядю: за одни лишь сутки, прошедшие после их разговора, во взгляде Хасая затаилась боль. Глаза усталые, и в них мука. Съедает и съедает себя. И лишь одна дума: Октай! "Что же ты, смерти моей хочешь?" Внутри Мамиша что-то дрогнуло. Весь мир подарил бы Хасай Мамишу, если бы тот сказал: "Все я выдумал, соврал, из-за Р это, я же, знаешь, ни-как не могу свыкнуться с мыслью, оттого и не же-нюсь!.." И сейчас еще не поздно раскаяться. И Ха-сай понял бы Мамиша, как не понять? Ведь увел из-под самого носа! Хотя и не хотел, видит бог! Она сама. Он наклонился к Мамишу, тесно здесь, а сказать надо так, чтоб никто не услышал, не понял:

- Скажи, что оговорился, растопчу обидчиков! Шепнул или нет, но Мамиш расслышал, и даже больше того, что он сказал. Но Мамиш, упрямец, молчит, а гла-за говорят: "Нет! Все правда!" Лицо Хасая сделалось серым.

- Тогда пеняй на себя! - И к заместителю началь-ника:- Вот что! Надо наказывать всех! И на работу сооб-щить, чтоб меры приняли! Всех наказали чтоб! И бра-тьев моих, и этих молодцов, присвоивших себе звание образцовой бригады! Я сам тоже позвоню их начальни-ку! Распустились! Стыд и срам!

А что? Правильно говорит! До запятой все верно. Братья молчали: Хасаю виднее, как поступать и что говорить; раз решил, что надо всех наказывать, так тому и быть. Допрос уперся в тупик. Хасай, которого заместитель на-чальника Гумматов (А, Б, В, Г".), конечно, знал хорошо, сказал свое слово и ушел; слово справедливое, но не протокольное; Хуснийэ-ханум толком ничего путного сообщить не могла и тоже покинула милицию вслед за Хасаем - не переносит запаха сургуча и свежей крас-ки, хотя ремонт здесь был весной; она свое дело сдела-ла, сообщила, предотвратила и ушла. С чего все нача-лось? Значит, так: Мамиш оттолкнул своего дядю Агу; нет, еще раньше племянник оскорбил старшего дядю. А за что и по какому праву? Ах, и вчера его били, Ма-миша!.. За что все-таки? А? Гая переглянулся с Расимом: вот тебе и поскользнулся! Гумматов держит перо, чернила высыхают, и бумаге не терпится. А Мамиш молчит.

- взяточник мой дядя!

- ай-ай-ай!.. такого человека!..

- бабник!

Смешок А, смех Б, хохот В. Ухмыльнулся и Гумматов.

- а доказательства есть?

Какие тут доказательства?

- разве не видите,- переминается Гейбат, а потом садится на скамейку, раз не догадыва-ются предложить ему сесть,- разве не види-те, что конь копытом по голове его стукнул?

- а вас не спрашивают,- это А.

- и садиться вам не положено,- это Б.

- не мешайте составлять протокол,- это В.

И А, и Б, и В заручились одобрительным кивком Гумматова, а он с таким запутанным делом встречается впервые; ясно, что и ребята эти отличные, работяги, по глазам видно, все как на подбор, как же друга своего не защитить? Мамиш молчит.

- Так за что же вас? - окунул еще раз перо в черни-ла, и Ага ему сует шариковую ручку; на ракету похожа; Ага без подарков не может, а Гумматов простой ручкой любит писать, макает и пишет. И Гая Мамишу:

- Говори, чего молчишь?

- Не бойся! - Сергей ему. Голос будто сверху, с вышки: "Эй, чего раззевался?!"
чего пристали?

И Арам:

- Что же ты?!

не твоего ума дело!

У Расима удивленные глаза.

- Не дрейфь!

катитесь вы все!..

- Ну вот что,- заговорил Гумматов.- Хасай Гюльбалаевич, в общем-то, прав! Двустороннее (чуть не ска-зал "воспаление"!) хулиганство! Кто кому и что ска-зал - разбирать нам некогда, у милиции есть дела пова-жнее! Это дяди, а это их племянник, пусть разбираются в своих семейных делах сами! Но драка!покачал голо-вой.- Но оскорбления!- еще раз покачал головой.- Этого, ясное дело, мы не позволим. Особенно теперь! Газеты читаете? (Все слушают, никто не отвечает.) То-то!

Не станет же Гумматов рассказывать им о недав-нем совещании в министерстве, где, кстати, его включили в группу по составлению резолюции и одна его фраза даже попала в газету. - Не позволим никому!

"Ай да Мамиш!- мигает Гейбат Аге.- Ай да племян-ник!.." И Гюльбала будто смотрит на Мамиша: "Что же ты?"- И далекое-далекое:- "Чего же ты молчал, там бы и сказал!"

с бритвой осторожнее, не задень тела!

Одной рукой Гюльбала тянет шелковую рубашку, а другой держит бритву, разрезает полосками шелк. Ма-миш затаил дыхание.

осторожно бритвой води!

А Гюльбала не спешит, молча наблюдает за его движе-ниями Мамиш.

хватит, что ли? пока кровь не пролил!

Но Гюльбала повернул того к стенке и разрезает ру-башку со спины, с лопаток; лишь раз то ли вздрогнул тот, то ли мурашки по спине пошли.

задел, что ли, что за человек ты? оставь хоть спину!

И спина исполосована и шелковая рубашка полосками треплется на ветру, как ленты бескозырки. Гумматов молча закончил составление протокола, пре-рванное приходом Хасая:

"...Братья Ага и Гейбат Бахтияровы учинили противозаконную расправу над племянником, сыном своей се-стры Магомедом Байрамовым, а последний, в свою оче-редь, позвал на помощь дружков из бригады, которые, а именно: Дашдемир Гамбар-оглы, Арам Аллахвер-дян, Сергей Анисимов, Расим Гамзаев и Селим Ажда-ров, учинили недозволенный дебош, избили инвалидов войны, вышеупомянутых брйтьев Бахтияровых..." Ми-лиция просила, в частности, нефтепромысловое управле-ние "принять меры общественного воздействия на чле-нов бригады образцового труда вплоть до лише-ния их (хотел премии, да раздумал) в порядке на-казания этого высокого звания". Прочел, подумал и между "порядком" и "наказанием" вставил еще слово: "временного"; еще раз перечитал и остался доволен протоколом - и палочка, как говорится, цела, и шаш-лык не сгорел.

Дядей отпустили. Куда идти? Ясно, куда, на работу. Дня два не будут людям на глаза показываться, помощ-ники и у того, и у другого есть. Потом, задержав немно-го, выпустили Мамиша и его товарищей.

И тут вдруг Саттар.

- Арам?!

Смотрит, а рядом Мамиш.

- А, и вы здесь...

Мамиш удивлен: откуда Саттар Арама знает? Арам мнется, неудобно, дойдет до Христофора, невесте по-том объясняй.

- Да вот дрались... Сам узнаешь!..- и быстро уводит ребят, а Мамиш уходить не хочет. Стоят, смотрят друг на друга.

- Ну вот, мы еще раз с вами встретились. Не рады? - Какая уж, к черту, радость? Но почему-то по-веяло на Мамиша таким теплом, будто знает он Саттара давным-давно.

- Мамиш, чего ж ты? - нетерпеливо зовет его Се-лим.

- Надо идти.

А Саттар Мамиша не задерживает. Только руку ему крепко-крепко жмет.

- Я думаю, это у нас не последняя встреча... Нет, нет, я вовсе не о деле! непременно!

Ребята ушли, а Саттар - в милицию; он уходил по за-данию и снова что-то важное мимо прошло. Читает про-токол, другим следователем составленный, и ничего по-нять не может: за что они Мамиша? Поди свяжи то и это дело; случайность? "Мамиш, Мамиш..." У Саттара последнее время часто так, с опозданием; глядишь, и жизнь пройдет, ничего толком не сделаешь. Арам торопит ребят. А куда им спешить?.. Да и Гая не может идти так по улице, тенниска разорвана; он оде-вает рубашку Расима, Расим остается в шелковой май-ке, которая вполне может сойти за безрукавку. Что же дальше? Ребята молчат.

- Так нам и надо, дуракам!- Это только Гая мог за всех.- Хорошо ты нам оплатил, молодец!

покричи, покричи, полегчает.

- Вы меня спасли, не будь вас... Не надо сердиться, Гая.

- Ну и учудил ты, Мамиш! - Такой поворот, чисто сергеевский, Мамиш приемлет. много чего ты понимаешь.

- Чего-чего, а этого,- Арам не может успокоиться, давно не был в такой передрыге, да еще в милицию по-пал,- я от тебя не ожидал!

а чего ожидал, и сам не знаешь.

- Я и сам не пойму, как вышло.

- Ах дураки!

- Что, сами теперь будем драться? Тут поблизости, во дворе мечети, можем побоксовать!

- Да, а как шашлык?- решил Селим их как-то от-вlechь.

- Без меня!- отрезал Арам.

- И без меня!- сказал Сергей.

- Тогда и я.- Расим.

- Ну нет! Чтоб еще и шашлык пропадал!..- та же злость в глазах, но сдерживается Гая, и не поймешь, в гости зовет или задание какое дает. А в Бузовнах второй костер прогорел и Полад дважды бегал на станцию. Третий разожгли. Как все мясо упря-чешь в холодильник? Из того, что не вошло в холо-дильник, можно по шампуру на каждого, вот и стали жарить. Ждали пятерых, а их шестеро на микроавтобу-се прикатило. И пришлось остывший костер снова раз-жигать, Полад это любит.

Шестым был Али-Алик, а с ним и НОВАЯ ГЛАВА - рассказ о том, как Мамиш и его товарищи ловят маши-ну, чтоб поехать в Бузовны, и встречают на углу Ком-мунистической и Полухина только что возвратившегося из далекой поездки Али, который уже побывал в угловом доме, но ни Мамиша, ни Хуснийэ-ханум не застал, не торчат же у ворот, зашагал к центру, и навстречу Мамиш; бросился на него, обнял, не отпускает, о Гюль-бале думает; и кажется ему, что и Мамиш осиротел, они же всегда вместе, и братья, и друзья. Невозможно поверить, что нет Гюльбалы. Чего он только не переви-дел, не почувствовал за это время; оба взволнованы, замерли, единые в своем горе. Об Али знал лишь Гая, как-то Мамиш ему рассказал. И Гая, и ребята смотрят, терпеливо ждут.

"Вот письмо тебе от матери". До письма ли Мамишу? Сложил и в карман. У Али какое-то лицо незнакомое. Али не Али, другой человек словно. "Ну?" Молчит, гла-за подернуты влагой. "Говори же!"

- Нашел.

- Быть не может! Как это нашел!

- Вот так и нашел! До самого Оймякона доехал!

- А где это?- спросил Расим.

- На Индигирке.

- Полюс холода.- Арам все знает.

- Рассказывай.

У Али глаза были раньше какие-то вялые, а теперь внутри что-то вспыхивает.

- Говори же!

- Вернулся, чтобы переехать. Навсегда.

- А как же мы?! -"Бегут, бегут из уголовного дома... Не-когда мощный корабль!.. И Гюльбала, и Тукезбан, и Али..."- Разбегаетесь?

- Что это ты?- не понял Али.

с тонущего корабля?!

Притормозил микроавтобус: "Подвезти?" А потом, ког-да влезли, говорит им:

- Вижу, все такси мимо - компания большая, а ехать вам куда-то надо, вот и развернулся, думаю, всех возьму.

- Говори же!

- Сразу узнала меня. Столпились вокруг муж ее, дети, это же мои братья, сестра, представляешь себе! В микроавтобусе трясло, шофер гнал, чтоб успеть и по своим делам.

- Если бы не Хуснийэ!..

- Ну да, что-что, а это она очень даже умеет!- согла-шается Мамиш.

а Гюльбала? а моя мать? что же ты о них не скажешь?

- И к матери во мне что-то проснулось будто. Не ска-зал никто, а я почувствовал, что это она. Только с язы-ком будет трудно.

- Что ты выдумываешь?- возмутился Сергей.- По-живешь там, быстро научишься.

- Вовремя ты нам встретился, твоя помощь во как понадобится.

- Моя?- удивился Али.

- Именно твоя!

Гая смотрит на Мамиша: "Дошло?" И только тут Али замечает: избитые же они! Ну да, ему же сказали, толь-ко переступил порог. И Мелает была очень раздраже-на, хотя с чего бы? Ей, как уедет Али, забот станет меньше. И смысл сказанного Мамишем, когда садились в автобус, прояснился: "Если твои узнают, что ты с на-ми, несдобровать тебе!"

Мать боялась, не отпускала его: "А вдруг снова обма-нут!?" Пусть только посмеют! Неплохо бы попортить кровь кое-кому здесь.

А Гая с Мамиша глаз не сводит: "Понял?" Мамиш от-вернулся.

тебе что? и вам всем тоже!

Из-под колес клубится серо-белая пыль, не успевает влететь в машину.

Уговорить шофера отведать шашлык не удалось - спе-шил, а тут еще ждать надо, когда угли раскраснеются; легче зажечь новый костер, чем разжечь старый. "О чем это Гая с Арамом? Одного моего слова доста-точно! В горкоме...- услышал Мамиш.- При чем тут горком?" И Гая, и Арам смотрят на Мамиша, недоуме-вают.

- Не в микроавтобус лезть,- говорит Арам,- а туда идти надо было. В горком!..

Ну да, ведь совсем рядом были, когда встретили Али, сто шагов ходу.

идут, идут, так быстро, что Али еле поспекает.

- твоя помощь нам понадобится,- говорит Али Гая и смотрит на Мамиша. мол, дошло или нет?

- ты Али в это дело не впутывай!

- но ведь такой факт!

- без него! ему ехать надо! я сам скажу! с удостоверением Морского тут же выписали пропуска.

- а он со мной,- говорит Гая милиционеру, показывая на Али, что за вид у них, удивляется милиционер, но вопросов не задает - ведь они с Морского, секретарь горкома, смуглая, в круглых очках, внимательно слушает Гая.

Как и тогда слушала, а Гая рассказывал. "Молодцы, что пришли!"-хвалила она за наклонное бурение.

Гая рассказывает... но почему она улыбается, как и тогда?

- молодцы, что пришли!- восклицает по-азербайджански.

Тогда она тоже сначала по-азербайджански, а потом перешла на русский, чтобы всем понятно было.

Мамиш хочет прервать Гая: "постой, ты не о том!.." а секретарь уже помощника вызывает, от улыбки ни следа, и помощнику:

- секретаря парткома! И Хасая Бахтиярова!

- не надо, я сам! постойте!

Гая возмущен, Арам удивлен, ребята изумлены, Али побледнел, слова сказать не может.

- ну уж нет!- говорит секретарь.- завтра с утра чтоб явились! и Хуснийэ-ханум Бахтиярову тоже!

- ее не надо!- просит Али.- она помогла мне!

секретарь смотрит на Гая:

.- вы что, не понимаете, куда пришли?!

и уже не остановить, помощнику:

- вот ее телефон.

А в первый раз, когда встали, чтобы прощаться, под-нялась, жмет им руки поочередно. Зазвонил телефон.

- Одну минутку!.. Да, да, у меня... Да, да, Дашдемир Гамбар-оглы будет выступать!- И смотрит на Гая, шепчет, прикрыв рукой трубку:- Это первый!..Вся сосредоточена.- Да, да, непременно!..- положила трубку.- Ну вот, вы слышали... Непременно скажете, товарищ Дашдемир, о том, какую борьбу мы ведем в рес-публике! И первый об этом просил, чтоб сказали!

- Обязательно скажу!

И пригласила всех на торжественное собрание - шутка ли! Миллиард тонн нефти дала родная земля Мамиша с того времени, как здесь вырыли первый нефтяной колодец!.. Миллиард тонн!

Ликут, радуются, их Гая на трибуне! И на него смотрит весь огромный зал, смотрят, повернув головы, большие люди, старые потомственные рабочие, гвардия отцов и дедов, седоусые, в орденах... И Мамиш с ребятами впился в него глазами. А как интересно рассказы-вает Гая!.. Мамиш вспоминает Морское, первое свое ра-бочее утро. Он проснулся, когда солнце еще было на той половине земного шара. Над морем стоял туман, серый, редкий, охлаждающий горло; туман быстро исчезал: море будто глотало его. Горизонт алел. Из-за моря вы-полз красный ломоть солнца, на водную гладь про-лилось пламя. Солнце медленно, уверенно поднималось, росло, округлилось, и вот уже трудно смотреть на не-го оно больно слепит глаза. Умылось в море и, чистое, глянуло на буровые. Петляя и разворачиваясь, раски-нула эстакада далеко-далеко свои ветви-рукава. И на отдельных

мощных основаниях, будто стражи моря, величаво возвышались стальные вышки... А вечером, когда возвращался после первого своего рабочего дня, помнит, никогда не забудет: слева - заходящее солнце, красноводое море, черные на фоне солнца буровые; справа - гигантские серебристые резервуары-нефтехранилища, островерхие вышки, темнеющее, чернеющее море; над головой - прозрачное, беззвездное пока небо и движущийся вместе с грузовиком, начинающий уже желтеть полумесяц. Ликуют ребята, горд Мамиш, что и его доля в этом миллиарде. А во втором отделении - квартет "Гая". Чуть ли не по заказу Гая!

Гая и Арам смотрят на Мамиша:

- Ну, что ты нам скажешь?! И все затаили дыхание.

- Тяжело мне, Гая.

- Ему бы там, в милиции ответить! Мамиш молчит. А что он им скажет?

- Пойми, Гая!

- А мне понимать нечего! Ты обязан! Селим головой качает, тоскливо на душе, надо бы разозлиться на Мамиша, да не может. Ветер принес сладковатый запах нефти. Жарко. За холмом голубеет море. Искушаться бы...

- Избить, что ли, и нам Мамиша? - говорит Селим. - А может, пойдем купнемся?

И на чай не остались, и на море не пошли. Тошно на Мамиша смотреть. В электричке Алл об Индигирке рассказывает, а Мамиш о письме вспомнил, развернул его. "Как же вы, а? Не удержали Гюльбалу?" - писала мать... Мамиш послал ей телеграмму. "Знаю, тяжело тебе, Мамиш, один ты там, но ты меня поймешь и не осудишь".

может, Р права? улыбка твоя не мне, а дру-гому?

"Весной будущего года приеду, пора оформлять пенсию".

это Р со зла, в отместку мне!

"Рано или поздно должна была прийти беда, нелепо у вас!"

"у вас!.." конечно, бегут, бегут!..

"На дереве яблоко..." Забыла дописать или некогда бы-ло. Может, смысл какой? Фраза эта напоминала строку старинной песни: "На дереве яблоко соком налилось, сорву, унесу в дар любимому..." Спрятал письмо. За окном сиреневое небо.

- Ну вот и доехали!

Расстались молча, Арам направо, Сергей с Селимом на-лево, а Расиму с Мамишем и Али по пути - прямо. Вот и угловой дом. Всю дорогу молчали, а тут Расим только рукой махнул. - Эх ты!..

И снова расстались: Расиму вверх, Али налево, Мамишу - за железные ворота.

А о драке, пока они у Гая были, уже говорят, ведь лю-ди-то все видят, не скроешь. Милиционер - жене, она - соседке, та еще кому-то; а тут еще и Б, и В, и Г... И до Джафарамуэллима дошло, и до Амираслана. Кто о чем думает, не наша с вами забота, а вот Амираслан даже схему разговора с Мамишем в уме прочертил. Особенно ему нравилась в будущем диалоге первая фраза, которой он сразит Мамиша: "Странная ситуация получается - чужой защищает дядю от его же собственно-го племянника! Ты что же, хочешь выставить себя на посмешище? Чтоб Сергей и Арам злорадствовали?! Вот, мол, какие у них нравы?! Если хочешь знать...- говорит лишь Амираслан, а Мамиш думает: при чем тут весы, о которых тот толкует, мол, еще неизвестно, сколь-ко Хасай и вообще Бахтияровы отдают обществу, и сколь-ко общество за это платит им.- Да, да. взвесь и ты увидишь, что..." И дальше Амираслан, говорит о нации, о том, что... Нет, здесь Мамиш непременно возразит: "К одной нации мы с тобой не принадлежим!" Вот это новости! "Кто я, каждый тебе скажет, а вот кто ты, на этот вопрос затруднится ответить даже твой род-ной отец".

и завтрашний день, закрутилось, загудело, никак не остановить, все в сборе у секретаря горкома: и Гая, и ребята, и Хасай, еще и еще люди.

- ну, так кто начнет? - секретарь смотрит на Гая. Гая на Мамиша, а у него пересохло в

горле. И не помнит, как пришел сюда, видит только Хасая, он согнулся весь, сразу поста-рел, "как же ты Мамиш, а? мало мне горя с Гюльбалой, а тут еще ты? возьми нож, иди, вот тебе моя грудь". И снова речь заводит Гая. "не то, не то он говорит!.."

- разрешите!- порывается сказать Хасай.

- вам еще слова не давали!

- дайте и мне сказать!- это Хуснийэ-ханум.

- не мешайте, Бахтиярова!

- постой!- Мамиш прерывает Гая, а тот уже все, кончил.

Хасай вскочил, чтобы что-то сказать, и вдруг стал оседать как-то нелепо.

- притворство!- кричит кто-то.

- да нет, ему плохо...

Хуснийэ-ханум рвет на себе волосы, протягивает руки к Мамишу.

- изверг! убийца! и Гюльбалу убил! разорил наш дом!..

А дальше что?

А дальше ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, самая необычная в азер-байджанской литературе за всю ее историю от дастана "Дедё-Коркут" до романа "Мамиш".

Саттара ночью разбудили: - Мамиш повесился!

дали телеграмму Тукезбан: "Мамиш при смер-ти" .

телеграмму Кязыму: "Мамиш трагически по-гиб".

а потом Саттар расследовал: сначала задуши-ли, затем повесили: мол, Мамиш сам. и Саттар, только он, и никто больше, говорит о Мамише: "он сказал лишь малую долю того, что знал!., нет, не без корней он, не перекасти-поле, он связан с этой землей, которую любил, с родным городом, таким прекрасным!.. Мамиш в каждом из нас, и каждый из нас в Мамише". и рассказывает о Мамише, о тех, кому он был обязан в этой жизни, такие подробности, будто не о нем говорит, а о самом себе, и больно не только тем, кто здесь, кто пришел, но и тем, кого уже нет, огромный зал, и люди, люди, лю-ди, много людей, и тех, кто жил рядом, и тех, кто уехал, и тех, кто не знал, но слышал, прилетела мать, прилетел отец со всей семь-ей, дочери стоят рядом, похожие на Мамиша глазами.

Амираслан о чем-то шепчет Сеяре, а та го-ловой качает, и загоревший, как уголь, мальчик из двора Гая стоит без майки, его не пус-кали, а он юркнул, и уже никак его не выгонишь, а у выхода милиционеры, те, которые их допрашивали, стоят, и Гая со всей семьей, а где же Октай? Шираслан? ах да, они же на него в обиде!., и тот, и другой, но какие могут быть обиды, когда его нет?

И Р здесь нет, ее мать Варвара-ханум пришла, сидит строгая, в очках, и вдова Гюльбалы... а эти кто? это же его однокурсники с транс-парантом, а что там написано, не разглядишь, далеко стоят; мать Селима пришла, не полени-лась, сеть морщин на ее лице неподвижна, губ и вовсе не видать; и Селим, и Арам, и Сергей, бросишь яблоко - на землю не упадет, и Саттар рассказывает, и такие подробности... Мамиш открывает дверь в комнату бабушки, матери своей матери, она тогда, все время ле-жала в постели, болела, ему говорили, чтоб ее не беспокоил, не приходил сюда, а он под-ходит, и ручка, до которой Мамиш еле дотя-гивается, из гладкого синего стекла, прохладная и приятная.

щелкнет певуче дверь, и бабушка понимает, что это, конечно же, Мамиш, а он чувствует, рада она его приходу, охала, стонала, спросит о чем-то, а он "угу". - "не угу, а да", молчит Мамиш. "повтори, как отвечать надо".- "а у меня горло болит".- "всегда у тебя горло болит... и Теймур постоянно с больным горлом ходил", вставала, кряхтя -"буду лечить",- опускала палец в керосин, "открой-ка рот!" и пальцем этим придавливала glandу, и Мамиш молчит, терпит.

"не угу, а да, думать, прежде чем говорить, надо сначала постучаться, а потом уже

входить, старший сказал - надо слушаться старших", та, другая бабушка, никогда ничего не читала, и очков у нее не было, всегда рассказывала ему сказки, и откуда она знала их? Мамиш потом все книжки перечитал и нигде не встретил того Дива, которого Плешивый надвое раз-резал, а эта все время читает, "сказок ты не знаешь?" а она охает: "мама твоя бессребреница разве не сказка, неведомо где ее носит, ищет золото, а у самой и колечка золотого нет. а Тей-мур - вот тебе и сказка!" какая же эта сказка?

"а руки-то, руки у тебя!..- ужасается бабуш-ка.- сначала пойдй вымой, а потом приходи", и соседке Мамиш обязан, где она, неужели так состарилась, что не узнать? позвала его однажды и бутерброд с колбасой протягивает, смотрит, проверяет, съест он колбасу или нет, она ведь свиная, а свинину есть ох какой вели-кий грех, говорила бабушка, и в семье не ели. Мамиш смотрит на колбасу, розовая с белыми кружочками, и думает: есть или не есть? съест- и перевернется мир, стены рухнут, а не съест, подумает, что боюсь, но ведь они едят и ничего!., "а ты попробуй, покажи, какой смелый", взял и стал есть, и ничего вокруг не случается, и даже вкусно, очень вкусно пахнет, пришел домой, думает, а вдруг запах от него. Дивы ведь это чувствуют, бабушка, конечно, не Див... нет, не учуяли, и стал он есть, и ничего с ним... зато помогло в армии, земляки его не едят, а он ничего, и даже очень вкусно, а те мучаются, понимают, что глупо, но, как поднесут ко рту, бледнеют, вот-вот плохо станет, отворачиваются, чтоб другие не видели... "ах, какого человека убили!.."сокрушается Расим. "он ваш и ча-стица ваша в нем!" - говорит Саттар. а Хасай уже не вспомнит тот день, когда повел мальчиков, Гюльбалу и Мамиша, сфотографи-ровать; и придумал - один курит, другой огонь подносит, спичку зажигает, в тот день у них на улице человека убили, "из одной они шай-ки",слышит Мамиш, а Хасай объясняет им: "главное - не связываться с'жу ликами, хулига-нами, бандитами... и прирезать могут, и в про-пасть толкнуть, и веревку на шею"... а потом и фотограф: "бери в рот папиросу!" - "не хочу!"отказывается Гюльбала. "тогда ты бери!"- Мамишу, "я тоже не хочу!", но взял все-таки: он курит, а Гюльбала спичку ему подносит.

и Саттар рассказывает о Тукезбан. она, может, не помнит, но Мамиш запомнил, в сердце его жило: мать сильная и вдруг почему-то губы вздрагивают и слезы катятся. Мамиш в ужасе глядит, как мать плачет... а причина пустяк, что-то обидное сказала Хуснийэ, но что, спроси ее, не вспомнит, не ответит, а для Мамиша это на всю жизнь: мать плачет, хочет что-то сказать ему, но не может, слезы мешают, и текут, и текут слезы у Тукезбан, у его единственной, той, что вдохнула в Мамиша жизнь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ и последняя - ЭПИЛОГ, похожий на ПРОЛОГ, то есть такое окончание, которое может сойти за начало. Мамиш спешит. "Надо, непременно на-до!" Вдруг остановился, поднял голову и неотрывно смотрит на низко бегущие хмурые облака, гонимые северным ветром. Случайная крупная холодная капля обожгла висок, а тучи бегут и бегут. И впечатление та-кое, что угловой дом, похожий на старый, но все еще крепкий корабль, стремительно несется по вспылчивому Каспию и отвисшие клочья туч цепляются за телевизионные антенны.

Мамиш спешит.

Не угонишься за ним.

Идет и идет.

Ветер сорвал с петель оконную раму, осколки стекла посыпались на улицу. Лето, а какой злой ветер!.. Запахло шашлыком. Шашлык и вправду ждать не лю-бит. Он вкусен, когда только что снят с красноглазых уг-лей, обжигает пальцы. Но запах этот обманчив: то ли барашек на вертеле, то ли осла клеймят.